

**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ**

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 25/2023

г. Донецк 2023

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» Минюста России

ВЕСТНИК

ДОНБАССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Юридические науки

**Научный журнал
№ 25 / 2023**

Выходит 4 раза в год. Издаётся с 2016 г.

**Донецк
ДГУЮ
2023**

УДК 34

Главный редактор

Заместитель

главного редактора

Ответственный редактор

Ответственный секретарь

Редакционная коллегия:

Н. В. Барбашова, д-р юр. наук, профессор (*Донецкий государственный университет*)

А.И. Левченков, д-р юр. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права (*Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, г. Луганск*)

Я. В. Полякова, канд. пед. наук, профессор кафедры лингвистики (*Донбасский государственный университет юстиции*)

А. Г. Иванов, канд. экон. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*)

Г. Н. Гапотченко, канд. юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), Р. Х. Гиззатуллин, д-р юр. наук (*Башкирский государственный университет, г. Уфа*), В. В. Груздев, д-р юр. наук (*Костромской государственный университет, г. Кострома*), С. Х. Джигоев, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина*), О. Г. Дьяконова, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина*), В. С. Елисеев, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина*), В. И. Козюберда, канд. юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), В. А. Комаров, канд. юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), С. В. Лихачев, д-р юр. наук (*Курский государственный университет, г. Курск*), А. А. Лукьянцев, д-р юр. наук (*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону*), О. А. Малышева, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина*), С. Ю. Мироненко, канд. юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), А. М. Моисеев, д-р юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), А. А. Николаев, канд. юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), Э. С. Навасардова, д-р юр. наук (*Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь*), Т. И. Отческая, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина*), А. Н. Першин, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина*) А. А. Савченко, канд. юр. наук (*Донбасский государственный университет юстиции*), В. Г. Севка, д-р экон. наук (*Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, г. Макеевка*), А. А. Ситник, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина*), Л. Б. Смирнов, д-р юр. наук (*Северо-Западный институт управления – филиал РАНХ и ГС, г. Санкт-Петербург*), Ю. В. Степаненко, д-р юр. наук (*Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина*)

Журнал зарегистрирован

в Научной Электронной библиотеке (НЭБ) – головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) (лицензионный договор № 596-11/2016 от 10 ноября 2016 г.); в Министерстве информации ДНР. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – Серия ААА № 000169 от 14.11.2017 г.

Внесен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Приказом МОН ДНР от 08.05.2018 г. № 433

Основатель и издатель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» г. Донецк.

Рекомендован к изданию Ученым советом Донбасского государственного университета юстиции, протокол от 28.06.2023 г. № 15

Язык публикации: русский, английский.

Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.

Адрес редакции:

ул. Лебединского, д. 9, г. Донецк, 283049

e-mail: Vestnik.DLA@yandex.ru

Вестник Донбасской юридической академии: сборник научных трудов. – Вып. 25. – Донецк: ДГУЮ, 2023. – 152 с. – («Юридические науки»).

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» Минюста России, 2023

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

**Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie
vy'sshego obrazovaniya «Donbasskij gosudarstvenny`j universitet yusticii»
Minyusta Rossii**

VESTNIK

DONBASSKOY YURIDICHESKOY AKADEMII

Yuridicheskiye nauki

Nauchnyi Zhurnal

№ 25 / 2023

Vykhodyt 4 raza v god. Izdaetsia s 2016 g.

**Donetsk
DGUYu
2023**

UDK 34

Editor-in-chief

N.V. Barbashova, Advanced Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Donetsk State University*)

Deputy editors-in-chief

A.I. Levchenkov, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law (*Lugansk Academy of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Lugansk*)

Executive secretary

I.V. Poliakova, PhD in Pedagogy, Professor of the Department of Linguistics (*Donbass State University of Justice*)

Executive secretary:

A.G. Ivanov, Cand. of Economical Sciences (*Donbass State University of Justice*)

Editorial board:

G.N. Gapotchenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), R.H. Gizzatullin, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Bashkir State University, Ufa*), V.V. Gruzdev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (*Kostroma State University, Kostroma*), S. Kh. Dzhioev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), O.G. Dyakonova, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), V.S. Eliseev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), V.I. Kozyuberda, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), V.A. Komarov, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), S.V. Likhachev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kursk State University, Kursk*), A.A. Lukyantsev, Doctor of Juridical Sciences (*Southern Federal University, Rostov-on-Don*), O.A. Malysheva, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), S.Yu. Mironenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), A.M. Moiseev, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), A.A. Nikolaev, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), E.S. Navasardova, Doctor of Juridical Sciences (*North Caucasus Federal University, Stavropol*), T.I. Otcheskaia, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), A.N. Pershin, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), A.A. Savchenko, Cand. of Juridical Sciences (*Donbass State University of Justice*), V.G. Sevka, Advanced Doctor of Economical Sciences (*Donbass National Academy of construction and architecture, Makeevka*), A.A. Sitnik, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*), L.B. Smirnov, Doctor of Juridical Sciences (*North-Western Institute of Management Branch of RANH and GS, St. Petersburg*), Iu.V. Stepanenko, Advanced Doctor of Juridical Sciences (*Kutafin Moscow State Law University*)

The journal is registered

Of the Scientific Electronic Library (SEL) – the chief executive of the project on determining Russian Science Citation Index (RSCI) (license agreement № 596-11/2016 of November 10, 2016).

In Ministry of information of DPR. Testifying to registration of means of mass information is Series of AAA № 000169 dated 14.11.2017.

Included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for obtaining the scientific degree of the candidate of sciences should be published, for the academic degree of the Doctor of Sciences Order of the Ministry of Education and Science of the DPR dated 08.05.2018 No.433.

Founder and Publisher

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donbass State University of Justice»

Recommended for publishing by Academic Board of Donbass State University of Justice. The Minute № 15 dated 28.06.2023.

Language of publication: Russian, English

All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only by the permission of the author and publisher

Address of editor office:

9, Lebedinsky Street, Donetsk, 283049

e-mail: Vestnik.DLA@yandex.ru

Herald of Donbass Law Academy: collection of scientific papers. – Issue 25. – Donetsk: DSUJ, 2023. – 152 p. – («Juridical science» series).

© Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donbass State University of Justice», 2023

*Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors of the materials

СОДЕРЖАНИЕ

Гапотченко М.Г. Об уголовной ответственности юридического лица в Российской Федерации.	7
Дмитриева А.А. Лингвистическая экспертиза текста в юридической практике.....	15
Еременко Л.В. Особенности применения дисциплинарных взысканий к работникам прокуратуры.....	25
Зарецкая Е.А. Соотношение категорий ограниченной вменяемости и аффекта.....	35
Ильченко А.В., Ильченко Т.Е. Некоторые аспекты исполнения законодательства Российской Федерации по защите информации в системах выделенных сетей связи в транспортной отрасли в условиях действий недружественных стран.....	44
Кашпер А.А. Историко-правовой очерк становления и развития деятельного раскаяния в отечественном уголовном законодательстве.....	53
Ковтун Е.В. Сущность и пределы налоговой юрисдикции государства.....	63
Козачёк Е.С. Классификация соучастников преступления, ее основания.....	72
Мироненко Н.С. Детерминанты насильственной преступности.....	80
Мироненко С.Ю. Субъект применения запрещенных средств и методов ведения войны.....	89
Панчук Е.А. Создание органов прокуратуры Российской Федерации на территории Донецкой Народной Республики.....	99
Самофалов Д.А. Антитеррористическая деятельность в Российской Федерации: правовые основы, субъекты, и направления совершенствования.....	108
Тесля А.И. Отличие убийства при превышении пределов необходимой обороны от убийства без отягчающих обстоятельств и при отягчающих обстоятельствах.	118
Чангли В.С. Использование зарубежного опыта для противодействия коррупционным рискам.....	126
Черникова И.А. Понятие обоснованного риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния.....	134
Штокалова А.А. Противодействие уклонению от уплаты налогов как одно из основных направлений государственной политики.....	145

CONTENTS

Gapotchenko, M.G. On the criminal liability of a legal entity in the Russian Federation.....	7
Dmitrieva, A.A. Linguistic examination of the text in legal practice.....	16
Eremenko, L.V. Features of the application of disciplinary penalties to employees of the prosecutor's office.....	25
Zaretskaya, E.A. Relationship of categories of limited responsibility and affect.....	35
Ilchenko, A.V., Ilchenko, T.E. Some implementation aspects of the Russian Federation legislation on the information protection in dedicated communication networks in the transport industry under the unfriendly countries' actions conditions.....	45
Kashper, A.A. Historical and legal outline of the formation and development of active repentance in russian criminal legislation.....	53
Kovtun, E.V. Essence and limits of the tax jurisdiction of the state.....	63
Kozachok, E.S. Classification of accomplices of the crime, its grounds.....	72
Mironenko, N.S. Determinants of violent crime.....	80
Mironenko, S.Yu. The subject of the use of prohibited means and methods of warfare.....	90
Panchuk, E.A. Creation of prosecution authorities of the Russian Federation in the territory of the Donetsk People's Republic.....	99
Samofalov, D.A. Anti-terrorist activity in the Russian Federation: legal bases, subjects, and areas of improvement.....	108
Teslia, A.I. The difference of murder when exceeding the limits of necessary defense from murder without aggressive circumstances and with aggravating circumstances.....	118
Changli, V.S. Using foreign experience to counter corruption risks.....	126
Chernikova, I.A. The concept of a justified risk as a circumstance excluding criminality.....	135
Shtokalova, A.A. Countering tax evasion as one of the main directions of state policy.....	145

УДК 343.619

М.Г. Гапотченко, аспирант, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: gapotchenko.maxim2010@yandex.ru)

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуются актуальные вопросы, связанные с необходимостью совершенствования законодательства по вопросу становления и развития института уголовной ответственности юридического лица в Российской Федерации. Указываются и анализируются реальные предпосылки к внедрению института уголовной ответственности юридического лица в отечественное уголовное законодательство.

Ключевые слова: уголовное право; уголовная ответственность; юридическое лицо; уголовная ответственность юридического лица; административная ответственность.

Gapotchenko, M.G.

ON THE CRIMINAL LIABILITY OF A LEGAL ENTITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines topical issues related to the need to improve legislation on the formation and development of the institution of criminal liability of a legal entity in the Russian Federation. Indicates and analyzes the real prerequisites for the introduction of the institution of criminal liability of a legal entity in the domestic criminal legislation.

Key words: criminal law; criminal liability; legal entity; criminal liability of a legal entity; administrative liability.

Актуальность темы исследования. Введение уголовной ответственности юридических лиц все чаще рассматривается как одно из направлений совершенствования действующего российского законодательства. В настоящее время юридические лица являются основой финансовой, политической, экономической и правовой системы общества и государства.

Достаточно сказать, что предпринимательская деятельность осуществляется в основном юридическими лицами, и именно данная категория субъектов правоотношений являются основными налогоплательщиками, а также основными работодателями. Располагая значительными финансовыми ресурсами, юридические лица имеют широкие возможности для достижения политических целей; они могут негативно повлиять на поступление налогов, монополизацию важнейших секторов экономики, криминализацию финансово-кредитной системы, сокращение инвестиций и экономической активности населения и так далее. Действующее российское законодательство не способно в полной мере нейтрализовать негативное влияние юридических лиц на общественные отношения. В связи с чем, считаем важным рассмотреть вопрос о необходимости совершенствования законодательства по вопросу становления и развития института уголовной ответственности юридического лица в России.

Анализ научных исследований. Вопросы, посвященные уголовной ответственности юридических лиц в России, были предметом научных исследований таких ученых, как Л.А. Абашина [1], Э.А. Абрамян [2], Г.А. Буякова [4], М.И. Гешелин [6] и др.

Цель исследования – определить и проанализировать предпосылки, а также аргументировать необходимость внедрения института уголовной ответственности юридического лица в отечественное уголовное законодательство.

Для России институт уголовной ответственности юридических лиц является относительно новым, не традиционным правовым явлением. Попытаемся рассмотреть этот вопрос, используя исторический метод, который является одним из основных в юридической науке. Сравнение правовых норм разных исторических эпох и практики их применения можно рассматривать как один из эффективных способов познавательной деятельности, иногда приводящий к неожиданным результатам. Без знания истории того или иного правового института невозможно представить себе его дальнейшее развитие. Однако отсутствие такого исторического опыта или его недостаточность не следует рассматривать как непреодолимое препятствие. Не все в современном праве основано на традициях прошлых веков. Конечно, определенная преемственность правовых норм является положительным аспектом в правовом регулировании, но объективно это не всегда возможно. Действительно, в целом уголовная ответственность юридических лиц в современном российском праве будет концептуальным новшеством и потребует существенного переосмысления отдельных его положений, хотя, как показывают исследования, некоторые его положения, в частности, об ответственности коллективных субъектов, можно найти в дореволюционном российском уголовном праве.

Таким образом, такая «нетрадиционность» уголовной ответственности юридических лиц по отечественному уголовному законодательству, как мы считаем, не станет серьезным препятствием в формировании этого важного, с нашей точки зрения, института. Напротив, в настоящее время мы можем и должны начать все с чистого листа, имея для этого реальные предпосылки и необходимость, используя лучшие практики зарубежных стран и избежать ненужного груза прошлого и ошибок, допущенных на этом тернистом пути. Безусловно, этот процесс не простой и потребует времени и пересмотра устоявшихся, не соответствующих развитию современных общественных правоотношений и устаревших воззрений отдельных ученых юристов, противников внедрения и развития данного института в российском уголовном законодательстве.

Вполне логично – может возникнуть утверждение о том, что уголовная ответственность юридических лиц концептуально невозможна, поскольку юридическое лицо является фикцией и, в принципе, не может быть привлечено к уголовной ответственности. Однако мы считаем, что данный аргумент не выдерживает никакой критики. Даже не вдаваясь в рассмотрение различных

теорий юридического лица, можно сказать, что все они, по крайней мере, допускают самостоятельную гражданско-правовую ответственность этих субъектов права. Скажем больше, признак независимости от ответственности является обязательным признаком юридического лица, т.е. юридическое лицо признается конкретным субъектом права, в принципе способным самостоятельно нести ответственность за правонарушения. Этот элемент обязательно включен в структуру его дееспособности (делинквентности). И если юридическое лицо определено может быть привлечено к такому виду юридической ответственности как гражданско-правовая, то оно может быть привлечено и к другим видам юридической ответственности, например, административной или, в нашем случае – уголовной. Необходимо только обеспечить соответствующие правовые институты, в рамках которых это может быть эффективно реализовано с пользой для государства, отдельных его субъектов экономической деятельности, в сфере экологии и т.д.

Таким образом, нельзя сказать, что уголовная ответственность юридических лиц противоречит самой сути юридического лица. Напротив, независимость, включая уголовную ответственность юридического лица, является одной из необходимых определяющих черт этого субъекта права.

Однако, переходя непосредственно к вопросу совершенствования законодательства в связи со становлением и развитием института уголовной ответственности юридического лица в России, необходимо отметить, что данный процесс должен иметь комплексный характер, то есть происходить по всем направлениям (отраслям) действующего законодательства.

Не вызывает сомнений, что как было сказано выше, такой процесс будет не быстрым, требующим немало времени и сил, слаженной совместной работы межведомственных комиссий различных законодательных, правоохранительных органов и органов государственной власти, общественных организаций и т.д. Любые изменения в действующее законодательство, несущие в себе даже самое малое изменение традиционно устоявшихся взглядов, теорий и концепций по тому или иному вопросу, являются длительным и сложным процессом.

В данном случае считаем уместным привести утверждение Г.И. Богуша, который указывает, что: «Конечно, опыт зарубежного уголовного законодательства нуждается в изучении и осмыслении. Тем не менее, мы выражаем мнение, что не все, что доступно в других правовых системах, приемлемо для российского законодательства. Англо-американское законодательство, помимо уголовной ответственности юридических лиц, знает и другие институты, незнакомые российскому законодательству – «абсолютную ответственность» (strict liability) – ответственность без вины, неопределенные приговоры к лишению свободы и многое другое» [3, С. 21].

Необходимо отметить, что изученный нами международный опыт внедрения института уголовной ответственности юридических лиц свидетельствует, что для такого серьезного изменения в законодательстве

требуется проведение комплексной гармонизации большинства национального законодательства, начиная от уголовного и заканчивая налоговым, экологическим законодательствами.

Считаем, что в России данная необходимость в настоящее время имеет особо актуальный характер, поскольку множество норм национального законодательства имеют предпосылки для того, чтобы юридическое лицо могло быть признано субъектом уголовной ответственности, однако существующее уголовное законодательство, как основное в данном направлении, к сожалению, тормозит этот процесс, и сводит в настоящее время его на нет. Приведем несколько из множества примеров в качестве аргументации указанного нами утверждения. Так, согласно Федерального закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды устанавливаются следующие виды ответственности: 1) имущественная; 2) дисциплинарная; 3) административная; 4) уголовная.

Следует отметить, что административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования закреплены в главе 8 КоАП РФ и включают в себя 64 состава правонарушения, за совершение которых меры административного воздействия могут быть применены в отношении: 1) физических лиц; 2) индивидуальных предпринимателей; 3) юридических лиц.

В свою очередь, осознавая всю важность и необходимость охраны окружающей среды, законодатель в главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) закрепил 18 составов преступлений, за совершение которых (опять же, в силу статьи 19 УК РФ) к уголовной ответственности могут быть привлечены исключительно физические лица.

Однако, проведя сравнительно-правовой анализ между нормами административных правонарушений и уголовных преступлений в сфере экологических преступлений, можно прийти к выводу, что теоретически каждое из экологических преступлений может совершаться юридическим лицом (либо в его интересах).

К примеру, загрязнение, засорение, истощение поверхностных или подземных вод, источников питьевого водоснабжения либо иное изменение их природных свойств, если эти деяния повлекли причинение существенного вреда животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству (состав преступления, предусмотренный частью 1 статьи 250 УК РФ), может осуществляться юридическим лицом при осуществлении им своей непосредственной хозяйственно-промышленной деятельности. Причем, такое загрязнение из-за особо крупного производственного масштаба деятельности юридического лица (по отношению к физическому лицу) может иметь особо крупный характер, и причинить значительно больший и быстрый ущерб, нежели такой ущерб наступил бы в результате противоправных действий физического лица.

В данном случае уместным считаем привести статистические данные, которые свидетельствуют, что число экологических правонарушений (в рамках

административного производства) снизилось с 24867 единиц до 20289 единиц, или на 18,4%, наибольшее сокращение отмечается в 2020-2021 году – общее число выявляемых правонарушений снизилась с 22676 единиц до 20289 единиц или на 10,5% [5].

В свою очередь, удельный вес дел об экологических преступлениях в общей структуре уголовных дел, поступающих в суды, незначителен и составляет не более 1% от общего количества уголовных дел. В прошлом году за эти преступления осуждено более 5 тысяч физических лиц. При этом наблюдается тенденция на снижение их числа, например, по сравнению с 2019 годом – это более 14%. Однако статистические данные, свидетельствующие о снижении числа поступивших в суд уголовных дел по экологическим преступлениям вовсе не свидетельствует о том, что экологические преступления стали совершаться меньше, наоборот, современные способы их совершения совершенствуются и становятся более латентными [5]. Кроме того, невозможность привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, в том числе за совершение экологических преступлений, также оказывает существенное влияние на столь невысокие статистические показатели. Однако необходимо учесть то, что материальный ущерб, нанесенный экологическими правонарушениями, составил 43 294 753 000 рублей, в том числе: 1) в 2020 году – 19 431 558 000 рублей; 2) в 2021 году – 23 863 195 000 рублей [5].

Объем ущерба в сфере экологии сопоставим с бюджетом нескольких субъектов России, что делает эти правонарушения фактором сдерживания устойчивого экономического развития.

Таким образом, мы видим, что несмотря на то, что удельный вес дел об экологических преступлениях в общей структуре уголовных дел, поступающих в суды, незначителен, и составляет не более 1% от общего количества уголовных дел, материальный ущерб, нанесенный экологическими правонарушениями, исчисляется десятками миллиардов рублей, что свидетельствует об их особой опасности.

Признание юридическим лицом субъектом уголовной ответственности, в том числе в сфере экологических преступлений, позволит правоохранительным органам расширить перечень полномочий и средств правового воздействия в отношении охраны окружающей среды. Аналогичная ситуация складывается и в сфере экономической деятельности.

Острая необходимость внедрения института уголовной ответственности юридического лица прослеживается особенно в налоговом законодательстве. Так, кодификация законодательства внесла определенный порядок в развитие экономических отношений и, безусловно, оказала положительное влияние на снижение уровня конфликтности в указанных сферах. В 2002 году вступил в силу Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КОАП РФ), который объединил административную ответственность в сфере финансов, налогов и сборов (глава 15) и таможен (нарушение таможенных правил) (глава 16). Административная ответственность является важным

инструментом обеспечения соблюдения законодательства во всех сферах общественной жизни, в том числе и в экономической сфере.

С принятием норм КОАП РФ такие виды юридической ответственности, как таможенная, банковская, бюджетная постепенно стали достоянием истории. Утратили силу нормы Бюджетного кодекса РФ о бюджетной ответственности, и нормы Таможенного кодекса РФ 1993 года о таможенной ответственности. Однако до сих пор некоторые ученые, явно не понимая сути взаимоотношений, изучают и рассматривают правовую природу финансовой (финансово-правовой) ответственности и отстаивают ее независимость.

Единственным независимым видом ответственности, который все еще в настоящее время сохраняется, действует, применяется и активно исследуется научным сообществом, является налоговая ответственность. Между тем ни Налоговый кодекс (далее – НК РФ), ни другие федеральные законы о налогах и сборах не содержат определений понятия «налоговое правонарушение».

Как известно, ответственность за нарушение норм НК РФ наступает при нарушении правовых запретов (налоговых правонарушений). Согласно положениям статьи 106 НК РФ, налоговым правонарушением является действие (деяние или бездействие) незаконного (в нарушение законодательства о налогах и сборах) характера, совершенное налогоплательщиком, плательщиком страховых взносов, налоговым агентом и иными лицами, в целях, за которые налоговый кодекс устанавливает ответственность.

На сегодняшний день в НК РФ и КОАП РФ предусмотрена административная (финансовая) ответственность за совершение экономических (налоговых) правонарушений в отношении физических лиц, индивидуальных предпринимателей, а также юридических лиц. Тем не менее, как свидетельствуют статистические данные, приведенные в интервью ТАСС заместителем главы СК РФ Е. Леоненко, средний ежегодный ущерб от налоговых преступлений в России оценивается в 58 млрд. рублей, из которых фактически возмещено около 50 % от указанной суммы [8].

Следовательно, отмеченные статистические данные указывают, что административная ответственность в сфере экономических (налоговых) преступлений не способна эффективно бороться с экономическими правонарушениями, что позволяет поднять нам вопрос о расширении в отношении указанных субъектов (индивидуальных предпринимателей, а особенно – юридических лиц) ответственности, а именно – установление уголовной ответственности. Так, на сегодняшний день УК РФ предусматривает более 40 составов экономических преступлений в разделе сферы экономики, объединенных в главу 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Примечательно то, что практически любое из закрепленных в отмеченной главе УК РФ преступлений в той или иной степени (роле соучастника), может быть совершено юридическим лицом.

В качестве примера рассмотрим несколько составов преступлений в сфере экономической деятельности, и начнем с незаконной организации и

проведении азартных игр (статья 171.2 УК РФ). Под незаконной организацией и проведением азартных игр понимается организация и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, либо без полученной в установленном порядке лицензии на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах вне игорной зоны, либо без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», или средств связи, в том числе подвижной связи, за исключением случаев приема интерактивных ставок организаторами азартных игр в букмекерских конторах и (или) тотализаторах, а равно систематическое предоставление помещений для незаконных организации и (или) проведения азартных игр.

Вместе с тем, необходимо обратить внимание на положение пункта 5 статьи 4 Федерального закона от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», который содержит разъяснение термина «организатор азартной игры», в соответствии с которым таковым является юридическое лицо, осуществляющее деятельность по организации и проведению азартных игр.

Следовательно, организацией и проведением азартных игр занимается юридическое лицо, которое соблюло все требования действующего законодательства, устанавливающего правила осуществления такого вида экономической деятельности.

Вместе с тем, в силу статьи 19 УК РФ, уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 171-2 УК РФ (незаконная организация и проведение азартных игр) подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16-летнего возраста. По-нашему мнению, любое должностное лицо юридического лица, занимающегося организацией и проведением азартных игр, в том числе его руководитель, действует исключительно в интересах и от именно юридического лица, тем самым осуществляя его основные цели и задачи, реализуя определённые действия от его имени и в его интересах. Следовательно, в таком случае необходимо оценивать противоправность действий не физического лица, а именно действий юридического лица, поскольку в этом как раз и проявляется правовая сущность правосубъектности и деликтоспособности юридического лица, как субъекта правоотношений.

Как указывает В.В. Качалов: «Фактически юридическое лицо может совершать преступления посредством использования физических лиц, которые выступают своеобразными живыми орудиями, правда, орудиями разумными, могущими нести уголовную ответственность и самостоятельно» [7, С. 37].

Таким образом, вышеуказанная ситуация в очередной раз свидетельствует о реальном пробеле и коллизионности в уголовном праве, когда

в специальном законодательстве в сфере организации и проведении азартных игр (Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации») напрямую указан субъект, являющийся организатором азартных игр (исключительно юридическое лицо), однако уголовное законодательство устанавливает иного субъекта уголовной ответственности за совершение незаконной организации и проведения азартных игр (исключительно физическое, вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста).

Указанные выше примеры рассмотренных составов преступлений являются лишь немногими из многочисленных других случаев, когда анализ правоприменительной практики и судебных решений свидетельствует, что в российском законодательстве давно назрел вопрос о необходимости совершенствования законодательства по вопросу становления и развития института уголовной ответственности юридического лица. Современное состояние уголовного законодательства, налогового, административного, финансового, экологического и других отраслей права требует определенного пересмотра и переосмысления в части субъектного состава ответственных за совершение тех или иных общественно-опасных деяний.

Выводы. Считаем, что в России данная необходимость имеет особо актуальный характер, поскольку множество норм национального законодательства имеют предпосылки для того, чтобы юридическое лицо могло быть признано субъектом уголовной ответственности, однако непосредственное уголовное законодательство, как основное в данном направлении, тормозит этот процесс и сводит в настоящее время его на нет. Поднимая вопрос об уголовной ответственности юридических лиц, мы акцентируем внимание на ряде важных моментах, среди которых особенно необходимо выделить следующее.

Во-первых, уголовная ответственность юридических лиц не исключает уголовную ответственность физически лиц за совершение одного и того же преступления. Следовательно, уголовная ответственность юридических лиц вполне может сосуществовать с принципом личной виновной ответственности, поскольку таковая не исключает ответственности конкретных физических лиц, совершивших общественно опасное деяние в интересах юридического лица и в рамках своей служебной деятельности, в том числе в собственных интересах или в интересах определенного юридического лица.

Во-вторых, мы полагаем, что проявление правосубъектности юридического лица, то есть способности юридического лица своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их, возможно исключительно благодаря действиям его работников (физических лиц), действующих исключительно в интересах такого юридического лица, что в итоге в полной мере будет соответствовать современному развитию общественных правоотношений и принесет Российской Федерации огромную пользу.

Список литературы

1. Абашина Л.А. Юридическое лицо как субъект уголовной ответственности: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Орловский государственный технический университет – Москва, 2008. – 153 с.
2. Абраамян Э.А. Правовые нормы института наказания по уголовному законодательству зарубежных стран / Э.А. Абраамян // The Scientific Heritage. – 2020. – № 48-5. – С. 58-62.
3. Богуш Г.И. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц / Г.И. Богуш // Вестник Московского университета. – 2005. – № 4. – С. 19-29.
4. Буякова Г.А. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц за нецелевое распределение и расходование бюджетных средств / Г.А. Буякова // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 7. – С. 181-185.
5. Генпрокуратура назвала самые распространенные виды экопреступлений в России // Коммуникационный проект «+1 (Плюс Один)» : [сайт]. – 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://plus-one.ru/news/2023/03/17/genprokuratura-nazvala-samy-e-rasprostranennye-vidy-ekoprestupleniy-v-rossii> – (дата обращения: 22.05.2023).
6. Гешелин М.И. Ответственность юридических лиц в современном уголовном законодательстве Англии и отечественной теории уголовного права / М.И. Гешелин // АВБсП. – 2016. – № 2. – С. 41-43.
7. Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против / В.В. Качалов // Lex Russica. – 2016. – № 12 (121). – С. 32-40.
8. СК РФ оценил ущерб от налоговых преступлений в 58 млрд рублей в год // Бизнес портал : [сайт]. – 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.business.ru/news/29697-nalogovye-prestupleniya> – (дата обращения: 22.05.2023).

УДК: 343.148:81

А.А. Дмитриева, старший преподаватель, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: AnnaFr83@mail.ru)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

В статье рассматриваются теоретические аспекты лингвистической экспертизы юридических текстов. Выявляются сложности анализа речевых продуктов. Анализируются задачи, решаемые экспертами. Исследуются понятие, сущность, виды и значение лингвистической экспертизы на предмет соответствия нормам русского языка и требованиям юридической техники. Подчеркивается высокая значимость данного вида экспертизы в решении правовых задач.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, юридическая практика, юридический текст, лингвист-эксперт.

Dmitrieva, A.A.

LINGUISTIC EXAMINATION OF THE TEXT IN LEGAL PRACTICE

The article discusses the theoretical aspects of the linguistic expertise of legal texts. The difficulties of analyzing speech products are revealed. The tasks solved by experts are analyzed. The concept, essence, types and meaning of linguistic expertise are investigated for compliance with the norms of the Russian language and the requirements of legal technology. The high importance of this type of expertise in solving legal problems is emphasized.

Key words: linguistic expertise, legal practice, legal text, linguist-expert.

Актуальность темы исследования. Современное законодательство нуждается в тщательном анализе конкретного объекта, в том числе информационного. Основу такого анализа составляет лингвистическая экспертиза текста, которая применяется при судебных и досудебных разбирательствах и является доказательной основой. Она помогает установить точные факты, которые не могут быть установлены другим способом и играет важную роль при расследовании, установлении подлинности документов.

В настоящее время назначение лингвистической экспертизы является одной из главных потребностей в юридической практике, так как при решении спорных вопросов, касающихся анализа формальной и содержательно-смысловой стороны речи, требуется помощь лингвистов-экспертов.

Анализ научных исследований. Проблему лингвистической экспертизы юридического текста рассматривали в своих научных трудах А.Н. Баранов [2], К.И. Бринёв [3], Е.И. Галяшина [4], А.В. Алымова [1], Я.В. Полякова [11].

Лингвистическая экспертиза существует со времён судопроизводства и, по мнению многих учёных, является самостоятельным направлением прикладной лингвистики. Установление подлинности документов, фактов унижения чести и достоинства осуществляется с древнейших времён. Шведский лингвист Я. Свартвик стал одним из первых лингвистов, который провёл лингвистическую экспертизу посредством сбора и исследования большого массива данных [11, С. 85]. Из анализа документов он выявил, что заявление Т. Дж. Эдварсона содержит официально-деловой и разговорный стиль, то есть обнаружил смешение стилей. Лингвист Я. Свартвик установил, что Эванс не мог диктовать приписываемые ему показания, поскольку в них слишком сильно присутствовал «полицейский регистр» [11, С. 86]. В результате экспертизы обвинения с Эванса были сняты и его оправдали посмертно.

С 1990-х гг. лингвистическая экспертиза стала активно развиваться и пользоваться большой востребованностью. А в 1993 г. появилась Международная ассоциация судебных лингвистов – организация, которая решает вопросы, связанные с языком, законом и состоит в основном из лингвистов. Они рассматривают проблемы спорных и провокационных высказываний, проблемы авторства, товарных знаков и т.д.

Цель исследования – выявление особенностей, значимости и востребованности лингвистической экспертизы текстов в юридической практике.

Изложение основного материала. Юридический текст – это объект лингвистического исследования. Он создаётся по особым правилам и отмечается жёстко закреплённой семантикой на всех языковых уровнях. Каждое понятие в юрисдикции имеет своё точное, чёткое определение и помещено в определённые рамки. Такие понятия в правовом контексте приобретают собственное значение и выходят за границы общезыковых выражений. Значимость приобретает любое слово, его форма, местоположение в предложении, связь с другими членами предложения. Отличительная черта юридического языка заключается в том, что он имеет особые закономерности.

В юридическом тексте важна каждая семантическая единица, так как его главная задача состоит в том, чтобы избежать множества интерпретаций. Если правовой документ, не имеющий статуса закона, создаётся без проверочных мероприятий или экспертизы – это приводит к ошибкам и неоднозначным вариантам понимания. В такой ситуации для устранения спорных положений необходимо проведение лингвистической экспертизы, с помощью которой можно объективно установить значение спорного выражения в юридическом тексте.

В последнее время увеличилось количество судебных исков по делам, в которых источником правонарушения является слово. Можно лишиться свободы за напечатанную информацию, размещённую в комментариях или записанную на диктофон, поскольку результаты лингвистической экспертизы влияют на вынесение судебного решения.

Перечень вопросов, по которым назначается экспертиза, неограничен, поэтому очень часто её используют при определении смыслового содержания высказывания. Это могут быть угрозы, оскорбления, пропаганда, противоправная деятельность. В судебных делах, которые рассматривают языковые конфликты, отмечается, что правонарушения совершаются посредством продуктов речевой деятельности.

В области юрисдикции обнаруживаются свои языковые особенности, требующие проведения экспертизы доказательного характера. Выявление истинных обстоятельств, которые подлежат доказательству в конкретном деле, происходит при помощи проведения лингвистической экспертизы текстов, направленной на установление значимых фактов и получение ответов на поставленные перед экспертом вопросы.

Задачей лингвистической экспертизы является исследование продуктов речевой деятельности. Она представляет собой знание лингвиста о языковых феноменах фактах, зафиксированных в устных или письменных документах. Заключение эксперта-лингвиста должно содержать вопросы, на которые ему предстоит ответить, исследовательскую часть и выводы.

Объектами исследования лингвистической экспертизы являются заявления, договоры, записки, статьи, обращения, протоколы, расписки, жалобы и другие виды письменных текстов. В качественном лингвистическом исследовании нуждаются видеоматериалы, радиопередачи, интервью, аудиозаписи и другие устные продукты речевой деятельности. Проверке подлежат тексты, связанные с электронной коммуникацией – чаты, комментарии, посты, электронные письма, видеоконференции. Информацию, состоящую из вербальных и невербальных компонентов – плакаты, эмблемы, рекламу, видеоролики и т. д., также необходимо проверять посредством тщательного анализа.

Следует отметить, что речевые произведения по обвинению в клевете; защите достоинства и репутации; обвинению в оскорблении, неуважении к суду; обвинению в экстремистской деятельности, возбуждении расовой, национальной, социальной, религиозной ненависти и вражды тоже нуждаются в лингвистической экспертизе. Эксперты анализируют аудиозаписи, печатные тексты, спорные речевые произведения или судебные протоколы, показания свидетелей.

Те данные об особенностях текста, речи, которые устанавливаются при исследовании устной и письменной речи при помощи применения лингвистических знаний, являются предметом судебной лингвистической экспертизы. При такой экспертизе выявляются смыслы, содержащиеся в тексте; передаётся негативная информация о деятельности, моральных, деловых и личных качествах лица; анализируются смыслы, содержащиеся в текстах; устанавливается адекватность передачи смысла текста; значения слов, словосочетаний; определяется смысл содержания письменной и устной речи. А также определяется объём понятий, которые выражаются словами или словосочетаниями; устанавливаются формы выражения негативной информации; оправдываются действия и взгляды; рассматриваются обвинения, угрозы; совершается процесс побуждения к действиям.

В письменных протоколах отображается сказанное устно во время судебного заседания или допроса. Это делает не сам автор, а ответственное лицо: секретарь, следователь или другой сотрудник. Вследствие этого возникают неточности, претензии. Слова неправильно воспринимаются, понимаются и толкуются. Предметом лингвистической экспертизы могут быть устные показания в письменной форме, которые вызывают разного рода трудности.

Лингвистическая экспертиза в юридической практике призвана выяснить: не создавался ли текст с умышленным искажением смысла, были ли соавторы участниками творения речевого продукта, писался ли он под диктовку, не присутствуют ли в нём смысловые противоречия, нет ли в нём угроз, плагиата и т.д. Такие вопросы решаются при помощи воссоздания речевой ситуации, исследования элементов речи: отдельных фраз, речевых оборотов, текстов.

Чтобы установить важные факты, получить ответы на поставленные вопросы, проанализировать речевую деятельность, необходимо провести ряд

речевых исследований. Они позволят установить истинность или ложность информации. Применение различных методик исследования лингвистических объектов даёт право лингвистической экспертизе основываться на теориях языкознания.

Лингвистическая экспертиза считается относительно молодой отраслью исследования, поэтому существует ряд проблем, над которыми необходимо работать: проблема определения типа исследования, привлечения специалистов для комплексной экспертизы текстов, выполнение определённых типов лингвистических исследований.

Материал, поступающий на экспертизу, имеет свою специфику. Постановка вопросов, нестандартность спорных текстов требует модернизировать традиционные методы лингвистического анализа, разрабатывать единые подходы при исследовании текстового материала, вырабатывать общие принципы, которые объединили бы лингвистическую и правовую оценку спорных ситуаций.

В связи с тем, что практическая необходимость проведения лингвистической экспертизы чаще всего возникает при разбирательстве судебных дел, в сфере юриспруденции появляется необходимость в судебно-лингвистической экспертизе. Она назначается при судебном разбирательстве и расследовании гражданских и уголовных дел. Чтобы установить факты и обстоятельства преступления, хозяйственного или гражданского спора необходимо иметь важную доказательную информацию. Благодаря специальным познаниям в области лингвистических дисциплин можно извлечь из разного рода текстов или речевых сообщений значимую криминалистическую информацию. Лингвистические методы исследования широко применяются при криминалистических экспертизах.

На современном уровне развития судебная лингвистическая экспертиза тесно связана с другими речеведческими экспертизами: компьютерно-технической, автороведческой, фоноскопической, почерковедческой, судебно-технической, судебно-психологической, судебно-психиатрической и т.д. Такие экспертизы помогают выявить структуру речи личности и процесс её речевой деятельности, выявить состояние индивида и его мотивацию к процессу коммуникации и общения, исследовать, какие приёмы, при общении и взаимодействии с другими людьми, человек использовал. Знание процесса речевого производства, понимание и интерпретация любой информации, записанной на какой-либо носитель, облегчает процесс экспертизы и повышает её объективность.

Эксперт решает задачи, связанные с юридической сферой: в комбинированных товарных знаках, которые включают словесное обозначение, устанавливает доминирующий элемент; с целью толкования смыслового содержания исследует высказывания; по семантическим, фонетическим и графическим признакам исследует коммерческие обозначения на их оригинальность.

На стадии проектирования проводится экспертиза правовых актов. Она направлена на проверку соответствия языковым нормам текста. На стадии применения экспертиза призвана установить смысл отдельных положений текста документа. Она проводится в отношении текстов, которые обладают юридической силой. Такие тексты имеют высокую правовую и социальную значимость.

В современном обществе возникает потребность в лингвистической экспертизе законопроектов. Она толкует положения текста документа и устанавливает, какие понимания этих положений возможны. Толкование должно производиться в соответствии с нормами и правилами современного русского языка. Необходимость в толковании возникает в основном в отношении правовых норм. Основная причина проведения лингвистической экспертизы в таких случаях – разрыв между установлением права и применением юридических норм. Толкование права становится актуальным при реализации правового процесса.

Правонарушения совершаются посредством речевого поведения при помощи использования продуктов речевой деятельности. При экспертном исследовании устного текста-монолога, чтобы доказать составление его под диктовку или чтение вслух заученной наизусть «чужой речи» необходимы специальные лингвистические познания. Наличие ещё одного лица, участие которого будет доказано, влечёт за собой ответственность за нарушение авторских прав.

Чтобы растолковать смысловое значение слова или его эмоционально-экспрессивное содержание в каком-либо контексте необходима помощь специалиста. Лингвистическое исследование речевой информации носит доказательный характер и оформляется заключением эксперта-лингвиста, так как разрешение ряда вопросов требует специальных знаний в области языкознания.

Эксперт-лингвист, обладающий высокой профессиональной культурой и грамотностью, поможет разобраться с экспертными заданиями, обозначит ряд вопросов, которые необходимо вынести на судебную лингвистическую экспертизу. Он поможет определиться с перечнем материалов, проверит их на доброкачественность, выявит, достаточны ли они для решения экспертных задач, подберёт справочные материалы, проконсультирует в спорных вопросах.

Свои исследования текста эксперт проводит на всех языковых уровнях. Основными видами речеведческих анализов, которые осуществляются экспертами-лингвистами, являются:

- фонетический и фонематический;
- графический;
- словообразовательный;
- морфологический;
- лексико-семантический;
- семантико-синтаксический (контекстный);

- лингвостилистический;
- логико-грамматический;
- аудитивный;
- количественный и качественный контент-анализ.

Для лучшего понимания исследуемого материала эксперт обращается к различным материалам дела. Если сравнить допросы нескольких лиц по одной ситуации, то можно заметить, что они совпадают по делению на абзацы, структуре, последовательности изложения, одинаково описывают детали, порядок слов в предложениях совпадает, повторяются орфографические и пунктуационные ошибки. Становится очевидным, что такие протоколы допросов не могут быть допустимыми доказательствами дела, так как содержат фальсификацию. Рассказывая об одной и той же ситуации, каждый человек, в силу своих индивидуальных, психологических особенностей, будет раскрывать её по-своему, применяя своё собственное словоупотребление, конструирование предложений с индивидуальными речевыми ошибками.

В ходе лингвистического анализа схожих процессуальных документов экспертом определяются лексические признаки письменной речи, являющиеся индивидуализирующими для исходного по временной хронологии текста [1, С.13]. Если установлена схожесть текста на разных языковых уровнях – это даёт право говорить о факте копирования показаний. Такие совпадения могут свидетельствовать о попытке исказить обстоятельства дела, что может привести к искажению информации. В таких случаях приходится обращаться к видеозаписям и по звучащей речи проводить экспертизу для получения объективных результатов.

В современном обществе разрешено свободно выражать свои мысли, мнения в средствах массовой информации. Свобода слова часто приводит к подрыву авторитета представителей власти, правосудия. Критика, недовольства – широко распространённое явление в современном мире. Без привлечения эксперта-лингвиста трудно установить состав преступления и обвинить в клевете или лжи. Без научного обоснования лингвистической экспертизы вряд ли удастся привлечь к наказанию виновных и установить правонарушение, которое совершается посредством устной или письменной речи.

Лингвистическую экспертизу может осуществить только эксперт, владеющий специальными знаниями в области лингвистики. Если специалист не является профессиональным экспертом, в его заключениях могут встречаться домыслы, догадки, непроверенные версии, субъективные мнения, которые не соответствуют выводам экспертизы. Такие филологи могут применять лингвистические методики, которые не прошли апробирование и требуют научных подтверждений. Такого рода результаты не могут браться во внимание в судебных постановлениях и приниматься в качестве доказательств.

Таким образом, требуется профессиональная лингвистическая экспертиза судебного рассмотрения дел по единым научным методикам и лингвистическим технологиям.

В связи с большими объёмами текстов, которые подлежат лингвистической экспертизе, увеличивается время на их проведение и соответственно возрастает потребность в лингвистах-экспертах. Специалисты данного профиля должны проходить специальное обучение в учреждениях высшего образования.

Практика показывает, что юристы, журналисты вместе с лингвистами-экспертами, речеведами могут осуществлять лингвистический и юридический анализ средств массовой информации, судебных, журналистских материалов. При этом претензии физических и юридических лиц к словам и выражениям будут снижаться. Также снизится уровень недопонимания сторон по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан или юридических лиц.

Лингвистическая экспертиза текста позволяет установить, содержит ли конкретный текст негативные сведения о деятельности того или иного лица, каковы его личные, моральные, деловые качества. Лингвист-эксперт определяет, в какой форме выражаются негативные сведения, влияют ли они на репутацию лиц, задевают ли честь и достоинство граждан? Анализ оценочных суждений, мнений, высказываний, предположений значительно облегчает ведение того или иного дела и способствует объективной оценке происходящего.

При нарушении авторских прав лингвист-эксперт определяет жанр, вид и характер произведения. Анализирует текстуальные совпадения. Устанавливает степень переработки текста и объём переработанного материала. Определяет: является ли один текст производным от другого? Знание индивидуальных, уникальных слов позволяет судить об оригинальности, неповторяющихся речевых элементах. Для такого анализа необходимы специальные знания.

Лингвистическая экспертиза призвана привести конфликтующие стороны к общему знаменателю. Эксперты-лингвисты исследуют всё, что изображено буквами в соответствии с правилами и нормами современного русского литературного языка. Их работа направлена на толкование лексического значения слов, словосочетаний, предложений, интерпретацию контекста языковых единиц, толкование и исследование текста и его отдельных фрагментов, выявление основного и дополнительного контекста и т.д. Цель, которая должна быть достигнута – определение смысловой ориентации, семантических и формально-грамматических характеристик, анализ стилистических приёмов и средств.

Сложность лингвистической экспертизы устных и письменных текстов заключается в многослойности речи. Важная информация может передаваться интонацией, тембром, голосом – в устной речи, стилистическими и графическими приёмами – в письменной. Часто коммуникативные цели автора скрываются и имеют зашифрованную направленность. Такие тексты требуют разработки новых методик анализа. Применяя современные методики лингвистической экспертизы, эксперт может расшифровать текст, правильно оценить его глубинный смысл, понять коммуникативную ситуацию, прокомментировать изменение речевого продукта. Текст может содержать

заведомо ложную информацию. Правильное толкование таких речевых продуктов становится фундаментальной основой раскрытия преступлений.

Компетентность эксперта складывается не только из высшего профессионального образования, филологических знаний, но и всех знаний, которые он имеет в области судебно-экспертной специальности. Поэтому наличие знаний только в области языкознания не является достаточным для признания компетентности судебного эксперта. Таким специалистам необходима дополнительная подготовка.

Лингвист-эксперт должен владеть современными экспертными методиками исследования устных и письменных текстов, обладать знаниями общей теории судебной экспертизы, знать специфику уголовного, гражданского, арбитражного процессов, представлять судебную перспективу высказываемых им суждений и мнений.

Учитывая необходимость определения состава преступления, который предусмотрен нормой Уголовного процесса, эксперт сталкивается с решением правовых вопросов. Поэтому одних лингвистических знаний недостаточно для объективного проведения экспертизы, необходимо ориентироваться и на юридическую практику. Эксперты-лингвисты и эксперты-юристы не должны выходить за рамки их компетенции. Только взаимосвязь лингвистики и юриспруденции сможет дать объективный результат при проведении лингвистической экспертизы.

Необходимо подчеркнуть, что вынесение законных решений по судебным делам возможно только в том случае, когда суды смогут опираться на объективные, компетентные, судебные заключения. В юридической практике признаётся, что критерии допустимости и правомерности, так же, как и недопустимости и неправомерности разных форм передачи информации в правовом поле найти крайне сложно, почти невозможно. Поэтому необходимо выходить за пределы собственно правовой проблематики и обращаться к лингвистическим критериям.

Выводы. Таким образом, лингвистическая экспертиза – это сложное научное исследование, которое требует как знания академической теории, так и теории языкознания. Это особый способ доказательств, строго регламентированный в гражданском и уголовном праве. Конечная цель будет достигнута только тогда, когда лингвистическая экспертиза будет содержать юридически значимые выводы. Результаты исследования должны соотноситься с признаками состава правонарушения, которые зафиксированы в законе.

Дальнейшее развитие лингвистической экспертизы играет важную роль в юридической практике, так как экспертиза в системе юрисдикции решает ситуации, возникающие между субъектами права, и является инструментом защиты интересов личности, общества и государства.

Исследования в области правовой лингвистики необходимы, поскольку многие сферы использования языка не регламентируются правом. Например, отсутствует статья закона, следовательно, противоправное действие не является

правонарушением: языковое манипулирование сознанием, суггестивные технологии предвыборных кампаний, рекламы и т. д.

При помощи исследования речевой деятельности и её результатов можно глубже и обширнее выявить состояние личности и причины её поведения, намерения, способы и приёмы, которые использует индивид в акте коммуникации. В перспективе лингвистическая экспертиза составит основу судебной речеведческой экспертизы, что поможет принимать справедливые судебные решения.

Высокая практическая значимость лингвистической экспертизы в юридической практике побуждает проводить дальнейшие теоретические и экспериментальные исследования и разрабатывать специальные методики.

Список литературы

1. Алымова Е.В. Лингвистическая экспертиза по уголовным, гражданским и административным делам: опыт российского эксперта – Донбассу / Е.В. Алымова // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – 2022. – № 21. – С. 7-17.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А.Н. Баранов. – 6-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2018. – 592 с. – ISBN 978-5-9765-0083-9.
3. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза [Текст] : моногр. / К. И. Бринев ; под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – 252 с.
4. Галяшина Е.И. Судебное речеведение / Е.И. Галяшина. – Москва : Юридическое издательство «Норма», 2020. – 320 с. – EDN NLRDPS.
5. Губаева Т. Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации [Текст] / Т. Губаева, М. Муратов, Б. Пантелеев // Российская юстиция. – 2002. – № 4. – С. 64-65
6. Желтухина М.Р. Основы психолого-лингвистической судебной экспертизы: учеб. Пособие / М.Р. Желтухина. – Волгоград: НОУ ДПО «ШАМ АО», 2008. – 64 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
8. Кусов Г.В. Типология решения общих экспертных задач в судебной лингвистической экспертизе [Текст] / Г.В. Кусов // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф. – 2015. – С. 27-33.
9. Лингвистическая экспертиза [Текст]: справочник для судей, следователей, адвокатов, доверенных представителей и патентных поверенных / под ред. С.В. Плевако, М.Г. Куликовой. – М.; Барнаул : АНО «Судебная Алтайская академия экономики и права», 2012. – 24 с.
10. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов / Т.А. Назарова, Е.А. Гримайло, Н.Ю. Мамаев, А.П. Коршиков,

А.В. Ростовская // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: Ч.1 / Под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В. В. Мартынова. – Москва : ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС, 2010.

11. Полякова Я.В. Некоторые вопросы истории и современных тенденций развития юридической лингвистики в зарубежных странах / Я.В. Полякова // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – 2022. – № 21. – С. 83-92.
12. Стернин И.А. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста [Текст] / И.А. Стернин, Л.Г. Антонова, Д.Л. Карпов, М.В. Шаманова. – Ярославль, 2013. – 35 с.

УДК 349.227

Л.В. Еременко, доцент, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: eremenkov_dua@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗЫСКАНИЙ К РАБОТНИКАМ ПРОКУРАТУРЫ

В статье проанализированы нормативные акты Российской Федерации, регулирующие порядок привлечения работников прокуратуры к дисциплинарной ответственности, а также судебная практика по трудовым спорам вышеуказанной категории субъектов. Среди прочего изучены особенности толкования прокурорами-руководителями прокуратур и судами правовой природы нарушения присяги прокурора как основания для увольнения работника прокуратуры. Предложено внесение изменения в Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность работников прокуратуры; нарушение Присяги прокурора; ответственность за нарушение Присяги прокурора; сроки привлечения к дисциплинарной ответственности прокурора.

Eremenko, L.V.

FEATURES OF THE APPLICATION OF DISCIPLINARY PENALTIES TO EMPLOYEES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

The article analyzes the normative acts of the Russian Federation regulating the procedure for bringing employees of the prosecutor's office to disciplinary responsibility, as well as judicial practice on labor disputes of the above category of subjects. Among other things, the peculiarities of interpretation by prosecutors – heads of prosecutor's offices and courts of the legal nature of violation of the prosecutor's oath as grounds for dismissal of an employee of the prosecutor's office were studied.

Proposed amendments to the Federal Law of 17.01.1992 № 2202-1 «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation».

Key words: *disciplinary responsibility of prosecutors; violation of the Oath of the prosecutor; responsibility for violation of the Oath of the prosecutor; terms of bringing to disciplinary responsibility of the prosecutor.*

Актуальность темы исследования. Осознание важности и сложности целей, которые стоят перед органами прокуратуры РФ, приводит к повышению требований к служащим и введению специальных дисциплинарных взысканий. Однако, повышенная ответственность служащего прокуратуры справедливо компенсируется предоставлением особых видов поощрений.

Прокуратура РФ – централизованная система органов, действующая от имени РФ, осуществляющая надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории РФ. Согласно ч.1, 2 ст. 40, ч. 1 ст. 40.1 Федерального закона № 2202-1 от 17.01.1992 «О прокуратуре Российской Федерации» [1], прокурорские работники, являясь федеральными государственными служащими, исполняют обязанности по должности федеральной государственной службы с учетом требований отмеченного закона. Объектом и предметом исследования данной работы являются теоретические, практические и законодательные основы института дисциплинарной ответственности работников прокуратуры.

Анализ научных исследований. Вопросы, посвященные дисциплинарной ответственности работников прокуратуры, срокам привлечения к указанному виду ответственности освещались в работах В.М. Грибовского, Д.Н. Бахрах, Ю.С. Адушкина, М.И. Ануфриева, однако исследования проблематики отнесения нарушения Присяги прокурора к дисциплинарной ответственности до настоящего времени не было проведено.

Цель исследования. Изучение особенностей института дисциплинарной ответственности, примеряемой к служащим прокуратуры. Определение правовой природы нарушения Присяги прокурора, как вида дисциплинарного проступка.

Изложение основного материала. Правовая культура в обществе складывается из моральных принципов непосредственно каждого отдельно взятого гражданина, однако заметим, что исключительная роль отведена именно должностным лицам, пребывающим на государственной службе, и их профессионально-этическим устоям. Е.А. Янчик акцентирует внимание на том, что «положительная деловая репутация – один из самых ценных активов. Она формируется работниками на основе действующих ценностных ориентаций, целей организации и корпоративной культуры и является залогом будущего успеха» [12].

Дисциплина труда в общем понимании трудового права накладывает на работника обязанность подчиняться законодательству о труде, требованиям локальных нормативных актов, утвержденных на конкретном предприятии и условиям индивидуального трудового договора с работодателем и, кроме того,

когда речь идет о специальных категориях работников, особенности регулирования труда которых подчиняются требованиям специального законодательства, то к обязанности такого работника относится и соблюдение таких специальных требований.

А.Н. Карабут под дисциплиной труда понимает «определённый порядок поведения в процессе применения наёмного труда, включающий в себя ряд установленных правил, обязательных для соблюдения» [14]. Но, говоря о дисциплине труда в прокуратуре, нужно отметить, что помимо общих требований, специальным законодательством предполагаются дополнительные обязательства, связанные с характером реализовываемых прокуратурой функций.

Специфика поставленных задач и важность профессиональной деятельности работников прокуратуры по надзору от имени государства за соблюдением законодательства, порождает определенные особенности дисциплинарной ответственности: с одной стороны эти особенности проявляются в установлении для них более жестких требований, но с другой нужно обратить внимание на гарантии и социальные льготы, являющиеся в свою очередь дополнительной мотивацией.

Как отмечает Е.А. Янчик, «с исторической точки зрения, так называемые должностные преступления зародились ещё в глубокой древности, как только человек познал на себе все предоставленные ему и обеспеченные легитимностью возможности по праву его особенного юридического положения в обществе, репутации и иных признаков (военные качества, высокая образованность, грамотность в сфере принятия законов)» [2].

Нужно понимать, что вступая в ряды прокурорских работников и принимая Присягу, лицо добровольно отдается служению Закону, клянется неукоснительно соблюдать Конституцию и законы, беспристрастно бороться с их нарушениями, добиваться высоких результатов своей деятельности; в полном объёме отстаивать интересы отдельной личности, общества в целом; внимательно относиться к обращениям и жалобам граждан, быть объективным и честным, принимая любые решения; расти над собой, дорожить своей профессиональной честью, быть образцом неподкупности, моральной чистоты, скромности, беречь и приумножать лучшие традиции в прокуратуре [13].

Такие особенные требования к прокуратуре совершенно обоснованы, поскольку работники этой структуры наделены, во-первых, властными полномочиями, что по умолчанию требует от них особенной честности и неподкупности, во-вторых – именно по результатам деятельности каждого отдельно взятого прокурора и будет формироваться авторитет всего ведомства в целом.

Следование принципам профессиональной этики должно восприниматься не как обязанность, навязанная государством, а как желаемый и добровольный выбор каждого, принявшего решение связать свою жизнь с прокуратурой.

Свобода труда гарантирована как на международно-правовом уровне регулирования прав [4, ст. 23], так и национальным законодательством. Конституция РФ предусматривает право каждого «свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию» [8, ст. 37]. Кроме того, все граждане РФ имеют одинаковые права на доступ к государственной службе [8 ст. 32]. То есть лица, добровольно реализуя свое право свободно распоряжаться способностями к труду и право на выбор рода деятельности, делают самостоятельный и взвешенный выбор в пользу служения органам прокуратуры, осознанно, руководствуясь внутренними мотивами и убеждениями, возлагают на себя обязательства по выполнению конституционно значимых функций. Этим и объясняется их специальный правовой статус и как следствие – соответствующая их статусу ответственность за поступки, действия или бездействия. Однако высокую нравственность служащих прокуратуры есть смысл отмечать только в тогда, когда государство нацелено на создание «равной жесткой требовательности ко всем нарушителям нравственных норм, а также на создание надежной социальной, экономической и правовой защиты служителей закона» [15, ст. 53].

Касательно прокурорских работников нужно сказать, что в силу повышенного влияния результатов их работы на общественные отношения в целом, в своей деятельности они обязаны руководствоваться, прежде всего, понятиями о добре и зле, основанными не только на их личных убеждениях, что безусловно важно и является обязательной базой, но и на объективных требованиях к этим понятиям, сложившихся в процессе развития юридической науки в целом.

Действующим законодательством отмечается, что присяга принимается государственными служащими, от которых в силу особенностей реализации ими официальных функций ожидается кроме профессионализма, еще и решимость к несению службы в особых условиях, что предполагает обладание такими личностными качествами, которые дают им возможность при любых обстоятельствах – в том числе, несмотря на потенциальную угрозу для их жизни и здоровья – действовать в интересах каждого человека, общества и государства [6].

Трудовые отношения прокурорских работников регулируются трудовым законодательством РФ, ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», другими нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права и организационно-распорядительными документами Генерального прокурора Российской Федерации.

Дисциплинарный проступок, являющийся поводом для привлечения к дисциплинарной ответственности в соответствии ч. 1 ст. 41.7 ФЗ «О прокуратуре РФ» понимается как неисполнение или ненадлежащее исполнение работником своих служебных обязанностей и совершение проступков, которые порочат честь прокурорского работника. За указанное предусматриваются определенные виды взысканий, вплоть до увольнения.

Видим, что поводом для привлечения работника прокуратуры к одному из видов дисциплинарной ответственности может быть не только неисполнение или ненадлежащее исполнение своих прямых служебных обязанностей, но и такие проступки, которые порочат честь прокурорского работника.

Профессор С.Ю. Головина отмечает, что «такая дефиниция явно расширяет рамки общепринятого в трудовом праве понятия дисциплинарного проступка. Объясняется это повышенными требованиями к личным и нравственным качествами прокурорского работника» [11].

Среди целей любого вида юридической ответственности укажем главную – предотвращение опасных деяний (действий или бездействий) против общественного правопорядка и нивелирование их вредных результатов. Используя все допустимые законодательством меры влияния на лиц, посягнувших на общественный правопорядок, нужно не забывать, что цель мер воздействия состоит главным образом в правильной корректировке поведения государственного служащего, в исправлении его отношения к государственной службе. Это касается и работников органов прокуратуры.

Дисциплинарный проступок выражается в виновном противоправном действии или бездействии работника. Касательно рассматриваемой категории работников, отметим, что в случае с ними, понятие дисциплинарного проступка имеет особенности, предусмотренные законом. Своеобразная специфика привлечения прокурорских работников к одному из видов дисциплинарной ответственности – это совершение ими таких поступков, которые порочат честь прокурорского работника [13, ст. 41.7].

Законом о прокуратуре РФ четко обозначена субординация субъектов применения дисциплинарных взысканий: правом наложения дисциплинарных взысканий обладают прокуроры – руководителями прокуратур. Объем указанных прав зависит от статуса прокурора.

Порядок наложения дисциплинарного взыскания соответствует общим правилам, предусмотренным ст. 193 Трудового кодекса РФ. Однако в целях детализации и конкретизации правил поведения и норм служебной этики прокурорского работника в профессиональной и во внеслужебной деятельности в соответствии со ст. 17 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 № 114, утвержден «Кодекс Этики прокурорского работника Российской Федерации».

Согласно разделу 1 «Общие положения» указанного Кодекса, к обязанностям прокурорского работника как в служебной, так и во внеслужебной деятельности относится безоговорочное соблюдение Конституции РФ, законодательства РФ, иных нормативно-правовых актов, норм международных договоров, ратифицированных Российской Федерацией, руководствоваться правилами поведения, установленными упомянутым Кодексом, Присягой прокурора (следователя), а так же общепринятыми этическими нормами, основанных на началах морали, честности, справедливости; стараться всегда

сохранять благородство и достоинство, оставаться примером нравственности и добропорядочности во всех сферах общественной жизни; избегать связей и ситуаций, которые могли бы пошатнуть его авторитет, достоинство, равно как и репутацию прокуратуры Российской Федерации в целом.

В соответствии с п. 2.1.4 Кодекса в служебной деятельности работник прокуратуры должен неукоснительно соблюдать все запреты, ограничения и обязанности, установленные российским законодательством для государственных служащих.

Но, несмотря на эффективность применения института дисциплинарной ответственности, надо отметить, что все же человеческий фактор играл и продолжает играть значительную роль в прокурорской службе.

Поскольку для наложения дисциплинарной ответственности прокурорских работников, к помимо четко оговоренным российским законодательством основаниям, добавляются еще и такие, которые не достаточно конкретно сформулированы (а именно, нарушение Присяги прокурора), имеют место случаи, когда прокуратуры – руководители прокуратур субъективно и крайне свободно трактуют порядок привлечения к дисциплинарной ответственности работников за нарушение присяги Прокурора в качестве основания для увольнения. Разность трактовки заключается в том, что имеют место случаи, когда прокуроры, увольняющие работников на основании нарушения Присяги, а также суды, рассматривающие в последующем иски об обжаловании таких увольнений, считают, что дисциплинарная ответственность с четко установленными сроками привлечения к ней может быть применена лишь к лицам, совершившим именно дисциплинарный проступок, т.е. деяние, четко предусмотренное ст. 41.7 ФЗ «О прокуратуре РФ», а поскольку закон не содержит однозначной формулировки о признании нарушения Присяги дисциплинарным проступком, то и нет необходимости в соблюдении специальных сроков для привлечения к дисциплинарной ответственности.

Например, дело № 2-388/2017 от 31.05.2017 по иску Апраксина В.В. к прокуратуре Архангельской области о признании незаконными и необоснованными увольнения за нарушение присяги.

Несогласие истца с приказом об увольнении основывалось на его утверждении о необходимости при привлечении к дисциплинарному наказанию соблюдать установленные для дисциплинарной ответственности сроки, которые в его случае истекли.

Суд первой инстанции сослался на ст. 41.7ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», устанавливающую возможность привлечения к дисциплинарной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение прокурорским работником своих служебных обязанностей и совершение проступков, которые задевают честь работника прокуратуры [13].

Также суд напомнил о сроках привлечения к дисциплинарной ответственности – непосредственно после обнаружения проступка/не позднее

одного месяца со дня его обнаружения/не позднее шести месяцев со дня совершения проступка [13].

Суд посчитал категории «дисциплинарный проступок» и «нарушение Присяги» не пересекающимися и, ссылаясь на вышеуказанные нормы, пришёл к выводу о самостоятельности такого основания для увольнения как нарушение Присяги прокурора, равно как самостоятельным основанием является и увольнение, применяемое в качестве дисциплинарного взыскания. Поэтому суд заключил, что прокурор-работодатель не должен ориентироваться на сроки привлечения к дисциплинарной ответственности в случае увольнения за нарушение Присяги прокурора, поскольку это деяние, предусмотренное подпунктом «в» пункта 1 ст. 43 ФЗ «О прокуратуре РФ», дисциплинарным проступком не является.

Аналогичную позицию заняли суды первой, апелляционной и кассационной инстанции в деле уволенного за нарушение присяги работника прокуратуры Бердникова М.В., который также обратился в суд за обжалованием приказа прокурора Томской области от 5 марта 2020 г. об увольнении за нарушения Присяги прокурора и совершение проступков, порочащих честь прокурорского работника (подп. «в», п. 1 ст. 43 Закона о прокуратуре).

В удовлетворении иска ему было отказано как решением районного суда, так и вышестоящими инстанциями. Суды также не приняли во внимание аргумент истца о том, что при увольнении был пропущен срок привлечения к дисциплинарной ответственности, установленного п. 8 ст. 41.7 ФЗ «О прокуратуре РФ», посчитав, что сроки для наложения дисциплинарного взыскания применению в указанном деле не подлежат.

Озвучивая указанную проблематику, нужно отметить, что она касается не только прокурорских работников, поскольку кроме лиц, впервые назначаемых на должность прокурора, присягу принимают и некоторые другие категории: поступающие на военную службу, на службу в органы внутренних дел, в Следственный комитет Российской Федерации, на службу в органы принудительного исполнения, в таможенные органы. И поскольку для всех указанных категорий присяга обретает одинаковое юридическое значение, значит и последствия, наступаемые в случае нарушения присяги, должны быть аналогичными для всех, принявших присягу, не зависимо от вида службы.

Поэтому уместным будет упоминание подобной ситуации, имеющей место и при оспаривании приказа Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 25 января 2018 года об увольнении за нарушение Присяги сотрудника СК РФ. Суд также, как и в вышеупомянутых судебных решениях констатировал, что неверно отождествлять нарушение Присяги с дисциплинарным правонарушением и как следствие – неверным было бы применение в данном случае сроков, установленных для наложения дисциплинарных взысканий, предусмотренных ч. 8 ст. 28 ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации».

Определением судьи Верховного Суда Республики Калмыкия

от 14.09.2018 г. в передаче кассационной жалобы Горяева Е.С. для рассмотрения в порядке кассации было отказано, кроме того, очередной раз было акцентировано внимание на недопустимости ставить знак равенства между нарушением Присяги сотрудника СК и дисциплинарным проступком.

Выводы. Видим, что проблема вольного толкования природы нарушения Присяги – очевидна, и причина кроется в отсутствии до настоящего времени на законодательном уровне, а именно в ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», в ФЗ «О прокуратуре РФ», равно как и в законодательстве, регулирующем прохождение службы в таможенных органах Российской Федерации четкого и однозначного признания нарушения присяги дисциплинарным проступком.

Прямое признание на законодательном уровне дисциплинарного характера нарушения присяги давало бы понимание необходимости соблюдения установленного порядка привлечения к дисциплинарной ответственности, в том числе и необходимости соблюдения специальных сроков.

Точку в случаях такого спорного понимания норм закона и увольнения за нарушение присяги должностных лиц без соблюдения сроков, установленных для привлечения к дисциплинарной ответственности, поставил Конституционный Суд своим Постановлением № 24-П от 06.06.2022 (дело Бердникова) [9].

КС отметил, что и нарушение присяги, и дисциплинарные проступки имеют общий характер – совершенное сотрудником неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей, возложенных на него в связи с прохождением государственной службы. Постановлением КС [9] прямо было указано, что при решении вопроса об увольнении за нарушение присяги должны соблюдаться сроки привлечения к дисциплинарной ответственности.

КС акцентировал внимание, что Присяга – это официальная торжественная клятва, влекущая возникновение равных обязанностей и последствий в случае ее нарушения для всех служащих, ее принявших в силу предписания закона. Нарушение присяги должно влечь за собой последствия, ровно такие же, как и за совершение дисциплинарного проступка, в том числе с соблюдением установленных сроков [9].

При этом КС указал, что принципиальное значение имеет характер рассматриваемого деяния, поскольку в случае нарушения Присяги в результате совершения коррупционного правонарушения возможно применение специального законодательства.

Нужно отметить, что постановление по аналогичному делу, а именно – обжалование увольнения за нарушение присяги служащим (в данном случае – сотрудника СК РФ) без соблюдения сроков, предусмотренных для привлечения к дисциплинарной ответственности, ранее уже выносилось Конституционным Судом 26.03.2020 [10].

КС уже отмечал, что нарушение Присяги сотрудника комитета СК РФ имеет аналогичную правовую природу с дисциплинарный проступком, а,

следовательно, порядок привлечения к ответственности за нарушение Присяги сотрудника СК РФ должен быть подчинен тем же правилам, которым подчиняется порядок привлечения к дисциплинарной ответственности.

Конституционный Суд в своем Постановлении [10] уже высказывал позицию о необходимости применения сроков, установленных для привлечения к дисциплинарной ответственности к случаям увольнения за нарушение присяги, но мы видим продолжающуюся судами практику увольнения работников прокуратуры за нарушение присяги без оглядки на установленные специальные сроки для привлечения к дисциплинарной ответственности. И, несмотря на вынесение спустя почти два года аналогичного по своей сути вышеуказанному Постановлению КС [10], Постановления Конституционного Суда РФ [9], указывающего на необходимость применения специальных сроков, как для дисциплинарных проступков, так и для случаев нарушения присяги, являющихся по своей сути также дисциплинарным проступком, на сегодняшний день никаких изменений ни в законодательство, ни в ведомственные акты внесено не было.

Представляется, что упорядочивание практики привлечения к дисциплинарной ответственности работников прокуратуры возможно путем внесения изменений в ст. 41.7 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Предлагается следующая редакция ч.1 ст. 41.7 ФЗ «О прокуратуре»: «За неисполнение или ненадлежащее исполнение работниками своих служебных обязанностей и совершение проступков, порочащих честь прокурорского работника, нарушение Присяги прокурора, руководители органов и организаций прокуратуры имеют право налагать на них следующие дисциплинарные взыскания...».

Таким образом, мы вводим «нарушение Присяги прокурора» в перечень дисциплинарных проступков, которые могут стать основанием привлечения к дисциплинарной ответственности. Указанное изменение представляется с одной стороны – достаточно унифицированным, с другой – отражает максимальный спектр возможных вариативных случаев. Кроме того, предложенное изменение может дать руководителю возможность применения других видов дисциплинарной ответственности с учетом тяжести совершенного дисциплинарного проступка в случае установления факта нарушения работниками прокуратуры Присяги прокурора.

Список литературы

1. Федеральный закон № 2202-1 от 17.01.1992 г. (ред. от 29.12.2022) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2023). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ – (дата обращения: 31.05.2023).

2. Вестник Донбасской юридической академии: сборник научных трудов /. – Вып. 18. – Донецк: ДЮА, 2021. – 157 с. – («Юридические науки») – С. 151-152.
3. Вестник Донбасской юридической академии: сборник научных трудов /. – Вып. 17. – Донецк: ДЮА, 2021. – 242 с. – («Юридические науки») – С. 134.
4. Вестник Донбасской юридической академии: сборник научных трудов. – Вып. 21. – Донецк: ДЮА, 2022. – 95 с. – («Юридические науки») – С. 89.
5. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ – (дата обращения: 31.05.2023).
6. Головина С.Ю. Правовое регулирование труда отдельных категорий работников: учебно-практическое пособие / С.Ю. Головина. – Москва : Дело, 2003. – С. 55.
7. Звягинцев А.Г. Правосознание и духовность как основа государственности / А. Г. Звягинцев // Законность. – 2008. – № 2. – С. 42-46.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 31.05.2023).
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.06.2022 № 24-П «По делу о проверке конституционности подпункта "в" пункта 1 статьи 43 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина М.В. Бердникова». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418729/ – (дата обращения: 31.05.2023).
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 №13-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 2 статьи 30 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е.С. Горяева». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348691/ – (дата обращения: 31.05.2023).
11. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности пункта 3 части 2 статьи 30 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е.С. Горяева, город Санкт-Петербург, 26 марта 2020 г. № 13-П.
12. Трудовое право России : учебник для бакалавров / отв. ред. Ю.П. Орловский. Москва : Издательство Юрайт, 2014. – 854 с. – Серия: Бакалавр. Академический курс.
13. Цыбулевская О.И. Мораль; Право; Власть / под ред. Н.И. Матузова. – Саратов : Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2004. – 124 с.
14. Шувалова Н.Н. Этика и этикет государственной и муниципальной службы: учебник / Н.Н. Шувалова. – Москва : Юрайт, 2015. – 374 с.

15. Якушева С.Е. О нравственных началах прокурорской деятельности / С.Е. Якушева, Н.В. Желоков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – №1 (132). – 202 с.

УДК: 343.222

Е.А. Зарецкая, аспирант, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: kerriin_94@list.ru)

**СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ОГРАНИЧЕННОЙ
ВМЕНЯЕМОСТИ И АФФЕКТА**

Авторами исследования рассмотрены вопросы относительно определения видов аффекта. Все соображения по поводу аффектов, будь то физиологического или простого аффекта, представляют интерес только с одной точки зрения: возможности отнесения их к категории ограниченной вменяемости, а следовательно, и включения в норму, регламентирующую эту категорию. Предпринята попытка дать обоснование того, какие виды аффекта можно и необходимо относить к ограниченной вменяемости.

Ключевые слова: *ограниченная вменяемость, психические аномалии, аффект.*

Zaretskaya, E.A.

**RELATIONSHIP OF CATEGORIES OF LIMITED RESPONSIBILITY
AND AFFECT**

The authors of the study considered questions regarding the definition of types of affect. All considerations about affects, whether physiological or simple affect, are of interest only from one point of view: the possibility of classifying them as a category of limited sanity, and, consequently, including them in the norm regulating this category. An attempt has been made to justify what types of affect can and should be attributed to limited sanity.

Key words: *limited sanity, mental anomalies, affect.*

Актуальность. В течение длительного времени законодатель уделяет достаточное уголовно-правовое значение эмоциональным состояниям, в которых находится лицо, совершающее преступление, и которое повлияло на его способность осознавать свои деяния и (или) управлять ими. Снижение способности личности осознавать свои деяния и (или) управлять ими учитываются как на уровне дифференциации уголовной ответственности, так и на уровне ее индивидуализации. Несмотря на значительный научный интерес к указанной проблеме, есть основания полагать, что ученые пока не предложили приемлемую дефиницию понятия «состояние сильного душевного волнения», не определили объем и содержание этого понятия. Так же в науке уголовного права остаётся дискуссионным вопрос об отнесении аффекта к категории невменяемости (ограниченной вменяемости). Кроме этого, учитывая ряд

факторов, в частности, значительные достижения в психологической науке, современные тенденции в судебной практике и т.п., ряд изложенных в юридической литературе теоретических положений стали спорными или требующими дополнительного углубленного анализа. Учитывая это и многие другие важные обстоятельства, считаем, что комплексное исследование уголовно-правового и психологического аспектов состояния сильного душевного волнения позволит выяснить его объем и содержание.

Анализ научных исследований. Понятие аффекта не ново ни для уголовного законодательства, ни для уголовно-правовой науки. Для формирования собственных научных положений и выводов относительно уголовно-правовой характеристики аффекта и его соотношения с категорией ограниченной вменяемости авторы исследования опирались на теоретические разработки таких учёных юристов и психологов, как: С.В. Бородин, В.Н. Кудрявцев, М. Коркина, А.Я. Боткин, В.В. Сташис, М.И. Бажанов, Е.Р. Кейдунова, Е.А. Мавренкова, И.П. Напханенко, Д.В. Попандопуло, О.Д. Ситковская, Н.Ф. Кузнецова, Т. Ткаченко, В.Б. Первомайский.

Цель исследования. Целью исследования является формулирование теоретически обоснованных выводов относительно соотношения категорий ограниченной вменяемости и аффекта.

Изложение основного материала. Для состояния вменяемости характерно, что лицо во время совершения общественно опасного деяния полностью осознает фактический характер и общественную опасность своих действий, и руководит своим поведением [3]. Однако существует такое понятие как состояние аффекта, которое Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) определяет в статье 107 (убийство, совершенное в состоянии аффекта), и статье 113 (причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта), где, согласно признакам данных статей, субъекта относят к категории вменяемых лиц.

Однако согласиться с такой позицией законодателя в этом вопросе означает согласиться с тем фактом, что лицо, на момент совершения указанных преступлений, полностью осознаёт свои действия и контролирует их. Но эта позиция противоречит самой природе аффекта, который оставляет неизгладимый отпечаток во всех процессах психической деятельности человека, включая сознательную и волевою сферы деятельности. В состоянии аффекта эмоциональный стресс достигает такой высокой степени, что происходят качественные изменения в психике и организме человека [1].

Можно ли говорить о человеке, который находится под влиянием аффекта, который ослабил контроль над его поведением, что такой человек достаточно вменяемый, как того требует уголовное законодательство? Мы полагаем, что нет. Вменяемость предполагает, что человек полностью осознает природу своих действий и может руководить ими, чего нельзя сказать о человеке, который находится в состоянии аффекта.

Говоря о состоянии сильного душевного волнения, законодатель не раскрывает его сути, а без этого невозможно правильно определить юридическую природу данного состояния. Отсутствие законодательного определения формулировки «сильного душевного волнения» ведет к разным его толкованиям, а значит и к различиям в квалификации преступлений, совершаемых в состоянии сильного душевного волнения. В целом все авторы соглашаются с мнением, что сильное душевное волнение – это, по сути, состояние аффекта. Однако и здесь возникает вопрос в связи с тем, что одни авторы, говоря о сильном душевном волнении, имеют в виду лишь физиологический аффект, не считая это состояние болезненным, другие, характеризуя сильное душевное волнение, вкладывают в это понятие вроде бы тоже физиологический аффект, но одновременно говорят и о простом аффекте, его видах: гнев, страхе, отчаянии, приводя примеры из судебной практики, где под влиянием этих эмоций совершались преступления [8, С. 94].

По специфике протекания и характеру воздействия на поведение субъектов различают несколько видов аффектов: 1) кумулятивный; 2) патологический; 3) аномальный; 4) аффект на почве алкогольного опьянения; 5) физиологический [2].

В связи с возникновением необходимости отграничения аффекта как нормального состояния психики от аффекта с болезненными проявлениями, в литературе и практике экспертов возникло и укрепилось понятие «физиологический аффект» и «патологический аффект».

В течение длительного времени проблема разграничения указанных состояний решалась путем признания человека, у которого возникает физиологический аффект, психически здоровым, а человека, у которого патологический – имеющим психическое заболевание. В литературе преобладал подход, в соответствии с которым считалось, что патологический аффект может возникать лишь у лиц, страдающих психическим расстройством. Таким образом, установление состояния, в котором находился субъект, сводилось, по сути, к установлению психической полноценности человека или наличия у него психического расстройства. Эта позиция справедливо была подвергнута критике. Действительно, у лиц с отклонениями от нормы патологический аффект может возникать легче, но с практической точки зрения лишь тогда, когда вне конкретного эпизода человек является психически здоровым, можно говорить о патологическом аффекте.

Патологический аффект по ряду признаков качественно отличается от физиологического. Как правило, он возникает в ответ на неожиданный сильный раздражитель, но в некоторых случаях это состояние может возникать и без внешнего повода (повод может существовать только в болезненном сознании человека), что несвойственно для физиологического аффекта. Патологический характер аффекта проявляется в глубоком помрачении сознания с бурным двигательным возбуждением и автоматическими бесцельными агрессивными действиями, с последующим состоянием полной прострации [7].

Диагностика патологического аффекта должна основываться на закономерностях возникновения и развития данного состояния в отличие от особенностей возникновения и развития физиологического аффекта. Характер нарушений сознания при патологическом аффекте характеризует неспособность лица осознавать характер и общественную опасность своих действий, то есть психологический критерий невменяемости субъекта в отношении противоправных действий. Таким образом, это болезненное состояние психики исключает уголовную ответственность.

Однако в литературе нет устоявшейся позиции касательно отнесения физиологического аффекта к категории ограниченной вменяемости. Между тем влияние физиологического аффекта на эмоционально-волевую сферу, а именно – неспособность лица в полной мере осознавать значимость своих действий и руководить ими, по нашему мнению, отражает состояние психики человека, которое характерно для него во время его пребывания в состоянии ограниченной вменяемости и составляет её психологический критерий.

Медицинский критерий ограниченной вменяемости не представляется определить четким списком психических расстройств. Чаще всего речь идет о следующих видах психических состояний:

- 1) психопатизация (посттравматическая, наркотическая или иная) – развитие слабоумия под влиянием серьезного психологического истощения;
- 2) психопатия (расстройство личности);
- 3) «афганский» синдром – посттравматическое стрессовое расстройство;
- 4) цереброваскулярная энцефалопатия (сосудистая, в начальной стадии);
- 5) интеллектуальное снижение (легкая форма);
- 6) невроз;
- 7) невротические синдромы (соматогенные, являющиеся либо частью клинической картины иного заболевания (рак, острая почечная недостаточность и др.), либо вызванные фактом госпитализации) [4].

Лица, страдающие одним из перечисленных психических расстройств, имеют подавленную волю, склонны к недобровольному эмоциональному взрыву (впадают в кататонический ступор / возбуждение), не могут удержаться от совершения противоправного деяния, даже осознавая последствия, не понимают социальной значимости своих собственных действий, или не знают о последствиях своих действий (нанесение травмы третьему лицу во время судорожных движений обвиняемого, который был в эпилептическом приступе). Следовательно, ограниченная вменяемость может возникнуть во многих случаях [5].

Ввиду вышеизложенного целесообразно отнести к состоянию ограниченной вменяемости не только психические расстройства, но и такое психическое состояние как физиологический аффект, поскольку их воздействие на психику человека одинаково по своей природе. В обоих случаях происходит сужение сознания, из-за которого человек не может полностью осознавать свои действия и руководить ими во время совершения преступления.

Анализируя аффект, стоит отметить, что, несмотря на отождествление терминов «физиологический аффект» и «аффект», исследователи, которые допускают смешение данных понятий, толкуют аффект не через определение понятия физиологического аффекта, а через иное определение, а именно: в психологии аффект трактуется как определенная разновидность эмоциональной реакции, которой присущи кратковременность, яркость и сила. Но такое понимание не противоречит убеждениям психологов, включающим в это понятие и физиологический аффект, стресс, и тому подобные эмоциональные состояния, при которых человек может потерять контроль над своими действиями, а также не осознавать их [2].

УК РФ предусматривает уголовную ответственность за убийство и причинение тяжкой или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта. Комментируя эти нормы закона, Т. Ткаченко пишет, что «вводится такой субъективный признак, как «аффект», который признается тождественным «внезапно возникшему сильному душевному волнению»» [9, С. 31]. Говоря дальше о том, что психология различает несколько видов аффекта: радости, страха, отчаяния, ужаса, гнева, злобы, ненависти, отмечает, что указанным преступлениям свойственны аффекты гнева и ненависти, как агрессивные реакции на неприятность [9, С. 32]. Единого мнения и общей позиции относительно содержания понятия сильного душевного волнения на практике не выработано. Такое положение вещей, когда нет четкого разграничения между понятием физиологического аффекта, простого аффекта и другими эмоциональными состояниями, когда все они рассматриваются в общей категории, когда понятием «аффект» охватываются все его виды, в том числе и физиологический аффект, образовалось в связи с тем, что все эти состояния рассматриваются в пределах нормы как неболезненные проявления в большей или меньшей степени.

Стоит отметить, что некоторые научные разработки ученых в области психиатрии не без основания свидетельствуют о болезненной природе физиологического аффекта. Думается, что такая позиция заслуживает должного внимания. В юридической энциклопедии [6, С. 170] физиологический аффект определяется как кратковременное болезненное расстройство психической деятельности непсихотического уровня, возникающее внезапно под влиянием внешних факторов. Проявляется эмоциями гнева или страха, сужением сознания, двигательным возбуждением и действиями, направленными на уничтожение раздражителя. Изучение физиологического аффекта дает основания рассматривать его как острое реактивное аффективное пограничное (непсихотическое) состояние. Физиологический аффект отличается от патологического аффекта по принципу дихотомии: вменяемый – невменяемый. Физиологический аффект отвечает критериям психической болезни и значительно ближе к патологическому аффекту, чем к нормальным аффективным реакциям. Его проявления свидетельствуют о существенной ограниченности способности личности сознательно контролировать свои

действия. Эти проявления исключительно в жизни субъекта и соответствуют признакам реакции борьбы, чем и подтверждают свою болезненную природу.

Юридически физиологический аффект признается одним из компонентов сильного душевного волнения, поскольку отличается от неболезненных аффективных реакций дезорганизацией сознания, что сказывается на степени вины. Характерные признаки физиологического аффекта: чрезвычайность реакции личности; фазность течения близка к патологическому аффекту; внезапность возникновения (неожиданность для субъекта), имеющая объективные признаки и ощущаемая субъективно; типичные сосудисто-вегетативные проявления; сужение сознания с расстройством целостности восприятия, ограничением способности управлять своими действиями, их злость; несоответствие характера и результата этих действий причине, вызвавшей их, то есть их неадекватность; связь действий и аффективных переживаний с психотравмирующим фактором; внезапность выхода вследствие психического истощения; частичная амнезия после содеянного. Во время физиологического аффекта частично сохраняется психическая связь между объектом и субъектом общественно опасных действий. Физиологический аффект устанавливается судебно-психиатрической экспертизой и, по нашему мнению, является медицинским основанием для признания лица ограниченно вменяемым.

В данном исследовании авторы придерживаются позиции, что физиологический аффект является временным болезненным расстройством психики, однако его возникновение не связано с психическим заболеванием. Отнесение психоэмоционального состояния лица к болезненному во время аффекта авторами объясняется тем, что аффект сопровождается нарушением гормонального фона работы эндокринной системы, что не относится к заболеваниям, однако является отклонением от нормы. Данная позиция подтверждается достижениями в области психоэндокринологии (область медицины, в рамках которой изучается взаимодействие между функционированием эндокринной системы организма человека и его психикой).

Состояние физиологического аффекта сохраняет способность осознания собственного поведения, хотя и не полном объеме. Поэтому лицо, совершившее преступление в состоянии физиологического аффекта, признается вменяемым и подлежит уголовной ответственности.

Все эти соображения по поводу аффектов, будь то физиологического или простого аффекта, представляют интерес только с одной точки зрения: возможности отнесения их к категории ограниченной вменяемости, а, следовательно, и включения в норму, регламентирующую эту категорию.

Да, физиологический аффект можно с полной уверенностью отнести к ограниченной вменяемости, поскольку, по утверждению специалистов (психиатров) природа физиологического аффекта такова, что способность осознавать свои действия и управлять ими он не просто ограничивает, а существенно ограничивает. Кроме того, он полностью отвечает

психологическому критерию ограниченной вменяемости. Здесь возникает вопрос, а как же быть с аффектом, протекающим в пределах нормы? Почему его также не отнести к ограниченной вменяемости? Аффект ведь тоже может существенно ограничивать способность осознавать свои действия и управлять ими, хотя и в рамках нормы. Какова разница законодателю, какова природа этих аффектов (болезненная или неболезненная). Главное, чтобы они влияли на способность личности осознавать и управлять своими действиями (существенно ограничивали эту способность), а, следовательно, и на ответственность.

Рассмотрим такую позицию. Так, говоря об ограниченной вменяемости, психологическим критерием которой является существенное ограничение способности осознавать свои действия и (или) управлять ими, отнесем к ней состояние аффекта. Что получится? Физиологический аффект, предшествующий патологическому, является сильным проявлением среди аффектов (проявление, достигшее такой степени, что перешло в новое качество – стало болезненным, отсюда и способность осознавать и управлять своими действиями при нем существенно ограничивается), все остальные аффекты (уже в пределах нормы) более слабые, имеют свои степени, за ними следуют еще более слабые аффективные реакции. Так вот, если опустить «планку» (психологического критерия) до сильнейшего аффекта в пределах нормы, оговориться при этом, что он тоже может существенно снизить способность осознавать и управлять своими действиями только в пределах нормы, то имеем следующее: физиологический аффект существенно ограничивает способность осознавать и управлять своими действиями – нужно смягчать ответственность; аффект, например – аффект ярости, тоже ограничивает способность осознавать и управлять своими действиями, естественно, не в такой степени как физиологический аффект, но тоже значительно (в пределах нормы) – также необходимо смягчать ответственность, только меньше (размер наказания, как известно, может колебаться в статье (в зависимости от степени аффекта)). Однако, если будет смягчаться ответственность за аффект, более слабый, чем физиологический аффект, то почему ее не смягчать за еще более слабый аффект, например, аффект гнева (он тоже по своей степени может значительно повлиять на способность личности осознавать и управлять своими действиями). Где остановиться в этом ряду аффектов, если психологический критерий, определяющий пределы понятия ограниченной вменяемости, начинает расширяться, «размываться», теряет четкую определенность (четкие пределы)?

Нельзя с полной уверенностью сказать о том, стоит ли лицам, которые находились в состоянии аффекта (за исключением физиологического аффекта), обязательно смягчать ответственность, ведь реакции, которые у них возникают – это норма, и они в большей или в меньшей степени адекватны ситуации, в отличие от физиологического аффекта и других состояний, которые следует относить к ограниченной вменяемости. Отметим, не следует забывать, что природа психических аномалий, которые имеют характер незначительного психического расстройства и психологического характера аффекта в пределах

нормы, различны. Вот почему медицинские меры могут применяться к лицам с психическими отклонениями в качестве меры уголовно-правового воздействия. Но такие меры не могут применяться к лицам, которые совершили преступление в состоянии аффекта в пределах нормы, потому что такой аффект не является болезненным психическим расстройством, а представляет собой нормальное психическое состояние здорового человека.

Поэтому целесообразным и логичным будет отнести к ограниченной вменяемости из всех аффективных реакций только физиологический аффект, поскольку состояние физиологического аффекта соответствует всем признакам понятия ограниченной вменяемости. Как уже ранее отмечалось, ограниченная вменяемость – это уголовно-правовая категория, характеризующая психическое состояние лица при совершении преступления, обязательным признаком которого (состояния) является существенное ограничение вследствие хронического или временного расстройства психической деятельности (непсихотического уровня) способности лица осознавать свои действия (бездействие) и (или) управлять ими при качественном сохранении критической функции сознания.

Проанализируем, соответствует ли физиологический аффект признакам этого понятия. Научно доказано, что физиологический аффект – это кратковременное болезненное расстройство психической деятельности. Опять же, с научной (медицинской) точки зрения, физиологический аффект – это слишком сильное психическое состояние, которое, если возникает, существенно ограничивает способность осознавать свои действия и управлять ими. Физиологический аффект либо есть, либо его нет, у него нет переходных степеней, уровней. То есть, при физиологическом аффекте способность осознавать свои действия (осознавать фактическую сторону и общественную опасность деяния) и управлять ими существенно ограничена. И последнее, физиологический аффект – это «временное болезненное расстройство психической деятельности (непсихотического уровня)», которое проявляется преимущественно аффективными расстройствами.

Относя физиологический аффект к категории ограниченной вменяемости, требуется установить наличие необходимых условий для признания действия, совершенного в состоянии физиологического аффекта. Такими условиями являются:

– наличие со стороны потерпевшего противозаконного насилия (физического или психического) или тяжкого оскорбления, выступающих побудительными причинами действий виновного лица;

– наличие у виновного лица в момент совершения преступного действия острого аффективного пограничного (непсихотического) состояния, которое не исключает вменяемости и представляет собой кратковременное болезненное расстройство психической деятельности, возникающее в ответ на действие чрезвычайного раздражения, и в значительной степени сужающее способность

осознавать свои действия и управлять ими. Таким состоянием является физиологический аффект;

– внезапность возникновения этого особого состояния – физиологического аффекта, когда он появляется немедленно как ответная реакция на противозаконное насилие или тяжелое оскорбление;

– внезапность формирования при физиологическом аффекте умысла на убийство, причинение тяжких или средней тяжести телесных повреждений и немедленная его реализация. Следует отметить, что при физиологическом аффекте действия лица направлены только на так называемый «раздражитель», то есть противозаконное насилие или тяжкое оскорбление должны исходить именно от потерпевшего. Иначе говоря, исходя из природы и механизма физиологического аффекта, действия лица, находящегося в состоянии физиологического аффекта, могут быть направлены только на лицо, которое своими действиями (противозаконным насилием или тяжким оскорблением) вызвало это состояние, но не на других лиц или имущество (например, преднамеренное уничтожение или повреждение индивидуального имущества граждан).

Выводы. Вышеизложенный анализ даёт возможность сказать о том, что лиц, совершивших преступление в состоянии физиологического аффекта, следует признавать ограниченно вменяемыми, поскольку, по сути, они отвечают всем критериям (признакам) ограниченной вменяемости. Сходство этих состояний (психических расстройств и физиологического аффекта) заключается в том, что, в общем, они одинаково влияют на сознательно-волевою сферу деятельности преступника. Это обстоятельство имеет свои уголовно-правовые последствия для человека, в том числе в сфере назначения наказания.

Так, только наличие нормы в Общей части УК, регламентирующей категорию ограниченной вменяемости, будет стимулировать осуществление более тщательного исследования состояния психики виновного по каждому конкретному делу. А это, в свою очередь, позволит делать справедливые выводы о признании или непризнании лица ограниченно вменяемым. В связи с этим предлагается заменить формулировку «психические расстройства» в медицинском критерии ст. 22 УК РФ на «психические аномалии» с тем, чтобы к некоторым эмоциональным состояниям психики, в частности, к физиологическому аффекту, могла быть применена экспертная оценка в виде ограниченной вменяемости, поскольку эти состояния протекают с изменениями сознания, которые соответствуют психологическому критерию категории, изложенной в ст. 22 УК РФ.

Список литературы

1. Боткин А.Я. Преступный аффект как условие невменяемости / А.Я. Боткин. – Москва : Статут, 2003. – 342 с.
2. Кейдунова Е.Р. Понятие и виды аффектов / Е.Р. Кейдунова, Е.А. Мавренкова, И.П. Попандопуло // Философия права. – 2017. – № 4 (83). – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-affektov> – (дата обращения: 30.04.2023).

3. Коркина М.В. Психиатрия. Учебник / М.В. Коркина, Н.Д. Лакошина. – Москва : Медицина, 1995. – 326с.
4. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступления / В.Н. Кудрявцев. – Москва : Статут, 2006. – 672 с.
5. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова. – Москва : Городец, 2007. – 336 с.
6. Первомайський В.Б. Афект фізіологічний / В.Б. Первомайський // Юридична енциклопедія: в 6 т. / Редкол.: Ю.С. Шемшученко (відп. ред.) та ін. – Київ : «Укр. енцикл.», 1998. – Т.1: А-Г. – С. 170.
7. Ситковская О.Д. Аффект: криминально-психологическое исследование / О.Д. Ситковская. – Москва : Юрлитинформ, 2001. – 240 с.
8. Сташис В.В. Преступление против личности в УК УССР и судебной практике / В.В. Сташис, М.И. Бажанов. – Харьков : Высшая школа, 1981. – 216 с.
9. Ткаченко В.И. Ответственность за преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта / В.И. Ткаченко // Законность. – 1996. – № 7. – С. 31-33.

УДК 004.056.2: 347.775

А.В. Ильченко, ассистент кафедры, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) (г. Москва)
(e-mail: andrewilchenko@yandex.ru)

Т.Е. Ильченко, руководитель направления, ООО «АФЛТ-Системс», (г. Москва)
(e-mail: t.ilchenko@me.com)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИИ В СИСТЕМАХ ВЫДЕЛЕННЫХ СЕТЕЙ СВЯЗИ В ТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЙ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ СТРАН

В статье проанализированы некоторые аспекты исполнения законодательства Российской Федерации в сфере связи и защиты информации в выделенных сетях связи транспортной отрасли, возникшие в 2022 году и позже в ответ на такие действия недружественных стран, как ограничения ими импорта в РФ комплектующих, программно-аппаратных комплексов в целом, прекращение поддержки программного обеспечения. Также рассмотрены риски нарушения целостности сетей связи транспортной отрасли в связи с участвовавшими кибератаками со стороны недружественных

стран и руководящие документы, направленные на противодействие этим нарушениям.

Ключевые слова: законодательство, информация, информационная безопасность, транспорт, безопасность, системы связи.

Pchenko, A.V., Pchenko, T.E.

SOME IMPLEMENTATION ASPECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION LEGISLATION ON THE INFORMATION PROTECTION IN DEDICATED COMMUNICATION NETWORKS IN THE TRANSPORT INDUSTRY UNDER THE UNFRIENDLY COUNTRIES' ACTIONS CONDITIONS

The article analyzes some aspects of the implementation of the legislation of the Russian Federation in communications and information protection in the dedicated communication networks of the transport industry, which arose in 2022 and later in response to such actions of unfriendly countries as restrictions on the import of components and software and hardware complexes in general, termination of software support. Also, regarding risks of violating the integrity of the communication networks of the transport industry due to the increased cyberattacks from unfriendly countries and the guidance documents aimed at countering these violations are also considered.

Key words: legislation, information, information security, transport, security, communication systems.

Актуальность проблемы. В транспортной отрасли применяется большое количество информационных систем и сетей связи, в частности выделенных сетей для организации связи на объектах транспортной инфраструктуры. В большинстве случаев оборудование и программное обеспечение, применяемое на объектах транспортной инфраструктуры, имеет происхождение из иностранных государств. В результате введения санкций ряда иностранных государств после начала специальной военной операции в феврале 2022 года, в том числе против российской транспортной отрасли, многие производители прекратили продажу и поддержку своих продуктов на территории Российской Федерации, а также в большинстве случаев лишили своих клиентов обновлений программного обеспечения, поставок запасных частей и т. д. Между тем в транспортной отрасли системы связи являются объектами критической инфраструктуры (например, сети внутрипортовой связи, сети безопасности, сети управления воздушным движением). В 2022 году был принят ряд законодательных актов, например, Указ № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», который содержит прямой запрет использования иностранного программного обеспечения (ПО) государственными органами и государственными заказчиками, а также заказчиками, осуществляющими закупки в соответствии с 44-ФЗ и 223-ФЗ, на принадлежащих им значимых объектах критической информационной инфраструктуры [1]. В статье далее раскрываются некоторые аспекты

обеспечения непрерывности и безопасности функционирования выделенных сетей связи и сопутствующие нормативно-правовые акты.

Анализ предшествующих исследований и публикаций. Одним из основополагающих законодательных актов является Указ Президента РФ от 15.01.2013 г. № 31с «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» [2]. Согласно данному Указу, полномочия по созданию и внедрению государственной системы обнаружения атак и уязвимостей возлагается на ФСБ России.

Количество исследований, посвящённых импортозамещению программного и аппаратного обеспечения на объектах критической инфраструктуры, в 2022 году возросло по сравнению с предыдущими периодами, однако их содержание в основном представляет собой толкование положений законодательных и нормативно-правовых актов, в том числе отраслевых.

Целью исследования является анализ применения существующих законодательных и нормативно-правовых актов в области защиты информации в выделенных сетях связи в условиях санкционного давления после начала специальной военной операции в феврале 2022 года и исследование проблем обеспечения безопасности выделенных сетей связи.

Основное содержание. Исторически системы связи на объектах транспортной инфраструктуры СССР развивались в ногу со временем и регулировались как законодательными актами, так и ведомственными распоряжениями и стандартами, в том числе международными, так как Советский Союз входил в соответствующие организации, сообщества и союзы, принимая и все их нормативно-регуляторные документы. Например, связь «земля-борт» и связь внутрипортовая всегда были и остаются регламентированы международными стандартами Международной организации гражданской авиации (ИКАО) и Международной ассоциации воздушного транспорта (ИАТА).

В гражданской авиации связь можно разделить на авиационную воздушную и внутрипортовую. В ходе исполнения задач по управлению информационными системами и процессами персонал в первую очередь исполняет требования информационной безопасности. Риски, связанные с обеспечением непрерывности предоставления сервисов коммуникаций, могут повлечь за собой как авиационные инциденты, так и происшествия и катастрофы [8]. Внутрипортовая представлена связью для обеспечения наземного обслуживания воздушных судов (ВС) и обеспечения объектовой безопасности. На рубеже 2000-х годов использовались аналоговые ОВЧ-частоты. От Министерства гражданской авиации СССР российским регуляторам в этой области, аэропортам, наземным операторам и авиакомпаниям досталась полоса 160 МГц, которая в 70-80е годы прошлого века удовлетворяла всем требованиям обеспечения производства и безопасности полётов, обслуживания

пассажиров, багажа, грузов и почты, однако в 20-х годах нынешнего столетия это уже не соответствует современным требованиям ни по пропускной способности, ни по защищенности.

В ОАО «РЖД» (как и когда-то в Министерстве путей сообщения СССР) системы станционной связи и связи на перегонах были представлены аналоговой УКВ-связью. Сейчас на железнодорожном транспорте идет внедрение цифровых видов связи. В 2000-х годах вслед за европейскими ж/д компаниями была попытка внедрить связь стандарта GSM-R (Global System for Mobile communications – Railway, стандарт мобильной связи GSM для железнодорожных перевозок), однако она не увенчалась успехом. Тем не менее, в настоящее время на железных дорогах повсеместно применяются как цифровые, так и аналоговые виды связи.

Сети связи предприятий транспорта, в том числе сети для обеспечения транспортной безопасности могут быть отнесены и к технологическим, и к выделенным. В соответствии со ст. 14 Федерального закона от 07.07.2003г. № 126-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О связи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) выделенными сетями связи являются сети электросвязи, предназначенные для возмездного оказания услуг электросвязи ограниченному кругу пользователей или группам таких пользователей [3]. Оказание услуг связи операторами выделенных сетей связи осуществляется на основании соответствующих лицензий в пределах предусмотренных ими территорий и с использованием нумерации, присвоенной каждой выделенной сети связи в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти в области связи [3].

Отдельно рассматриваются сети связи, предназначенные для обеспечения авиационной и транспортной безопасности. Технические средства для обеспечения транспортной безопасности должны отвечать требованиям Постановления Правительства РФ от 26 сентября 2016 г. № 969 «Об утверждении требований к функциональным свойствам технических средств обеспечения транспортной безопасности и Правил обязательной сертификации технических средств обеспечения транспортной безопасности» [4].

В настоящее время можно выделить два основных направления в законодательстве Российской Федерации – организационное и техническое обеспечение защиты информации в выделенных сетях связи.

Поскольку Федеральной службой по технико-экспортному контролю (ФСТЭК) уже выявлено более 1000 уязвимостей и недокументированных возможностей удалённого администрирования в оборудовании и программном обеспечении, поставляемом недружественными странами, был издан ряд распоряжений и рекомендаций по отключению обновлений, изоляции сетей связи от сети Интернет, что обусловлено множественными кибератаками со стороны недружественных стран, пик которых пришёлся на период март-июнь 2022 года.

Риски информационной безопасности и защиты информации в выделенных сетях связи необходимо свести к минимуму, чему способствует исполнение упомянутых выше рекомендаций ФСТЭК, в частности, по отключению обновлений иностранного ПО и изоляции объектов КИ от публичных сетей и сети Интернет.

Связь в сети связи должна быть обеспечена в дуплексном режиме (аналоговом) или в цифровом канале связи. Это означает, что под требования Постановления Правительства РФ от 26 сентября 2016 г. № 969 «Об утверждении требований к функциональным свойствам технических средств обеспечения транспортной безопасности и Правил обязательной сертификации технических средств обеспечения транспортной безопасности» [5] подпадают следующие технологии:

- аналоговая радиосвязь в дуплексном режиме с применением ретрансляторов;
- цифровые виды радиосвязи DMR (Digital Mobile Radio) Tier II, III;
- TETRA (Terrestrial Trunked Radio);
- другие цифровые стандарты связи в VHF- и UHF-диапазоне;
- перспективные виды связи на основе стандартов LTE (Long Term Evolution), например, MCPTT (Mission Critical Push-To-Talk).

Общая схема взаимодействия в сети связи на объекте транспортной инфраструктуры может быть представлена следующим образом:

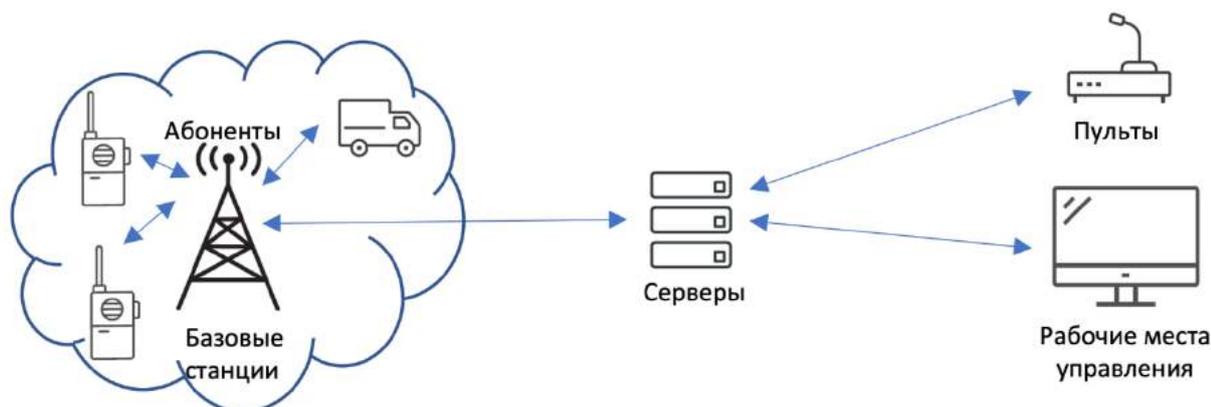

Рисунок 1 – Общая схема цифровой сети связи на объекте транспортной инфраструктуры

Также должно быть обеспечено протоколирование информации о вызовах в соответствии с требованиями как отраслевых регуляторов, так и законодательства Российской Федерации в области противодействия терроризму. Например, Федеральные авиационные правила «Радиотехническое обеспечение полетов воздушных судов и авиационная электросвязь в гражданской авиации», утвержденные приказом Министерства транспорта Российской Федерации от 20 октября 2014 г. № 297 предусматривают хранение

информации о переговорах глубиной не менее 2 месяцев [5]. Федеральный закон «О связи» [4] предусматривает необходимость применения комплексов СОРМ для выделенных сетей связи, в том числе в рамках антитеррористической деятельности. Также Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ [6] регулирует обслуживание субъектов критической информационной инфраструктуры, к которым относятся и выделенные сети связи на транспорте, с помощью системы государственных и частных центров компетенции (центров ГосСОПКА) для обнаружения и предупреждения кибератак, как развитие создававшихся начиная с 2008-2010 годов различными ведомствами и органами исполнительной власти собственных систем обнаружения и предупреждения кибератак (СОПКА).

Широкое распространение на транспорте в последние годы, в том числе, и в 2023 году, получили системы связи следующих иностранных производителей:

- Motorola Solutions MOTORTBO – системы от односайтовых DMR Tier II до транкинговых Capacity Plus, Capacity Max;
- Motorola Dimetra – TETRA;
- Hytera DMR / Hytera TETRA;
- различные ретрансляторы Yaesu, Kenwood и др.;
- российские производители.

Российские производители в основном представлены в силовых структурах. В транспортной отрасли, где операторами аэродромов и других объектов инфраструктуры являются в основном структуры частные, хотя некоторые и с государственным участием, внедрение отечественных аналогов на добровольной основе на сегодняшний день не распространено. Однако во исполнение законодательства до 1 января 2025 года мы ожидаем увеличения доли отечественных программно-аппаратных комплексов.

В основном выделенные сети связи изолированы от сети Интернет и предоставляют доступ сторонних абонентов телекоммуникационных сетей. Если же речь идет о сетях, которые должны быть подключены к сети Интернет, то в них должны применяться сертифицированные ФСТЭК межсетевые экраны и желательно двухфакторная авторизация.

Поскольку сети связи зачастую представляют собой сети DMR Tier II с одним или несколькими ретрансляторами, один из типов атаки может быть реализован посредством проникновения через Интернет или в результате акта незаконного вмешательства (АНВ) и получения доступа к сети путём использования хищения радиостанции.

Похищенная радиостанция может быть использована злоумышленником как устройство для проникновения внутрь сети и доступа к информации в ней. Для сетей, построенных на технологиях стандарта DMR, доступные злоумышленнику в результате получения абонентского устройства данные могут включать в себя:

- DMR ID – абонентский номер;
- TGID – номер группы;
- Color Code – защитный код;
- частотный план радиосети.

Доступ к этой информации позволяет, например, прослушивать переговоры и выходить в эфир в сетях связи, использующих DMR Tier II.

Для исключения подобных случаев необходимо предпринять административные и технические меры. К административным мерам относятся: строгий учет абонентских терминалов (радиостанций), определение порядка их выдачи и сдачи, регламент использования.

К техническим мерам относится применение специальных функций – удаленной блокировки, удаленного отключения, удаленного стирания памяти для похищенных или скомпрометированных устройств. Данные меры могут быть реализованы только в сложных системах DMR Tier II производства Motorola, Hytera и других производителей. Автором проведены испытания также и российских производителей, которые соответствуют стандарту DMR и предлагают расширенные функции по удаленному управлению.

В результате действий недружественных стран в 2022 году крупнейшие производители телекоммуникационного оборудования, в числе которых Motorola Solutions, фактически ушли с рынка Российской Федерации. При этом эксплуатирующие системы связи, построенные на их решениях, организации остались без технической поддержки и поставок оборудования, комплектующих и запасных частей. И если оборудование и запасные части поставляются с использованием параллельного импорта (что в свою очередь увеличивает риски получения контрафактной продукции в силу отсутствия контроля её происхождения и соответствия российским стандартам качества), то услуги технической поддержки не могут быть закуплены без согласования в соответствии с Правилами согласования закупок иностранного программного обеспечения, в том числе в составе программно-аппаратных комплексов, в целях его использования заказчиками, осуществляющими закупки в соответствии с Федеральным законом «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (за исключением организаций с муниципальным участием), на принадлежащих им значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также закупок услуг, необходимых для использования этого программного обеспечения на таких объектах, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 22 августа 2022 г. № 1478 [7], если не получено специальное разрешение на закупку подобной технической поддержки.

Автор статьи лично в 2022 году планировал продление технической поддержки программно-аппаратного комплекса производства Motorola Solutions, однако был вынужден отказаться ввиду сложностей в получении требуемых услуг даже через третьи страны. Тем не менее, для комплексов средней сложности, к которым можно отнести системы уровня DMR Tier II, возможно

импортозамещение и выполнение работ по техническому обслуживанию своими силами. Это, конечно, может быть сопряжено с определенными рисками в части обеспеченности квалифицированным техническим и инженерным персоналом, а также в части обеспечения непрерывности предоставляемого сервиса связи для абонентов. Необходимо предусмотреть обучение обслуживающего персонала, а для пополнения запасов запасных частей использовать параллельный импорт или применять российские аналоги при их наличии.

В качестве компромиссного решения для обеспечения технической поддержки программно-аппаратных комплексов в выделенных сетях связи некоторые производители ранее включали часть программного обеспечения российского производства в свою номенклатуру и фактически эта часть была российского происхождения. Данное решение после отказа, например, от торговой марки зарубежной компании в пользу отечественной позволяет заключать договоры на техническую поддержку или всего программного обеспечения, или его части без необходимости проводить согласования в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 22 августа 2022 г. № 1478 [7]. При этом программное обеспечение должно быть внесено в Единый реестр российских программ для электронно-вычислительных машин и баз данных.

Выводы. На основе проведенного исследования можно заключить:

В настоящее время законодательная база в части реагирования на действия недружественных стран и осуществляемое ими санкционное давление охватывает основные способы обеспечения непрерывности и безопасности функционирования выделенных сетей связи на объектах критической инфраструктуры: импортозамещение программного и аппаратного обеспечения, предотвращение атак и актов незаконного вмешательства, использование комплексов СОРМ и СОПКА, а также системы государственных и частных центров компетенции (ГосСОПКА) в рамках осуществления антитеррористической деятельности.

Одновременно с исполнением норм и требований законодательства предприятия транспортной отрасли, эксплуатирующие выделенные сети связи как объекты критической инфраструктуры, должны ужесточить контроль за использованием радиоэлектронных средств, в первую очередь таких, которые могут поспособствовать актам незаконного вмешательства и террористической деятельности на транспорте, что может скомпрометировать данные сетей связи и привести к сбоям и нарушениям функционирования субъектов транспортной отрасли вплоть до инцидентов с человеческими жертвами.

Техническая поддержка выделенных сетей связи как один из важнейших элементов обеспечения непрерывного функционирования объектов критической инфраструктуры и безопасности на объектах транспортной отрасли должна осуществляться квалифицированным персоналом в строгом соответствии с требованиями действующего законодательства.

Список использованных источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».
2. Указ Президента РФ от 15.01.2013 г. № 31с «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 21.01.2013. – № 3. Ст. 178.
3. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О связи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023).
4. Постановление Правительства РФ от 26.09.2016 № 969 (ред. от 17.04.2021) «Об утверждении требований к функциональным свойствам технических средств обеспечения транспортной безопасности и Правил обязательной сертификации технических средств обеспечения транспортной безопасности». – URL: <http://government.ru/docs/all/108408/> – (дата обращения: 25.04.2023).
5. Приказ Министерства транспорта РФ от 20 октября 2014 г. № 297 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Радиотехническое обеспечение полетов воздушных судов и авиационная электросвязь в гражданской авиации» (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/2/4174> – (дата обращения: 27.04.2023).
6. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ (последняя редакция). – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201707260023> – (дата обращения: 30.04.2023).
7. Постановление Правительства РФ от 22 августа 2022 г. № 1478 «Об утверждении требований к программному обеспечению, в том числе в составе программно-аппаратных комплексов, используемому органами государственной власти, заказчиками, осуществляющими закупки в соответствии с Федеральным законом «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (за исключением организаций с муниципальным участием), на принадлежащих им значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, Правил согласования закупок иностранного программного обеспечения, в том числе в составе программно-аппаратных комплексов, в целях его использования заказчиками, осуществляющими закупки в...». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202208260051> – (дата обращения: 26.04.2023).
8. Ильченко А.В. Управление разнородными авиационными информационными системами коммуникаций как непрерывный сервис / А.В. Ильченко, В.В. Михайлов, М.А. Бутакова // Технологии разработки информационных систем трис-2021 : материалы XI Международной научно-технической

конференции, пгт. Коктебель, 18–25 сентября 2021 года. – Таганрог : Южный федеральный университет, 2021. – С. 118-122. – EDN EXVVOA.

УДК 343.222

А.А. Кашпер, аспирант, Донбасская юридическая академия (г. Донецк)

(e-mail: anna.kashper@mail.ru)

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОЧЕРК СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОГО РАСКАЯНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье рассмотрен историко-правовой очерк становления и развития института деятельного раскаяния. Рассмотрены особенности и проблемы историко-правового становления института деятельного раскаяния в российском уголовном праве.

Ключевые слова: *деятельное раскаяние, освобождение от уголовной ответственности, смягчающие вину обстоятельства, элементы деятельного раскаяния.*

Kashper, A.A.

HISTORICAL AND LEGAL OUTLINE OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF ACTIVE REPENTANCE IN RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION

The article considers the historical and legal outline of the formation and development of the institution of active repentance. The features and problems of the historical and legal formation of the institution of active repentance in Russian criminal law are considered.

Key words: *active repentance, exemption from criminal liability, extenuating circumstances, elements of active repentance.*

Актуальность темы исследования. Одной из главных задач государства является борьба с преступностью. Правовое государство обязано обеспечивать права человека, защищать и уважать его свободу, честь и достоинство. Эти общечеловеческие ценности приоритетны в любой правовой системе. Особое значение они приобретают тогда, когда возникают трудности, связанные со столкновением интересов личности и общества, личности и государства.

В современной правовой науке вопросы, связанные с деятельным раскаянием, достаточно проблемны, а потому требуют их полного и последовательного изучения.

Статья 75 Уголовного кодекса Российской Федерации содержит условия, при которых возможно освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности: впервые совершение преступления небольшой или средней тяжести, добровольная сдача, содействие раскрытию и расследованию преступления, возмещение ущерба или возмещение ущерба другим способом.

Эти условия формируют деятельное раскаяние, в результате которого лицо, совершившее преступление, перестает быть общественно опасным. Существование этой статьи свидетельствует о том, что государство готово при определенных условиях применять меры поощрения к лицам, впервые совершившим преступление небольшой тяжести. Несмотря на это, правоприменительная практика показывает, что это положение не используется должным образом.

Предполагается, что причинами этого являются, в частности, определенное непонимание государственными органами современной уголовно-правовой политики государства, недооценка происходящих изменений в институте освобождения от уголовной ответственности, нестабильность судебной практики в освобождении лиц от уголовной ответственности, определенное несовершенство законодательства, а также недостаточность научно обоснованных выводов и рекомендаций для правопользователя при применении соответствующих положений Уголовного кодекса.

Таким образом, исследование проблем, связанных с освобождением лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, является актуальным для науки уголовного права, имеет важное значение для дальнейшего совершенствования положений УК об освобождении от уголовной ответственности и практики его применения.

Анализ научных исследований Отдельные аспекты проблемы освобождения от уголовной ответственности исследовались в работах Х.Д. Аликперова, С.Г. Келиной, В.Н. Кудрявцева, А.С. Михлина, А.В. Наумова, К.А. Панько, Р.А. Сабитова, А.В. Савкина, В. Сверчкова, А. Чувилева, С.П. Щербы и других.

Целью статьи является изучение историко-правового аспекта становления такого института освобождения от уголовной ответственности как деятельное раскаяние.

Изложение основного материала. Выяснение юридической природы деятельного раскаяния имеет важное теоретическое и практическое значение. С его помощью можно усовершенствовать определение самого понятия деятельного раскаяния. Кроме того, раскрытие сути деятельного раскаяния дает возможность более глубоко и полно рассмотреть основания и условия применения данного института по действующему уголовному законодательству.

По мнению Л.Л. Кругликова, выяснение юридической природы правовых понятий предполагает определение того, к какому миру явлений, «вещей» они принадлежат, каково их строение, поэлементный состав, связи и отношения, в чем заключается их роль в праве, каково их место в системе юридических категорий и понятий [4, С. 35-36].

Многие авторы связывают юридическую природу с юридической сутью того или иного института, определяют его место среди уже известных институтов, соотношение с ними и т.д. Например, Л. Л. Кругликов верно считает, что вывод о правовой природе должен базироваться на анализе соответствующей

уголовно-правовой нормы, ее места в системе законодательства, на выяснении соотношения данной нормы с другими нормами и институтами, а исследуемое понятие – со смежными правовыми понятиями и принципами уголовного права. В случае, когда исследуемое понятие закреплено в законе, естественно и целесообразно изучение «прошлого», истории развития законодательства с целью проследить зарождение, становление и тенденции развития нормы и закрепленного в ней понятия [4, С. 35-36].

Следует согласиться с тем, что, определяя юридическую природу деятельного раскаяния, необходимо обратиться к истокам возникновения этого явления в уголовном праве, тенденциям развития в течение всего времени и до настоящего момента, выявить специфику данного вида поведения в сфере уголовно-правового регулирования.

Представляется целесообразным приступить к рассмотрению правовой природы деятельного раскаяния с его исторического аспекта.

Еще самые древние источники уголовного права содержали упоминания о деятельном раскаянии и его правовых последствиях. Так, в своде законов «Законник Хамурапи, царя Вавилона» (XVIII век до н. э.), был предусмотрен отказ от смертной казни, если виновное лицо возместит ущерб или загладит причиненный вред [16, С. 12, 22].

В главе IV «Законов Ману», составленных в Древней Индии в I веке до н. э., говорится о явке с повинной и искреннем признании своей вины как обстоятельствах, смягчающих, а иногда и освобождающих от ответственности [16, С. 12, 22].

В основном источнике древнейшего римского права – «Законах XII таблиц», в таблице VIII говорится об освобождении от наказания, если виновное лицо явится с повинной и загладит причиненный вред потерпевшему [16, С. 12, 22].

Еще в «Саксонском зеркале», памятнике истории и права Германии XIII века, об освобождении от уголовной ответственности упоминалось в §5 статьи 68 книги 1: «По какой бы вине ни был кто-либо объявлен находящимся под подозрением, если он вовремя, пока находится под подозрением, будет пойман и доставлен в суд, то он лишается жизни, если он будет через свидетелей изобличен в преступлении и в том, что он находится под подозрением. Если же он уже находится под подозрением и явится добровольно [не пойманным] в суд, то он вступает в свои права, как будто он никогда не был под подозрением» [10, С. 47].

При возмещении ущерба виновное лицо также освобождалось от применения к нему наказания. Так, в § 1 статьи 38 книги 1 предусматривалось освобождение от смертной казни при возмещении вреда и выплате выкупа [16, С. 12, 22]. Также наказывалась смертной казнью и кража зерна, однако согласно статье 39 книги 2 «если кто-нибудь проезжий скармливает (коню) зерно на поле, но никуда не увозит, то он возмещает ущерб согласно его размера» [16, С. 12, 22]. При добровольном соглашении о возмещении ущерба

виновное лицо могло быть освобождено от ответственности за неумышленное убийство и убийство в условиях необходимой обороны [16, С. 12, 22].

Упоминание о положительных активных действиях виновного после совершения преступления содержалось еще в «Русской Правде» (X - XII века н.э.), которая охватывала едва ли не все отрасли тогдашнего права. Было отмечено, что если лицо, растратившее товар, но оплатившее его стоимость владельцу, освобождалось от наказания [7, С. 72]. По делам о краже – «кто, не будучи задержанным, сам приносит владельцу похищенное, не подлежал никакой ответственности» [16, С. 7].

Статья 34 пространной редакции «Русской правды» говорит о том, что «владелец утерянной вещи, который об утрате заявил публично при обнаружении своей вещи в чужом владении, имел право на возвращение этой вещи и еще на получение трех гривен за обиду» [7, С. 72]. Например, В.Л. Янин считал, что названная сумма является суммой возмещения ущерба, а значит лицо, у которого была обнаружена вещь, и который заплатил три гривны, остается безнаказанным [7, С. 72].

Следующими правовыми актами Древней Руси, регулировавшими возможность решения проблем мирным путем, были Псковская судная грамота и Двинская уставная грамота.

Псковская Судная грамота (XIV-XV вв.) – крупнейший памятник феодального права, который отражает основные особенности феодальной государственности и права Псковской земли XIV-XV вв.. Некоторые ее нормы находят широкое распространение много веков спустя после ее принятия в самых разных районах Руси.

В этих древних источниках сказано: «...а промеж себя прощение примут до обращения в суд...». Это означает, что наказание не применялось, если виновный примирился с потерпевшим.

Первым в истории России печатным и систематизированным законом было Соборное уложение 1649 г., которое тоже учитывало раскаяние виновного лица. В статье 2 раздела II законодатель стимулировал возвращение в государство беглых людей: «лицо, совершившее предательские действия и вернувшееся в Московское государство после побега за ее пределы, освобождается от наказания в виде смертной казни» [7, С. 74].

В период становления абсолютизма Петром I была предпринята попытка закрепления поощрительных норм в законодательстве. Так, в его Артикулах воинских 1715 года говорилось: «Кто ошибется против того, имеет в том прощения просить, или заключением наказан, или по состоянию дела, чести и живота лишен быть» [8, С. 315]. За побег солдат, в артикулах предполагалась казнь, однако «если кто после своего побега, покавшись по пути, сам возвратился, и добровольно у своего офицера явится, оный по правде живота лишен не может быть» [8, С. 315], то есть его не лишали жизни.

В марте 1715 года было опубликовано «Краткое изображение процессов или судебных тяжб», ставшее первым прообразом уголовно-процессуального

кодекса. В нем впервые перечислялись признаки раскаяния лица, виновного в совершении преступления. Раскаяние должно было: во-первых, быть полным и безусловным; во-вторых, добровольным; в-третьих, признание должно быть сделано перед судом, до вынесения приговора; в-четвертых, ответчик должен не только признаться в содеянном, но и в какой-то степени доказать, что он признает свою вину [8, С. 315].

Изменение в социально-экономическом строе общества в начале XIX века требовало упорядочивания уголовного законодательства. Многие теоретические положения, необходимые для проведения кодифицирования уголовного законодательства, связаны с известными именами того времени, такими как М.М. Сперанский, А.М. Радищев, М.С. Мордвинов и другие.

С момента начала неоднократных попыток кодифицировать уголовное законодательство успехом увенчалась разработка и принятие в 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, которое содержало положения, схожие со статьей 75 действующего УК РФ.

Так, в пункте 3 ст. 157 Уложения говорится: «наказание, определенное в законе за любое преступление или вину, может быть не только уменьшено в размере. «Но даже смягчено в ступени и в самом роде оно, когда преступник, который появился сам собой в суд с повинной, или даже взятый к допросу по подозрению, не только окажет полное искреннее признание в своем преступлении и укажет всех своих сообщников, но и, более того, обретением верных своего времени сведений повлечет за собой выполнение другого злого умысла» [12, С. 115].

В статье перечисляются почти все деяния, которые в действующем Уголовном кодексе определяют деятельное раскаяние – это искреннее раскаяние и активное содействие раскрытию преступления и другие.

Кроме того, Уложение 1845 года содержало специальные поощрительные нормы. Статья 319 «Фальсификация указов, манифестов, грамот, рескриптов или других бумаг государя» предусматривала, что если виновное лицо добровольно явится в суд или к руководству с признанием вины в совершении преступления, то его наказание смягчалось (вместо ссылки на рудники без срока – ссылка на поселение в Сибирь) [8, С. 215].

По статьям 831-842 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 года, особенно широко законодателем использовалось признание своей вины, явка с повинной и раскаяние. Статья 842 указывала – «...кто по добровольному побуждению и раскаянию, донесут о преступлении или во время совершенного, или хоть и после совершения оно, даруется при определении наказания облегчение» [8, С. 215] – в соответствии со статьей 157 заключения 1845 года.

Следующим важным шагом в развитии института деятельного раскаяния в дореволюционном российском законодательстве является принятие Уголовного уложения 1903 года, в котором обстоятельствами, уменьшающими

вину, определяются «...возвращение виновным растраченных денег..., немедленное сознание в преступлении...» [17, С. 7].

Важно отметить, что проблемам деятельного раскаяния в науке уголовного права уделялось большое внимание. Уже в первом учебнике уголовного права О. Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права» (1815) были описаны смягчающие вину обстоятельства или так называемые «знаки меньшей жестокости права», к которым относились: «воспрепятствования преступником худым последствиям преступления», «старания виновного вознаградить нанесенный вред», «раскаяние с предоставлением главного сообщника». В последнем случае предполагалось освобождение от наказания даже за государственные преступления [5, С. 52].

Некоторые ученые России писали о необходимости создания и развития так называемого «наградного права».

Так, например, в своей работе А.М. Радищев, изучая проблему правового поощрения, писал: «где нет поощрения к чему, а особливо от правительства, того будет меньше, и, смело скажу, будет гораздо меньше» [6, С. 416]. Анализируя влияние права на жизнь, А.М. Радищев выделил три группы средств, с помощью которых государственная власть могла влиять на граждан, – запрещающие, побуждающие и предупреждающие. К побуждающим средствам он и относил как раз таки меры поощрительного характера.

Общеизвестно, что принуждение и поощрение являются двумя основными способами правового регулирования в сфере уголовного права. К лицам, преступившим пределы дозволенного, применяется принуждение, которое выражается в лишении человека каких-либо благ (от собственности до свободы и даже жизни). Поощрение, напротив, применяется к лицам, испытывающим угрызения совести, стремящимся вернуться к честной, законопослушной жизни и осуществляющих в этом направлении конкретные одобренные обществом шаги.

Уже с XIX века наблюдается более благосклонное отношение к правовым стимулам, которые уже считались существенным правовым средством, направленным на достижение общественно значимых целей.

О социальной ценности правовых поощрений (стимулов), их особом значении в жизни общества писал М.О. Гредескул, утверждая, что одобрение играет в праве не меньшую роль, чем угроза. «Действием угроз достигается главным образом то, что удерживает граждан от совершения запрещенных законом действий, а системой вознаграждений – преимущественно совершение гражданами желаемых законом действий» [3, С. 114].

Большой вклад в изучение правовых поощрений внес П.А. Сорокин, который в книге «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» попытался создать отдельную науку о подвигах и наградах – наградное право. Он пишет, что если «один разряд фактов социальной жизни (преступления – наказания) обратил на себя исключительное внимание научной мысли, – другой разряд фактов, не

менее важных и играющих не меньшую социальную роль, почти совершенно игнорируется той же научной мыслью» [14, С. 234].

П.А. Сорокин указывает, что «Преступления и наказания были и остаются единственным объектом исследования представителей публичных наук и теоретиков уголовного права. Подвиги и награды как абсолютно равноправная категория, огромная категория общественных явлений, неизвестны даже подавляющему большинству юристов и социологов» [14, С. 234].

Проблемы покаяния на протяжении всего существования человечества и по сей день волнуют умы прогрессивного человеческого сознания. Подтверждение этому мы находим в религии, литературе и искусстве. Вот, например, некоторые народные пословицы и поговорки – отпустить душу на покаяние; убиваться совестью, казнить за прошлое; повиниться, что Богу помолиться; за признание – половина наказания; повинную голову меч не сечет; сильный прощает, а слабый мстит; позднее раскаяние не спасает; и раскаялся, да не воротишь; без покаяния нет прощения, каяться кайся, да за старое не берись.

Институт освобождения от уголовной ответственности продолжает развиваться и в период советского законодательства. Следует отметить, что данные нормы в основном содержались в законодательных актах временного действия, что характерно для политики государства того времени. Это можно проиллюстрировать первыми декретами и постановлениями правительства Советской России, которые учитывали явку с повинной и раскаяние как обстоятельства, освобождающие от уголовной ответственности.

Так, в пункте 6 обращения Совета Народных Комиссаров (СНК) от 26 ноября 1917 года «О борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Корнилова, Дутова, поддерживаемым Центральной Радой» говорилось о не привлечении к уголовной ответственности: «Всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго Калединых, Корниловых и Дутовых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны Советской власти» [11, С. 238].

После Октябрьской социалистической революции первыми декретами и постановлениями Правительства России устанавливалось освобождение от уголовной ответственности взятодателей, если они своевременно заявят о вымогательстве взятки и окажут помощь в раскрытии преступления [11, С. 239].

Декретом СНК от 8 мая 1918 года «О взяточничестве» (п. б) предусматривалось освобождение от преследования за дачу взятки взятодателям и посредникам во взяточничестве, если они своевременно заявят о факте взятки [11, С. 239].

А декретом СНК от 16 августа 1921 года «О борьбе с взяточничеством», который заменил декрет от 1918 года, предусматривалось освобождение от уголовной ответственности, если помимо своевременного сообщения о вымогательстве, виновный содействовал в раскрытии дела о взяточничестве [11, С. 243].

Уголовный кодекс УССР 1922 года содержал ч. 2 ст. 1141, в соответствии с которой лица, способствовавшие выявлению взяточничества, освобождались от наказания [13, С. 108].

Во время Великой Отечественной войны органы государственной власти также применяли нормы о поощрении позитивного постпреступного поведения. Такие нормы использовались при самовольном оставлении должности на предприятиях военной промышленности. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятия» все работники этой промышленности, которые самовольно покинули предприятие, привлекались к уголовной ответственности как дезертиры, и им могло быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до восьми лет [9, С. 396].

Вместе с тем применялись меры для возвращения дезертиров, в результате которых многие из них вернулись. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1944 года такие лица освобождались от уголовной ответственности, если они добровольно возвращались на свои предприятия до 15 февраля 1945 года [9, С. 396].

В дальнейшем освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием виновного лица было отражено в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов» [11, С. 274]. Согласно статье 7 Указа, находившиеся за рубежом лица, которые во время войны занимали руководящие должности в полиции, жандармерии и органах пропаганды, созданных оккупантами, а также участвовавшие после войны в антисоветских организациях, освобождались от уголовной ответственности, если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью или явились с повинной.

Положительное постпреступное поведение нашло свое отражение и окончательно сформировалось в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года [1, С. 6]. С тех пор претерпело изменения непоколебимое положение о том, что совершение преступления влечет только уголовное наказание. Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик такими обстоятельствами, смягчающими наказание, являются: предотвращение виновным вредных последствий совершенного преступления или добровольное возмещение нанесенного ущерба или устранение вреда (п. 1 ст. 38); искреннее раскаяние или явку с повинной (п. 8 ст. 33) [9, С. 127].

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. впервые в истории советского уголовного права был закреплен перечень смягчающих вину обстоятельств, в том числе связанных с деятельным раскаянием. УК 1960 года за все время своего существования неоднократно претерпевал изменения, а вместе с этим изменялись и нормы поощрения. В этом же году Указом Президиума Верховного

Совета СССР «О дополнении статьи 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления» была введена часть 2 статьи 1, в соответствии с которой лицо не подлежало уголовной ответственности за измену Родине, если добровольно заявило в органы власти о своей связи с иностранной разведкой [9, С. 127].

Указом Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР» 1987 года, в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1973 года «Об усилении борьбы с наркоманией», была внесена статья 102, согласно которой лицо, добровольно сдавшее наркотические средства или добровольно обратившееся в медицинское учреждение за оказанием медицинской помощи, освобождалось от уголовной ответственности за приобретение, хранение, перевозку, пересылку и потребление наркотических средств [9, С. 131].

Согласно УК РФ деятельное раскаяние представляет собой добровольные и активные действия лица, совершившего преступление небольшой тяжести, выражающиеся в полном признании своей вины, объективно подтверждаемой явкой с повинной или другими общественно полезными поступками: предотвращением вредных последствий, заглаживанием причиненного вреда и т.п.

Сущность деятельного раскаяния состоит в том, что лицо, совершившее преступление, признает свою вину и не только словесно выражает раскаяние в совершенном, но и подтверждает его конкретными действиями и поступками.

Таковыми действиями, кроме заявления о раскаянии в совершенном преступлении, должны быть явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, заглаживание причиненного вреда.

Положительная оценка активных действий виновного лица в социально-полезном для общества направлении находит свое отражение в уголовном законодательстве не только Российской Федерации. Подобное поведение в той или иной степени поощряется в странах с различными правовыми системами, как англосаксонской, так и романо-германской и другими (Германии, Чехии, Бельгии, Нидерландах, Китае, Франции, Испании, Дании, России, Белоруссии, Узбекистане, Таджикистане и др.).

Например, в Чехии и Германии освобождаются от уголовной ответственности лица, которые после совершения преступления совершили действия, подпадающие под признаки деятельного раскаяния. Так, в соответствии с § 64 УК Чехии уголовная ответственность за ряд преступлений (государственная измена, предательство, разглашение тайны, уклонение от уплаты налогов, создание преступного сообщества и т.п.) отпадает, если лицо, совершившее преступление: а) добровольно предотвратит наступление вредных последствий или устранил их; б) добровольно сообщит о преступном деянии [12, С. 107].

Уголовные кодексы европейских стран также предусматривают освобождение от уголовной ответственности при явке с повинной после побега осужденного, при даче взятки и некоторых других случаях

Уголовный кодекс Китая предусматривает в числе обстоятельств, освобождающих от ответственности или смягчающих наказание, деятельное раскаяние, возвращение похищенного и наличие вымогательства при взяткодательстве [12, С. 110].

В Белоруссии, Узбекистане и Таджикистане при наличии признаков деятельного покаяния (искреннего раскаяния, активного способствования раскрытию преступления, явки с повинной, заглаживание причиненного вреда и т.п.) предусмотрено освобождение от уголовной ответственности.

Так, на приведенных примерах можно убедиться в том, что уголовное законодательство зарубежных стран, учитывая социально-полезное постпреступное поведение виновных лиц, содержит определенные нормы, имеющие непосредственное отношение к деятельному раскаянию.

Выводы. Таким образом, на протяжении всего исторического развития, как российского законодательства, так и законодательства некоторых зарубежных стран, деятельное раскаяние имело место. В разные исторические периоды отечественное законодательство связывало деятельное раскаяние с совершенными ранее определенного рода преступлениями. Институт деятельного раскаяния, включенный в Уголовный кодекс РФ, сформирован на базе многолетнего исторического опыта его развития, а также с учетом общепризнанных принципов и норм международного права.

Список литературы

1. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – 12 с.
2. Гальперин И.М. Взаимодействие государственных органов и общественности по борьбе с преступностью / И.М. Гальперин. – Москва : Юридическая литература, 1972. – 184 с.
3. Гревцов Ю.И. Понятие правового отношения. Общая теория государства и права / Ю.И. Гревцов. – Москва : Зерцало, 1998. – 322 с.
4. Кругликов Л.Л. Правовая природа квалифицирующих обстоятельств, или средства дифференциации уголовной ответственности. Уголовная ответственность: проблемы создания, установление, реализации / Л.Л. Кругликов. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1989. – 456 с.
5. Остроумов С. Критерии оценки раскрытия преступления / С. Остроумов, С. Панченко // Социалистическая законность. – 1976. – № 9. – 325 с.
6. Радищев А.Н. О законоположении. Избранные философские сочинения / А.Н. Радищев. – Москва : Госиздат, 1949. – 520 с.
7. Российское законодательство X-XX веков : В 9 т. – Москва : Юридическая литература, 1984. – Т. 1. Законодательство Древней Руси. – 346 с.

8. Российское законодательство X-XX веков : В 9 т. – Москва : Юридическая литература, 1986. – Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. – 458 с.
9. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. – Москва : Юридическая литература, 1953. – 517 с.
10. «Саксонское зеркало»: памятник, комментарии, исследования / под редакцией В.М. Корецкого. – Москва : Наука, 1985.– 569 с.
11. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1953-1991). Часть 1. – Казань : Издательство Казанского университета, 1992. – 488 с.
12. Семенов О.В. Временное революционное правительство в планах декабристов / О.В. Семенов. – Москва : Мысль, 1982. – 230 с.
13. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины. – 1923. – № 1. – 347 с.
14. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – Москва : Издательство политической литературы, 1992. – 486 с.
15. Сташис В.В. Передача на поруки и некоторые вопросы советского уголовного права. Об усилении роли общественности в укреплении социалистического правопорядка : Материалы республиканской конференции / В.В. Сташис. – Харьков, 1961. – 198 с.
16. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под редакцией З.М. Черниловского. – Москва : Юридическая литература, 1984. – 568 с.
17. Щерба С.П. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении / С.П. Щерба, А.В. Савкин. – Москва : Спарк, 1997. – 110 с.

УДК 341.241.8

Е.В. Ковтун, старший преподаватель, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: elena.kovtun@bk.ru)

СУЩНОСТЬ И ПРЕДЕЛЫ НАЛОГОВОЙ ЮРИСДИКЦИИ ГОСУДАРСТВА

В статье рассмотрены теоретико-правовые вопросы налоговой юрисдикции государства. Отдельное внимание уделяется пределу проблем юрисдикции в рамках международного налогового законодательства. Выделены типы юрисдикций по налоговому признаку.

Ключевые слова: *резидент, государство, налоговая юрисдикция, международные отношения, двойное налогообложение.*

Kovtun, E.V.

ESSENCE AND LIMITS OF THE TAX JURISDICTION OF THE STATE

The article deals with theoretical and legal issues of tax jurisdiction. The significant limits of the problems of jurisdiction within the framework of international tax legislation are determined. Types of jurisdictions on the basis of taxation are singled out.

Key words: *resident, state, tax jurisdiction, international relations, double taxation.*

Актуальность темы исследования. Обращение к данной теме вызвано ее несомненной актуальностью, так как она непосредственно затрагивает права и законные интересы налогоплательщиков, общества и государства. Для обеспечения фискальных интересов межгосударственного экономического сотрудничества стран необходимым условием является разграничение юрисдикций государств. Налоговому праву, как науке, требуется комплексная теоретико-правовая разработка в области налогового суверенитета и разграничение налоговых юрисдикций.

Анализ научных исследований. Вопросы правового регулирования в области налоговой юрисдикции затрагивались в научных трудах такими авторами, как С.А. Бaeвой, В.Г. Климентьевой, И.А. Ларютиной, А.А. Шакирьянова и др. Отдельные институты международного налогового права рассмотрены в работах исследователей-правоведов: К.Е. Викулова, В.В. Еременока, К.А. Непесова, А.И. Савицкого, А.В. Фокина и др. Весомый вклад в развитие знания о налоговом суверенитете внесла И.А. Хаванова, исследовавшая налоговый суверенитет сквозь призму двойного налогообложения, направленных на преодоление его негативных последствий.

Цель статьи – выявить пространственные пределы исполнения налоговой юрисдикции, определить границы в условиях согласованности норм национального и международного права.

Изложение основного материала. Налоговые юрисдикции имеют давнюю историю по финансовым льготам для физических и юридических лиц других государств. Основная цель – привлечение капитала в юрисдикцию, что благоприятно влияет на экономические показатели на местном и международном уровнях. Страны, которые создают максимально выгодные условия для иностранных клиентов по налогообложению, называются налоговыми (офшорными) юрисдикциями. Преимущества таких территорий – минимум вмешательства в корпоративные структуры физических и юридических лиц и максимум конфиденциальности.

Между государствами и организациями происходит совместное участие в создании международных актов. Державы создают и реализуют национальные налогово-правовые нормы, регулирующие налоговые отношения с международным элементом. Правовой статус всех участников международных налоговых отношений определяется и закрепляется не только в национальных налоговых нормативных правовых актах, но и в международных договорах, созданных непосредственно государством или с его прямым участием.

Правовой статус остальных участников международных налоговых отношений устанавливается и гарантируется государством. Государства, таким образом, являются основными участниками международных налоговых отношений, а международные организации, юридические (корпорации) и физические лица обладают правосубъектностью, производной от правосубъектности государств.

Налоговая юрисдикция государства как процесс реализации его налогового суверенитета приводит, в первую очередь, к принятию национальных налоговых норм, на основе которых возникают налоговые правоотношения, происходит реализация прав и обязанностей участников налоговых правоотношений, осуществляется принятие индивидуальных актов налогового правоприменения. Одновременно появляются акты толкования налоговых норм, формируются налогово-правовые доктрины, налоговое правосознание и налогово-правовая культура в данном государстве.

Вышесказанное относится к «внутренним» проявлениям государственного налогового суверенитета и государственной налоговой юрисдикции. Внешними проявлениями налогового суверенитета и налоговой юрисдикции одного государства является категорическая невозможность для другого государства устанавливать, вводить или взимать налоги на территории первого государства.

Налоговый суверенитет и налоговая юрисдикция реализуются внутри государственной территории. В случае же, если какой-либо налогооблагаемый объект (предмет) связан с территориями нескольких государств, эти государства не могут самостоятельно реализовать свой налоговый суверенитет и осуществлять свою налоговую юрисдикцию в отношении данного объекта.

Подобные попытки неизбежно вызовут межгосударственный конфликт, могут нанести вред налогоплательщику и объекту (предмету) налогообложения. Декларация о принципах международного права, касающихся дружеских отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, обязывает государства-члены ООН уважать правосубъектность других государств и разрешать возникающие конфликты мирными средствами на основании межгосударственных договоров и соглашений.

Государства должны реализовывать свой собственный налоговый суверенитет с учетом налогового суверенитета других государств, сотрудничать с этими государствами, заключать международные договоры, регулирующие «трансграничные» налоговые отношения, т.е. налоговые отношения, субъекты которых находятся (зарегистрированы, инкорпорированы, фактически или преимущественно проживают, имеют активы, получают доходы) на территории разных суверенных государств.

Современная система международного экономического сотрудничества между странами является категорией национального, а не международного характера. Налоговый суверенитет любого государства позволяет законодательным и исполнительным органам власти формировать и

реализовывать свою национальную налоговую систему и налоговую политику, а также учитывать уровень и особенности социально-экономического развития страны, устанавливать в пределах таможенных границ государства любые виды налогов, сборов и размеры ставок и таможенных пошлин [1].

Формирование государственного бюджета и взимание налоговых поступлений является одной из главных задач государства. Данная характеристика призвана обеспечить благополучие граждан, поскольку основная часть собираемых налоговых платежей поступает на обеспечение реализации общесоциальных целей и задач.

Данный факт предопределяет заинтересованность законодателя и представителей научного сообщества к проведению анализа и изучению проблем, связанных с взиманием налогов и с определением налоговой юрисдикции государства.

На сегодняшний день отсутствует единое определение термина «налоговой юрисдикции» государства, как в действующем налоговом законодательстве, так и в научной среде, в наиболее общем виде соответствующая категория может быть определена следующим образом:

Налоговая юрисдикция государства – это возможность государства устанавливать права и обязанности в сфере налогообложения и сборов для лиц, связанных экономическим взаимодействием с данным государством в рамках налоговых правоотношений.

Налоговая юрисдикция предстает правовой формой практической реализации полномочий государства на своей территории в сфере налогообложения.

Налоговая юрисдикция государства в контексте исследования ее практических аспектов реализации с функционально-правовой точки зрения может рассматриваться сквозь призму механизма правового регулирования налогообложения, сложившегося в государстве. Такой механизм, представленный как система правовых средств, включает различные структурные элементы. Единого мнения относительно состава таких элементов не сложилось. Тем не менее, можно отметить, что многие исследователи к их числу относят следующие:

- а) правовые принципы (нормы-принципы), в том числе общепризнанные принципы международного права;
- б) нормы права;
- в) нормативные правовые акты;
- г) акты официального толкования;
- д) юридические факты;
- е) правоотношения;
- ж) акты реализации субъективных прав и юридических обязанностей (т. е. действия субъектов права по реализации их субъективных прав и юридических обязанностей);

з) правоприменительные акты (индивидуальные властные предписания, адресованные персонально определенным лицам);

и) правовая доктрина (а также правосознание, правовая культура, иные нравственно-психологические правовые средства) [2].

В налоговом праве экономическая связь лица с территорией конкретного государства определяется посредством принципа постоянного местопребывания – резидентства. Налоговая юрисдикция государства в отношении нерезидентов действует только на его территории, а по отношению к резидентам она может действовать и за его пределами.

Налоговая юрисдикция представляет собой территорию, на которой действуют самостоятельные налоговые нормы, имеющие международный характер, поскольку иностранные граждане и организации находятся на территории других стран, где осуществляют определенные виды деятельности.

В настоящее время, в условиях глобализации и активизации миграционных процессов, налоговая юрисдикция испытывает значимые пределы проблем. Под юрисдикцию налогового законодательства определенной страны, при определении корпорационного налога, попадают юридические лица, обладающие необходимыми критериями:

1. Критерий резидентства предусматривает налогообложение всех извлекаемых доходов резидентов, как на территории данной страны, так и за ее пределами (неограниченная налоговая ответственность), а нерезиденты – только в отношении доходов, получаемых из источников в этой стране (ограниченная налоговая ответственность).

2. Критерий территориальности устанавливает налогообложение в данной стране тех доходов, которые извлекаются только на ее территории; следовательно, любые доходы, получаемые или извлекаемые за рубежом, освобождаются от налогов в этой стране.

Первый критерий принимает во внимание исключительно характер пребывания (проживания) налогоплательщика на национальной территории, второй основывается на национальной принадлежности источника дохода.

Любой из этих двух критериев при условии его однообразного применения исключал бы всякую возможность международного двойного обложения (дохода, имущества, сделки и т. д.) в один и тот же период времени аналогичными видами налогов в двух или более странах. Однако вопрос о том, достигается ли устранение двойного обложения путем применения первого или второго критерия, вовсе не безразличен с точки зрения национальных интересов каждой отдельной страны.

Таким образом, для государств, в которых граждане и организации получают значительные суммы доходов от их зарубежной деятельности и от капиталов, помещенных за рубежом, бесспорно применение разграничения налоговых юрисдикций на основе критерия резидентства, а для стран, в экономике которых значительное место занимают иностранные капиталы, особый интерес приобретает использование критерия территориальности.

Поэтому развитые страны предпочитают основывать свои налоговые отношения с другими странами на основе критерия резидентства, а развивающиеся страны защищают свое право обложения иностранных компаний и частных лиц на основе критерия территориальности.

Представляется целесообразным определить пределы налоговой юрисдикции государства и руководствоваться следующими правилами:

1. Правильно квалифицировать объекты налогообложения.

2. Учитывать положения действующих соглашений об избежание двойного налогообложения.

Многими офшорными зонами взимаются налоги, но все эти юрисдикции либо не облагают налогами доход полностью, либо определенные его категории, либо размер взимаемой налоговой ставки ниже, чем в стране налогового резидентства плательщика.

В настоящее время по налоговому принципу выделяют отдельные типы юрисдикций по налоговому принципу (табл. 1) [4].

Таблица 1 – Основные характеристики типов налоговых юрисдикций

Налоговые гавани <i>Tax Havens</i>	Зоны пониженного налогообложения	Высоконалоговые юрисдикции со специальными налоговыми режимами
Полное освобождение от налогообложения операционной деятельности	Освобождение от налогообложения некоторых видов доходов	Наличие особенностей законодательства, позволяющих минимизировать налоги от определенных видов деятельности
Уплата ежегодной фиксированной пошлины	Льготное налогообложение основных видов доходов	Льготное налогообложение пассивных видов доходов
Освобождение от подачи отчетности	Обязательность отчетности и аудита	
Необязательность ведения внутреннего документооборота компании	Наличие договоров об избежании двойного налогообложения	
Отсутствие доступа к регистрационным данным компаний	Наличие публичного (ограниченного) и профессионального (полного) доступа к регистрационным данным компаний	

Отсутствие налогообложения дохода чаще всего – политика привлечения зарубежного капитала. В некоторых случаях он отсутствует из-за бедности основной массы населения юрисдикции. Многие офшорные зоны Карибского бассейна – небольшие, слаборазвитые страны и бедным местным населением. В

данных условиях государство может иметь хороший доход при низком уровне налогообложения и сборов.

Важная особенность большей части офшорных юрисдикций для предоставления льготного налогообложения заключается в выполнении требования осуществления деловых операций за пределами государства, где офшорная компания зарегистрирована официально. Согласно местному законодательству, чаще всего управление такой компанией, в том числе и открытие функционирующего офиса, должно быть осуществлено за территорией регистрации [3].

Юрисдикции, используемые в международном налоговом планировании, подразделяются на категории:

1. «Классические» офшорные юрисдикции (офшорные зоны). К ним относятся такие страны и территории, как: Сейшелы, Багамские острова, Белиз, Гернси, Джерси, Доминика, Каймановы острова, остров Мэн, Панама, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Китс и Невис, некоторые свободные зоны ОАЭ и др.

Им присущи следующие характеристики:

- компании, зарегистрированные в таких юрисдикциях, полностью освобождены от уплаты налогов (существует лишь обязанность по уплате ежегодной фиксированной государственной пошлины);
- офшорные компании обладают специальным статусом, («международные коммерческие компании», ИВС), и не вправе вести деятельность на территории страны своей регистрации;
- такие компании не обязаны сдавать финансовую отчетность в государственные органы и проходить аудит. Классические офшоры традиционно гарантировали конфиденциальность данных о бенефициарах компаний и предусматривали закрытые (непубличные) реестры акционеров и директоров.

Европейский союз обновил так называемый «серый список» налоговых юрисдикций, включив в него Российскую Федерацию, Британские Виргинские острова, Маршалловы острова и Коста-Рику. Российскую Федерацию включили в данный список после того, как группа по разработке кодекса выявила несоответствие критериям налогового управления, а также пришла к выводу, что Россия не выполнила свое обязательство по устранению вредных аспектов специального режима для международных холдинговых компаний.

2. Низконалоговые юрисдикции и юрисдикции с территориальным принципом налогообложения. К данной группе относятся различные по своим налогово-правовым характеристиками страны, включая:

- государства с территориальным принципом налогообложения. облагаются налогом только те доходы, которые были получены на территории страны регистрации (от источников в такой стране). Среди них можно выделить Гонконг, Сингапур, Гибралтар;
- государства с невысоким уровнем корпоративного налогообложения, такие как Кипр, Венгрия, Болгария, Ирландия и др.

Такие страны не являются и уже не признаются офшорными зонами и имеют более высокий авторитет в международном сообществе. В них предусмотрено небольшое или среднее корпоративное налогообложение, а также обязательная подготовка и сдача финансовой отчетности.

Указанные юрисдикции отличает возможность применения соглашений об избежании двойного налогообложения (при условии возможности документально подтвердить налоговое резидентство компании-получателя дохода и наличия у нее фактического права на доход).

Низконалоговые юрисдикции отличаются тем, что эти государства на отдельных территориях используют налоговые льготы. В некоторых случаях налогообложение применяется только к части доходов, полученных компанией на территории этого государства. Данная юрисдикция позволяет избежать двойного налогообложения, а также воспользоваться налоговыми льготами.

3. Юрисдикции с обычным или высоким налогообложением. К ним относятся большинство стран ЕС и ОЭСР (в частности, Дания, Латвия, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Швейцария, Эстония и др.), Великобритания, США, Канада и многие другие. Такие страны отличаются предельной степенью публичной доступности и прозрачности корпоративной и финансовой информации, широким участием в международном информационном обмене в налоговой сфере. Компании, которые работают в этих странах и платят налоги, имеют высокий репутационный статус как надежные и безопасные партнеры.

Однако и в таких юрисдикциях возможно применение определенных налоговых льгот, в частности:

- применения освобождений, предусмотренных соглашениями об избежании двойного налогообложения или налоговыми директивами ЕС;
- применение одностороннего зачета иностранного налога или механизмов возврата части налога (предусматриваются законодательством отдельных стран);
- применение партнерства для нерезидентов [5].

Государства не поддерживают компании, желающие скрыться от уплаты налогов. В связи с этим постоянно усиливается контроль над деятельностью компаний. Правительство постоянно совершенствует налоговое законодательство и вводит новые правила.

Некоторые офшорные зоны считаются опасными, так как могут оказывать финансирование преступных организаций. Для того, чтобы снизить популярность и актуальность офшоров, были созданы мидшоры с целью исключения роста преступных группировок, избежания налогов и отмывания денежных средств. А офшоры стали подвергаться тотальному контролю.

Мидшоры служат современной аналогом офшоров. Они гораздо более респектабельны для компаний, не желающих терять свой престиж и безупречную репутацию.

Они не так подвержены контролю со стороны государства и налоговых инспекций, так как их схемы использования прозрачны. В отличие от офшоров они всегда облагаются налогом, но суммы выплат невысокие. Репутация гораздо дороже для владельцев, нежели нулевой налог.

Оншоры также могут предложить комфортные условия, но процентная ставка по налогу будет достаточно высока.

Также важным отличием от офшоров является ведение полной финансовой и документальной отчетности. Оншоры регистрируются в странах с более высоким уровнем экономики. Минусом для учредителей является недостаточный уровень конфиденциальности, предлагаемый данной юрисдикцией.

Для стран, откуда капитал вывозится, офшоры могут являться угрозой экономического развития. Авторитетная неправительственная организация из США публикует доклад, касающийся нелегального вывоза капитала развивающимися странами (исследование охватывает более 150 стран). Наибольшие масштабы незаконного вывоза капитала наблюдались (в порядке убывания объемов вывоза) в Китае, России, Мексике, Индии, Малайзии, Бразилии, ЮАР, Таиланде, Индонезии, Нигерии. В региональном масштабе большая часть нелегального вывоза капитала приходится на страны Восточной Азии и Ближнего Востока. Поэтому именно крупнейшие развивающиеся страны являются ключевыми субъектами мирового оборота нелегального вывезенного капитала [6].

Выводы. Таким образом, характерной особенностью юрисдикции в налоговой сфере является множественность и неоднородность субъектов, а их состав напрямую зависит от особенностей правоотношений в налоговой сфере. Также необходимо производить разграничение понятий налогового суверенитета и налоговой юрисдикции государств: суверенитет первичен и выступает в качестве основания для осуществления налоговой юрисдикции. Налоговый суверенитет не может быть ограничен, а решение государства участвовать в международном сотрудничестве и заключать международные договоры по вопросам налогообложения может служить только доказательством осуществления государственного в целом и налогового суверенитета в частности.

Список литературы

1. Болжырев Г.И. Подходный налог на Западе и России / Г.И. Болжырев // Сев.-зап. промбюро ВСНХ. – 2004. – № 2. – С. 4-5.
2. Иващенко Н. Структура налогового правового режима / Н. Иващенко // Финансовое право. – 2006. – № 7. – С. 14-18.
3. Особенности офшорных зон или юрисдикций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internationalwealth.info/offshore-for-newbies/offshore-jurisdictions-essence-and-peculiarities/> – (дата обращения: 06.05.2023).

4. Офшоры. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.inter-legis.ru](http://www.inter-legis.ru) – (дата обращения: 16.05.2023).
5. Офшорные зоны и налоговое планирование. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.ru.uniwide.biz](http://www.ru.uniwide.biz) – (дата обращения: 28.04.2023).
6. Illicit Financial Flows to and from Developing Countries: 2005-2014. – Global Financial Integrity, 2017. – 51 p.

УДК 343. 237

Е.С. Козачёк, аспирант, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: kozachok0303@gmail.com)

КЛАССИФИКАЦИЯ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ЕЕ ОСНОВАНИЯ

В статье рассматриваются известные науке уголовного права теории и позиции ученых, касающиеся классификации соучастников на виды. Автором проводится анализ установленной действующим законодательством РФ классификации соучастников преступления. Ввиду того, что степень соучастия лиц в реализации единого преступного результата может являться совершенно разной, то возникает необходимость в видовой классификации соучастников преступления. Ставится вопрос, что является основанием для разграничения видов соучастников.

Ключевые слова: *соучастие, исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник, субъективная концепция, объективная теория, соисполнители.*

Kozachok, E.S.

CLASSIFICATION OF ACCOMPLICES OF THE CRIME, ITS GROUNDS

The article discusses the theories and positions of scientists known to the science of criminal law regarding the classification of accomplices into types. The author analyzes the classification of accomplices in a crime established by the current legislation of the Russian Federation. In view of the fact that the degree of complicity of persons in the implementation of a single criminal result can be completely different, there is a need for a specific classification of accomplices in a crime. The question is raised what is the basis for distinguishing between the types of accomplices.

Key words: *complicity, performer, organizer, instigator, accomplice, subjective concept, objective theory, co-executors.*

Актуальность темы исследования. В науке уголовного права на протяжении длительного времени ученые пытались классифицировать лица, которые совместно совершили преступление. Актуальность этого вопроса не вызывает сомнений и сегодня. Историко-правовой метод познания относится к числу самых важных методологических приёмов. Как правильно отмечает А.И. Бойко, исторические экскурсы предостерегают от односторонности и

поспешности выводов и решений [2, с. 350]. Любое правовое явление после его появления претерпевает преобразования, видоизменяется, проходит определенные исторические этапы становления и развития. Не исключение и вопрос о видах соучастников. Вопрос классификации соучастников играет первостепенную роль для классификации и назначения наказания за преступления, совершенных в соучастии. Соучастниками признаются лица, наделенные признаками субъекта, объединившиеся для совместного совершения умышленного преступления.

Анализ научных исследований. Исследованием классификации соучастников занималось немало ученых-правоведов, как отечественных, так и зарубежных. Рассмотрением правовых вопросов, связанных с основаниями классификаций соучастников в преступлении, в той или иной степени в разное время занимались: А.А. Арутюнов, Ф.Г. Бурчак, В.В. Васюков, Р.Р. Галиакбаров, О.С. Жиряев, Ю.А. Клименко, М.И. Ковалёв, В.В. Колесников, А.А. Пионтковский, Н.С. Таганцев, П.Ф. Тельнов, А.Н. Трайнин, М.Д. Шаргородский, С.А. Шатов, М.А. Шнейдер, и другие.

Цель статьи. Основная цель исследования заключается в анализе разных классификаций соучастников в преступлении.

Изложение основного материала. В уголовном законодательстве издавна совершались попытки разделить всех лиц, которые совместно совершают преступления, по принципу выполнения их функций. Так, в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1649 г.» выделены лица, «учинившие надругательство и научившие сделать такое» (гл. 22, ст. 12, 19), а также те, кто помогал совершить преступление (гл. 22, ст. 16) [1, С. 718]. «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.» создало запутанную структуру видов соучастников, под разными терминами обозначались лица, выполняющие схожие или даже одинаковые функции [10].

В советский период развитие учения о видах соучастников было прервано. Классификация соучастников, состоящая из 4 видов, была закреплена в уголовном праве с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в 1958 году. Такая классификация позволила дать конкретную правовую оценку действиям каждого участника и максимально индивидуализировать их ответственность и наказание.

Согласно ч.1 ст. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) «соучастниками преступления наряду с исполнителем признаются организатор, подстрекатель и пособник». В ч. 2, 3, 4, 5 указанной статьи определены особенности их функций при совместном совершении преступлений.

Участники единого умышленного преступления отличаются друг от друга формами и характером своего участия в совершении преступных деяний. Какие же критерии положены в основу их разграничения? В теории уголовного права существуют две основные теории относительно этого вопроса – субъективная и объективная. Субъективные концепции были сформулированы

такими учеными как Кестлин, Гельшнер, Бар и другими [5]. Суть этой теории заключается в следующем: главным является заинтересованность в преступлении, то есть при выделении соучастников должна учитываться заинтересованность участника в исходе преступления независимо от его личного объективного вклада в достижение этого результата. Согласно этой точки зрения, исполнителем должен считаться тот, кто преследует собственные интересы в достижении преступного результата. Другие соучастники могут рассматриваться только в качестве пособников независимо от их объективной роли в совершении преступления.

Однако следует отметить, что в отечественной теории уголовного права субъективная концепция не нашла поддержки у ученых. Что касается зарубежного законодательства, то в большинстве уголовных кодексов западных стран не было прямых ссылок в пользу той или иной доктрины. Однако судебная практика иногда отклонялась от основных принципов (особенно это касается немецких судов). Согласно этой теории, много лет назад один из немецких судов признал исполнителем преступления мать новорожденного ребенка. Хотя его своими руками задушила её родная сестра, а мать только помогала ей советами. С учетом того, что убийство было совершено в интересах матери, она была признана исполнителем преступления, а тетья – пособником. Однако большинство теоретиков и практиков уголовного права были против такого решения дела. С тех пор эта концепция не находит поддержки у представителей уголовно-правовой догмы и почти единогласно отвергается в судебной практике [11, С. 238].

Судебная практика и теория отечественного уголовного права всегда ставили в основу классификации соучастников объективный критерий. Впервые объективную теорию сформулировал А. Фейрбах, считавший, что исполнителем преступления должен признаваться только тот, кто вызвал преступный результат, то есть являлся его главной причиной. А пособником – тот, кто способствовал этому результату, то есть стал второстепенной причиной [5].

Объективная теория действия сводилась к тому, что соучастников необходимо классифицировать на непосредственных и опосредованных. Непосредственные соучастники своими действиями выполняли состав преступления, а опосредованные – не выполняли конкретный состав преступления, а лишь способствовали его выполнению. Таким образом, исполнителем считался тот, кто совершает действия, направленные на выполнение состава преступления. Подстрекательство и пособничество рассматривали как такие, которые находятся вне состава преступления.

Совместная преступная деятельность, как и любая деятельность вообще, является проявлением социального взаимодействия людей, негативную форму которой придает общественная опасность самой деятельности, ее направленность против охраняемых посредством уголовно-правового вето общественных отношений. Более полную картину характера совместной преступной деятельности, роли каждого соучастника преступления, общих

интересов, приведших к этому объединению, можно воспроизвести на основе социально-психологического и криминологического анализа, что позволяет рассмотреть не только внутреннюю характеристику этой совместной деятельности, но и внутреннюю связь, отношения, которые складываются между соучастниками в совершении преступления. В рамках криминогенно-правового анализа деятельность каждого из лиц, совместно совершающих преступление, интерпретируются только в пределах объективной стороны состава преступления, по которому его действия классифицируются.

Именно поэтому в основе деления соучастия на виды, с которыми отождествляется деятельность отдельных соучастников, должен быть объективный критерий. В основе такого различия лежит функциональная роль соучастников, характер выполняемых ими действий, а также степень их участия в совершении преступления. Цель такого разграничения состоит в том, чтобы дать более точную юридическую оценку действиям каждого соучастника, определить объем его вклада в достижение преступного результата и назначить справедливое наказание, соответствующее характеру и степени совершенного деяния.

Согласно статье 33 УК РФ ответственность соучастников определяется характером фактического участия каждого из них в совершении преступления, то есть указывает на объективный признак, который должен быть учтен судом при назначении наказания соучастникам. Характер участия лица в совершении преступления определяется той функциональной ролью, которую оно играет при совершении преступления. Однако следует отметить, что деление соучастников на организаторов, подстрекателей, пособников и исполнителей имеет смысл только тогда, когда исполнители совершают преступление в соучастии, при распределении ролей. В случаях, когда два или более лица совместно совершают объективную сторону преступления, они квалифицируются как соисполнители. Но в большинстве случаев фактическая доля вклада каждого соучастника не является одинаковой, то есть характер совершаемых действий один и тот же, а доля вклада в совместное преступление определяется степенью его участия, интенсивностью поведения и действенностью поступков.

Однако даже в этом случае отдельных соисполнителей можно различить по характеру и степени участия в преступлении. Имеются в виду случаи, когда один из соисполнителей одновременно выполняет функции подстрекателя, а иногда и организатора. Именно этим обстоятельством объясняется появление в теории и судебной практике фигуры инициатора преступления («зачинщика» – по терминологии дореволюционного права), означающей лицо, совмещающее при соисполнении функции подстрекателя и исполнителя. Другими словами, данное лицо можно считать идеологом совершения преступления, которое не просто предлагает идею (совершение преступления), но и само совершает действия по подготовке и совершению объективной стороны конкретного преступления. «Инициатором преступления может быть любой соучастник, кроме пособника. ... Что касается организатора преступления, то инициатива в

совершении преступления может проявляться как им самим, так и другими соучастниками – подстрекателями, исполнителями» [3, С. 134]. Свою точку зрения по вопросу об инициаторе преступления высказал и П.Ф. Тельнов, который считал, что значение понятия «инициатор» достаточно неопределенно. Буквально это означает «проявлять инициативу в любой деятельности». Ученый пришел к выводу, что инициатора нельзя считать неким соучастником и что судебной практике логичным будет отказаться от использования этого понятия [10, С. 69-70].

В целом можно согласиться с позицией П.Ф. Тельнова, единственное, что вызывает сомнение, так это категорический отказ от понятия инициатора на практике, ибо эта категория имеет большое значение в определении степени участия, когда общественная опасность любого вида соучастника повышается с наличием инициативы, направленной на совершение преступления. Инициативная роль такого лица более активна, что и должно учитываться судом при назначении наказания, хотя квалификация действий лиц будет одинаковой.

Поэтому степень участия лица в совершении преступления зависит от его реального вклада в совместно совершенное преступление, интенсивности и настойчивости, с которой тот или иной соучастник совершает свои действия. Интенсивность действий организатора отличается от интенсивности действий пособника, кроме того, возможна разная интенсивность действий среди лиц, выполняющих одни и те же функциональные роли (например, среди соисполнителей или пособников). Но данная количественная характеристика не может изменить качественную оценку действий соучастника. Каким бы настойчивым и решительным ни был пособник, он не может стать организатором, не изменив характера выполняемой им роли.

Таким образом, объективные признаки лежат в основе деления соучастников на виды. Только они дают возможность определить характер и степень взаимодействия соучастников в совершении единого преступления.

В науке уголовного права существует и другая позиция при оценке действий участников по степени их роли в преступлении. По этому критерию все соучастники делятся на главных и второстепенных: главными считаются организатор и руководитель преступления, а второстепенными все остальные соучастники [7].

Хотя это деление прямо не отражено в законе, оно имеет важное практическое значение, так как помогает суду определить реальную роль каждого соучастника, причастного к совершению того или иного преступления, и на этом основании осуществить индивидуализацию наказания. Но среди ученых нет единого мнения о месте и роли этого объективного признака в классификации соучастников. Например, А.А. Пионтковский считает, что деление соучастников на виды и деление их на основных и второстепенных осуществляется по одному и тому же признаку – по той объективной роли, которую они сыграли в совершении преступления. «Наш закон различает исполнителя, организатора и пособника по объективной роли в совершении

преступления. Данный критерий берется судом и для разделения между пособником, подстрекателем, организатором и исполнителем преступления...» [9, С. 577].

Однако нельзя полностью согласиться с такой трактовкой оснований деления соучастников на виды, поскольку, во-первых, один и тот же критерий не может быть основанием для двух разных классификаций соучастников, во-вторых, таким критерием не может быть роль соучастника в преступлении, поскольку сама роль определяется характером и степенью участия каждого соучастника в совместно совершаемом преступлении. На это указывает закон, акцентируя внимание на том, что «степень и характер участия каждого соучастника в совершении преступления» должны учитываться при назначении наказания.

Характер участия лиц в совершении преступления определяется функциональной ролью каждого участника. Степень его участия в преступлении дает представление об интенсивности его действий, его вкладе в совместно совершенное преступление. Например, пособник убийства, роль которого сводилась к совету, когда и где лучше всего подстеречь жертву. Другой пособник по просьбе исполнителя нашел для него средства убийства, транспортные средства для побега с места преступления и т.д. Функциональная роль пособника в обоих случаях одинакова, степень участия различна.

Также трудно согласиться с классификацией соучастников преступления, которую предлагает М.И. Ковалев. Поскольку фигура организатора преступления «отличается от других соучастников наиболее высоким уровнем участия в исполнении преступного деяния, независимо от формальной роли в выполнении состава преступления», то, по мнению М.И. Ковалева, «критерием отличия организатора от других соучастников является степень участия в преступлении, характер участия в этом плане имеет лишь второстепенное значение» [6, С. 93]. Основанием деления на исполнителей, организаторов и пособников М.И. Ковалев считает «характер участия в преступлении».

Такая конструкция классификации соучастников является достаточно спорной. Во-первых, она не следует из закона. Ранее упоминалось, что в статье 33 УК РФ разграничение между отдельными соучастниками проведено по характеру их действий, поскольку законодатель употребляет слова «организовало», «руководило», «обеспечивало», «склонило», «содействовало», «обещало», тем самым дает описание действий, а также степени участия. Что касается степени, то с ее помощью можно различать не только интенсивность действий организатора от других соучастников, но и интенсивность действий отдельных соучастников, выполняющих в совместном преступлении одинаковые функции.

Спорная и сама конструкция двойных оснований классификации соучастников. Поскольку в логическом плане одновременно провести классификацию по двум основаниям невозможно, М.И. Ковалев проводит ее в два этапа. По его словам, необходимо разделить всех участников на

организаторов и неорганизаторов, а затем разделить вторую группу на исполнителей, подстрекателей и пособников. Такой вывод можно сделать, проанализировав высказывание ученого о том, что организатор отличается от других соучастников высшей степенью участия в совершении преступления «независимо от того, какую формальную роль он играет в исполнении преступления».

Можно согласиться с тем, что организатор и руководитель вносят больший вклад в преступление, чем другие соучастники, но нельзя не учитывать тот факт, что исполнитель действует более активно, чем пособник или подстрекатель. Степень участия каждого соучастника во многом определяется его видом, но в ряде случаев зависит от фактического поведения соучастника, от его вклада в совместную преступную деятельность.

Степень участия представляет собой комплексную оценку фактической роли субъекта в совершении преступления. Характер участия является критерием разграничения исполнителей, подстрекателей и пособников между собой. К этому критерию следует добавить и другие детали в отношении организатора преступления. Главным, что характеризует организатора преступления, является степень его участия в преступлении, которая всегда является самой высокой. Следовательно, характер и степень участия в преступлении являются взаимосвязанными категориями, неотделимыми друг от друга. Именно поэтому есть основания при определении роли каждого конкретного участника и с теоретической и с практической точки зрения учитывать как характер, так и степень его участия в совершении преступления.

Следовательно, и основанием разделения соучастников преступления на виды следует считать характер и степень участия каждого из соучастников в преступлении, проявляющиеся в его внешней роли, которую выполняет каждый из соучастников, совершая преступное деяние, а также в пределах осознания совершенного. Именно характер и степень участия должны учитываться судом при назначении наказания.

Таким образом, главной заслугой объективных теорий классификации соучастников является установление характера участия лица в совершаемом деянии в качестве критерия деления соучастников на виды, а достижением субъективных теорий – идея о том, что при классификации соучастников необходимо учитывать отношение соучастника к совершаемым им действиям. Недостатками этих классификаций соучастников были буквальное использование идеи акцессорной теории соучастия про несамостоятельный характер деяний подстрекателя и пособника в субъективных теориях и предоставление безусловного характера объективной или субъективной стороне деятельности соучастника преступления как критерия деления соучастников на виды.

Согласно ч. 1 ст. 33 УК РФ: «Соучастниками преступления наряду с исполнителем признаются организатор, подстрекатель и пособник». Безусловно, законодатель внес большой вклад в определение видов соучастников, однако

многие ученые ставят под сомнение полноту классификации видов соучастников преступления. Например, Р.Р. Галиакбаров считает, что система «исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник» со временем стала неактуальной, поскольку закон не учитывает существование многоуровневой преступной организации, появились такие фигуры, как инициатор, заказчик, посредник [4].

Выводы. Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что установленная УК РФ классификация видов соучастников преступления на основе характера фактического участия является наиболее лаконичной и всесторонней [8]. Поэтому нет необходимости введения новых видов соучастников в устоявшуюся классификацию. Однако совершенствование законодательства в рассматриваемой сфере может быть в уточнении и расширении смысловой нагрузки уже существующего терминологического аппарата.

Список литературы

1. Антология мировой правовой мысли / Национальный общественно-научный фонд. Т. 4 : Россия XI–XIX вв. / [ответственный редактор Е.А. Скрипилев]. – 1999. – 812 с.
2. Бойко А.И. Система и структура уголовного права. В 3-х томах. Т.3. Структура уголовного права и его идентификация в национальной юриспруденции / А.И. Бойко. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2008. – 508 с.
3. Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы / Ф.Г. Бурчак. – Киев : Вища школа, 1986. – 208 с.
4. Галиакбаров Р.Р. Уголовный кодекс РФ: поправки с пробелами / Р.Р. Галиакбаров, В.В. Соболев // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 15-17.
5. Классификация соучастников преступления. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yurist-77.ru/stati/klassifikatsiya-souchastnikov-prestupleniya.html> – (дата обращения: 25.04.2023).
6. Ковалёв М.И. Соучастие в преступлении: Монография / М.И. Ковалёв. – Екатеринбург: Уральская гос. юрид. академия, 1999. – 202 с.
7. Курс уголовного права: Учение о преступлении. Общая часть: Учебник. Т. 1 / Борзенков Г.Н., Комиссаров В.С., Крылова Н.Е., Кузнецова Н.Ф., и др.; Под ред.: Кузнецов Н.Ф., Тяжкова И.М. – Москва : Зерцало, 1999. – 592 с.
8. Лазарева А.П. Классификация соучастников по видовому признаку / А.П. Лазарева // Символ науки. – 2020. – № 1-2. – С. 56-58.
9. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть / А.А. Пионтковский. – Москва, 1961. – 666 с.
10. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П.Ф. Тельнов. – Москва : Юрид. лит., 1974. – 208 с.
11. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов / М.И. Ковалев, И.Я. Козаченко, Т.В. Кондрашова, З.А. Незнамова, и др.; Отв. ред.: И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. – Москва : Норма, Инфра-М, 2001. – 516 с.

УДК 343.9.018.3

Н.С. Мироненко, аспирант, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: nikita_mironenko@mail.ru)

ДЕТЕРМИНАНТЫ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье проводится анализ причин и условий насильственной преступности. Акцентируется внимание на том, что причины насильственной преступности конкретизируются через различные факторы, которые негативно характеризуют экономическую, социальную, духовную и политическую сферы жизнедеятельности общества. Сделан вывод о том, что при изучении криминологией фактов, обуславливающих преступность (в том числе и насильственную), предметом исследования должна быть реальность, которая окружает человека со всей его разносторонностью, а также его внутренний мир.

Ключевые слова: *преступность, насильственная преступность, детерминанты насильственной преступности.*

Mironenko, N.S.

DETERMINANTS OF VIOLENT CRIME

The article analyzes the causes and conditions of violent crime. Attention is focused on the fact that the causes of violent crime are concretized through various factors that negatively characterize the economic, social, spiritual and political spheres of society. It is concluded that when criminology studies the facts that cause crime (including violent), the subject of research should be the reality that surrounds a person with all his versatility, as well as his inner world.

Key words: *crime, violent crime, determinants of violent crime.*

Актуальность. Наблюдения за преступностью, зафиксированные в работах ученых многих веков, были той основой, на которой в дальнейшем возникла криминология. Еще древние культуры эмпирически связывали жизнь общества с различными негативными явлениями. Многие из выдвинутых в то время идей получили развитие в процессе дальнейшего изучения преступности [9, С. 103].

В условиях социально-экономической дестабилизации общества возникает явление аномии – массовое преступное поведение становится патологическим атрибутом социума. Теория причинности в криминологии имеет методологическое значение и в значительной степени определяет смысл и содержание правовой природы преступности, социальной сущности личности преступника, способствует разработке предупредительных мер и решению других криминологических проблем. Причины и условия преступности, как известно, представляют собой систему социально-негативных явлений и процессов, детерминирующих преступность как свое последствие. Причины преступности определяются реальными условиями жизни людей, в основе которых – противоречия общества. Противоречия между личностью и обществом, реализованные в преступлении, имеют социальную,

психологическую или смешанную природу. Причины преступности конкретизируются через различные факторы, которые негативно характеризуют экономическую, социальную, духовную и политическую сферы жизнедеятельности общества. Такими факторами являются различные недостатки в этих областях, которые опять же негативно влияют на поведение людей. Таким образом, причинная связь – это такая зависимость, при которой одно явление, называемое причиной, порождает, то есть приводит к другому, – последствию.

Анализ научных исследований. В этом контексте исключительно важным является обращение к исследованию проблем насилия многих отечественных ученых. Этому посвятили свои публикации Ю.М. Антонян, Я.И. Гишинский, В.В. Голина, А.И. Долгова, А.Ф. Зелинский, С.М. Иншаков, А.Н. Костенко, В.Н. Кудрявцев, В.Г. Лихолоб, П.П. Михайленко, И.А. Петин, Д.В. Ривман, Л.В. Сердюк, Л.В. Франк, В.И. Шакун и другие. Однако, несмотря на пристальное внимание к проблеме, многие ее аспекты все еще не освещены на должном уровне, нуждаются в научно-теоретическом осмыслении.

Целью исследования является исследование причин и условий насильственной преступности с позиций современных достижений криминологической науки.

Изложение основного материала. Закон причинности проявляется в том, что между событиями, возникающими в мире, существует такого рода связь, при которой возникает ситуация: если событие А вызвало В, то везде и всегда, где только наблюдается А, за ним непременно (динамическая закономерность) или с определенной долей вероятности (статистическая закономерность) следует В.

В причинно-следственной связи следует выделить условие. Его роль обычно выполняет среда, в которой действует причина, то есть это круг действия причины, круг порождения следствия. Условие влияет на причину как катализатор, то есть либо способствует, облегчает действие причины, либо препятствует ему. Такова в нашем понимании функциональная роль условия.

К характеристикам причинности некоторые ученые относят всеобщность, необратимость, пространственная и временная непрерывность. Причины и условия можно соотносить следующим образом: причина создает реальную возможность определенных последствий для наступления которых необходимы еще определенные условия. Сами по себе условия породить последствия, привести к ним не могут, но в соответствующей ситуации способствуют реализации действия причины. В то же время, подобная трактовка может быть признана, но с некоторыми оговорками [13].

Что касается общих причин насильственной преступности, то в первую очередь следует исходить из анализа социальных процессов, которые происходят в обществе. На достаточно серьезном уровне сегодня возникают кризисные явления в экономической, социальной, политической, психологической, организационной и других сферах, что непосредственно отражается на масштабах преступности. Это, в частности подтверждается некоторыми примерами негативных процессов в

обществе, на которые приводятся комментарии ряда авторов в многочисленных публикациях на эту тематику. Так, кризис в экономической сфере обусловлен объективными противоречиями, возникшими между экономическими потребностями людей и возможностями общества. В психологической сфере наблюдается серьезное разочарование значительной части населения в общечеловеческих идеалах, касающихся социального сожителства. К этому добавляются правовой нигилизм, потеря доверия к правоохранительным органам, этническая, религиозная нетерпимость, пьянство, наркотизация, токсикомания, и тому подобное.

Причины преступности коренятся в социальном строе общества и обусловлены материальными и идеологическими условиями жизни людей. Человек не появляется на этот свет с врожденными биологическими, расовыми или иными признаками преступника, а становится им из-за стечения неблагоприятных обстоятельств, что, однако не снимает с него ответственности за антиобщественное поведение. Следует учитывать особенности психологии конкретного лица, которые формируются и изменяются под влиянием условий жизни и воспитания. Изменения структуры и характера преступности зависят от различных социальных условий, явлений и процессов, например, от миграции и возрастного состава населения, уровня образования, культуры и воспитания людей, от экономической характеристики конкретных территорий, от сложившихся национальных традиций, морали, привычек, обычаев [15].

Другие ученые также не выделяют насильственную преступность как отдельный вид преступности, и называют общие причины преступности – это факторы, которые способствуют совершению конкретного преступления. До сих пор нет такого объяснения причин преступности, на основе которого можно было бы создать эффективную методику искоренения преступных проявлений. Поэтому главным в борьбе с ними остается пока применение уголовного наказания к лицам, совершившим преступление.

Причины и условия собственно «насильственных преступлений и хулиганства», по мнению ряда авторов, заключаются в том, что именно в этих видах противоправного поведения выделяются следующие типы мотивации: бытовая (в частности, семейно-бытовая) конфликтность; соблюдение негативных групповых норм и требований; агрессивность как форма самоутверждения. Этот мотивационный комплекс включает также пренебрежение требованиями общества, интересов других людей. Сама мотивация, связанная с типичными чертами личности преступников насильственных и хулиганов, формируется, прежде всего, в обстановке неблагополучной семьи и ближайшего бытового микроокружения. Именно в сфере быта и досуга негативные влияния проявляются наиболее интенсивно, поскольку отношения в быту носят неформальный характер, менее доступны для различных видов целенаправленного социального регулирования и контроля. Речь идет, в частности, о принятии существующих в подобной среде стереотипов поведения, отличающихся брутальностью, агрессивностью, жестокостью [14, С. 196].

Бытовые традиции пьянства, распущенность, брутальность, агрессивность, цинизм во взаимоотношениях полов резко усиливаются в случаях привлечения членов семьи в неформальные группы, откуда и распространяется такое негативное влияние. То же касается определенных ячеек некоторых учебных или трудовых коллективов: речь идет, в частности, о средних школах, молодежных общежитиях, где случаются случаи издевательств старших над младшими, возникают групповые драки. Таким образом формируется определенный стереотип поведения с установкой на насилие [14, С. 196-197].

Когда речь идет о насильственной преступности, то логично заметить, что, прежде всего, надо учитывать общие причины, которые порождают преступность вообще, и лишь после этого можно выделять специфические черты (если таковые имеются), присущие насилию. В то же время следует иметь в виду, что общие и конкретные причины не совпадают, ведь сама преступность не является простой совокупностью преступлений, потому и причины преступности нельзя считать арифметическим приложением к причинам отдельных преступлений. Общие причины преступности создают лишь возможность индивидуального преступного поведения, условия для деформации нравственного воспитания групп и лиц, совершивших конкретное преступление. Этот процесс рассматривается сквозь призму их признания как определяющих, социальных причин преступности. Все зависит от конкретных жизненных условий, в которых находится конкретный человек, то есть от образа жизни, микросреды, определенной жизненной ситуации [6, С. 108].

Многообразие причин и условий, порождающих индивидуальное преступное поведение или способствующих его осуществлению, подразделяются на: условия неблагоприятного нравственного формирования личности, которые приводят к возникновению в ее сознании потребностей, интересов и ценностных ориентаций, создающих основу антиобщественных установок поведения, и на конкретные условия, способствующие реальному проявлению антиобщественной установки. Сюда также приобщается отчужденность (отстранение) граждан от управления государством и обществом, антиобщественный образ жизни, негативное влияние микросреды и др. [6, С. 109].

Очевидно, такая классификация специфических причин конкретного преступления вполне пригодна и для градации причин насилия. Как правило общие причины преступности определяются по ее природе. Преступность – социальное явление, результат социальных противоречий. И поскольку общество в своей организации системное, то и причины преступности (криминогенные детерминанты) образуют, по мнению ученых, своеобразную систему, или множество составляющих компонентов [8, С. 126]. С одной стороны, общие причины преступности практически все могут быть отнесены к причинам насильственной преступности; с другой, – эти же причины насильственной преступности, по сути, являются также причинами преступности в целом. Так, к причинам собственно насильственной преступности относят: влияние преступной среды; нереагирование соответствующих должностных лиц и общественных организаций на

антиобщественные поступки в сферах быта, досуга, трудовой деятельности; виктимное поведение потерпевших; провокационные взаимоотношения в семье, с соседями, сослуживцами; утрата личной перспективы; латентность и безнаказанность значительной части преступлений против личности; недостатки в деятельности правоохранительных органов с криминальным рецидивом; неполнота выявления лиц, страдающих психическими заболеваниями или имеющих патологии психики, а также слабая профилактическая работа с ними; обстоятельства, способствовавшие формированию антиобщественных группировок молодежи, недостатки в деятельности по разъединению таких группировок; факты незаконного владения оружием, небрежное хранение оружия; недостатки в охране общественного порядка; просчеты в воспитательной работе по месту жительства и работы, неудовлетворительная организация досуга и тому подобное [8, С. 51-53].

Ряд ученых как основными, определяющими причинами именно насильственной преступности, называют острые противоречия, возникающие в сфере быта и досуга, причем в той сфере, которая длительное время оставалась вроде бы на втором плане с точки зрения высоких государственных приоритетов и ее поддержка рассматривалась по пресловутому «остаточному принципу». Однако бытовая неупорядоченность и отсутствие минимальных условий для культурного проведения досуга, по мнению В.Н. Кудрявцева, сами по себе еще не являются причинами тяжких насильственных преступлений и хулиганства, а становятся таковыми и при наличии их комплексного влияния на личность, создавая стабильную основу, формирующую образ жизни лиц с социально заниженными или противоречивыми статусными позициями [7, С. 361].

Что же касается тяжких насильственных преступлений, то следует отметить, что они совершаются все более жестокими способами, а повод к проявлению насилия становится все менее значительным. Это свидетельствует о том, что за поводом кроется серьезная причина, которой является «социальная болезнь» – желание как можно скорее решить свои жизненные проблемы. Возникает словно особая мотивация поведения, ориентирующего человека на самостоятельное разрешение конфликтов, причем исходя преимущественно из сугубо личных интересов и допустимости использования любых способов.

Ряд ученых предлагает следующие направления анализа причин насильственной преступности, а именно: 1) определение соотношения уровня потребностей населения с уровнем их фактического удовлетворения; 2) изучение несоответствия между интенсивными процессами урбанизации и миграции населения и уровнем социального контроля; 3) выяснение состояния семейно-бытовых отношений (имеется в виду быт, для которого характерны систематические конфликты, пьянство, где доминируют потребительские установки и где живут лица, отбывшие наказание, рецидивисты); 4) установление несбалансированности финансовых вложений в производственную сферу и сферу воспитания и культуры [2, С. 296-299].

В обобщенном контексте называются следующие причины (факторы) насильственных преступлений: недостатки семейного воспитания; пороки

школьного воспитания; неразвитость сферы досуга; алкоголизация и наркотизация молодежи; деградация отечественной культуры на фоне экспансии криминальной культуры с культом насилия и индивидуализма; негативная роль средств массовой информации; кризис идеологии, нравственности; политический и экономический кризис; социальное неравенство; потеря авторитета родителей, закона, власти; неэффективное функционирование правоохранительной системы; неспособность государства поставить под контроль незаконный оборот оружия; неразвитость системы виктимологической профилактики преступлений [4, С. 49].

Причинами преступности как социального феномена (в том числе и насильственной преступности) являются противоречия между потребностями людей и реальными возможностями их удовлетворения, которые зависят, прежде всего, от места индивида или группы в социальной структуре общества. Причем потребности людей распространены относительно равномерно и имеют тенденцию к росту, а возможности их удовлетворения – разные, неравные. И хотя определенная степень неравенства зависит от индивидуальных особенностей, тем не менее главным источником неодинаковых возможностей является социально-экономическое неравенство. Такой подход базируется на общей методологической установке, что понятия «насильственные преступления» или «преступления против личности» – условны, поскольку во всех преступлениях проявляется насилие в широком смысле этого слова, все преступления так или иначе затрагивают интересы личности [1, С. 158].

Таким образом, теория образа жизни допускает: рост численности насильственных преступлений обусловлен тем, что поведение людей по их собственному желанию, а иногда и против него, становится рискованным, что делает их потенциальными жертвами насильственных преступлений. Чем больше людей с рискованным поведением, тем выше уровень насильственной преступности. Это подтверждается так называемым ситуативным подходом. Что же касается отношения «преступник – жертва», то следует отметить, что жертва, которую следует побудить к действию, должна быть активным членом общества, играть в определенные периоды определенную роль, действовать конкретно и недвусмысленно; то же касается и преступника [5, С. 261-262].

Концепция теории субкультуры заключается в том, что преступному поведению учатся при общении с теми, кто одобряет преступность или придерживается ценностей, которые ведут к преступлению. Выделяются четыре типа преступных групп, или субкультур: 1) группы, которые безоговорочно одобряют все или большинство преступлений и осуждают все виды общепринятого поведения; 2) группы, которые безоговорочно одобряют некоторые формы преступности (особенно незначительные преступления), но в остальном придерживаются общепринятого поведения; 3) группы, которые оправдывают или одобряют преступления при определенных условиях, но в остальном привержены общепринятому поведению; 4) группы, которые в явном виде не одобряют преступление, однако придерживаются ценностей, приводящих к преступлению [5, С. 415-416].

Существует системная связь не только между детерминантами насилия, но и между видами самого насилия. Исследования показывают, что насилие, которому человек подвергся в своем родном доме, связано с тем, что этот человек становится жертвой или виновником насилия в подростковом или зрелом возрасте. Кроме названных биологических факторов риска, отмечаются личностные и поведенческие характеристики потенциальных насильников. Это – гиперактивность, импульсивность, склонность к риску, низкий уровень контроля за своим поведением, рассеянное внимание. Кроме того, слабое умственное развитие и низкая успеваемость в школе также связаны со склонностью к насилию.

К основным криминогенным детерминантам умышленных убийств, причинения тяжкого вреда здоровью и злостного хулиганства относят, в частности неблагоприятные материальные и жилищные условия и потерю личной перспективы; повышенную распространенность в обществе представлений о допустимости насильственных действий; влияние преступной среды; нереагирование правоохранительными органами на угрозы мести, побои, пытки и несвоевременное выявление криминогенных семейно-бытовых конфликтов; недостатки в деятельности правоохранительных органов в борьбе с рецидивной преступностью, охране общественного порядка, контроле за хранением оружия; виктимное (легкомысленное, аморальное, противоправное) поведение потерпевших [11, С. 100].

Причины виктимного поведения в случае насильственной преступности в определенной степени кроются в заниженной самооценке жертвы, в частности, когда она уверена, что имеет те негативные черты, в которых ее обвиняет агрессор; в социальной дезадаптации и дезориентации жертвы, когда у нее нет или ограниченный круг друзей и близких людей, которые смогли бы в нужный момент прийти на помощь; в хроническом чувстве вины, депрессии, в высокой тревожности. И наконец, причиной виктимного поведения является интеллектуальная дисфункция, которая выражается в негибкости, некритичности и узости мышления [11, С. 68-69].

Личность жертвы (потерпевшего) в акте насилия является отдельной, важной криминологической проблемой. В частности, И.А. Петин считает, что поведение жертвы определяется системой самонаказания, которая управляется подсознанием. Основным элементом самонаказания в этом случае является чувство вины. Восприятие потерпевшим преступного насилия как воплощение неизбежности наказания за поведение в целом имеет исключительно важное криминологическое и уголовно-правовое значение для предупреждения насильственной преступности [12, С. 267].

Причину значительного количества преступлений следует искать в определяющей роли конкретной жизненной ситуации. Нередко имеют место ситуации, в которых основное влияние на преступника оказывает именно поведение потерпевшего, и оно может определять криминальное развитие событий. Поведение потерпевшего может дать толчок к совершению преступления. К ситуациям, в которых поведение жертвы создает объективную возможность совершения

преступления, следует отнести также случаи отсутствия необходимой реакции на те или иные действия, которые могут быть преступными или неправомерными. Криминологическое значение имеет как положительное, так и отрицательное поведение жертвы, которое также может привести к причинению вреда.

Поведение потерпевшего тесно связано с его личностными качествами: полом, возрастом, профессией, общественным, профессиональным, семейным положением и тому подобное. Без их знания невозможно осуществлять профилактику преступлений, ибо преступник во многих жизненных ситуациях ориентируется в конкретных обстоятельствах, и именно исходя из этого, прибегает к реализации своих намерений.

Ф. Ницше обосновывал идею необходимости и даже полезности насилия в человеческом обществе, как в международных масштабах (в форме войн), так и в межличностных отношениях, и даже насилия каждого человека к самому себе, таким образом прогоняя лень, неповиновение, нигилизм и другие личные пороки. Само человеческое существование, по мнению философа, по сути «в основных своих проявлениях действует путем насилия и не может быть вовсе мыслимо помимо этого характера» [10, С. 56].

Ф. Ницше прав, по нашему мнению, лишь в том, что насилие в ряде случаев способствует ускорению прогресса, являясь толчком, стимулом в развитии общества и личности. Однако в принципе позиция философа весьма сомнительна, ведь он трактует насилие в бытовом, а не в правовом плане, смешивая насилие и правомерное применение силы с целью противодействия насилию, включая сюда даже обычное проявление воли человека над собой.

Считаем, что каждый тип общества и устойчивые социально-экономические условия, сложившиеся в нем, формируют свои устойчивые типы преступников. Их преступное направление определяется значительными упущениями в социальном управлении, социальном контроле, расширении возможных объектов преступного посягательства, существенными недостатками в правоохранительной деятельности, коррумпированностью властных чиновников, дефектами общесоциальной и правовой социализации. Все новые криминальные типобразования накладываются в основном на три «классических» типа преступников – насильственный, корыстный и корыстно-насильственный, в которых интегрируются и уголовно-ценностная, и инструментально-поведенческие особенности личности преступника.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что причина становится таковой во взаимодействии с условиями. Раньше существовало механистическое представление о действующей и недействующей причине. Но только действующая причина в концепции диалектического детерминизма и является причиной, хотя Гегель отмечал, что причина является причиной постольку, поскольку она порождает определенное действие и, если «причина угасает в своем действии, так же угасает и действие, ибо она является лишь выявлением причины».

Причинный комплекс факторов, обуславливающих насилие, напрямую связан не только с объективными условиями, охватывающими широкий круг проблем, но и также с условиями субъективного характера, которые проявляются в

определенном комплексе потребностей, моральных ценностей и правосознания лиц, совершающих насильственные преступления [3, С. 56].

Следовательно, причинами как умышленных насильственных преступлений, так и преступлений по неосторожности являются любые факторы, которые вызывают образование у лица комплекса произвола и иллюзий. Условиями, способствующими совершению преступлений, следует считать: а) врожденные или приобретенные свойства личности преступника; б) факторы жизненной ситуации, в которой находится лицо, если указанные выше факторы являются способствующими проявлению комплекса произвола и иллюзий как преступления.

Как следует из изложенного выше, причины насильственной преступности можно определить как факторы, которые приводят волю и сознание человека в криминогенное состояние, то есть вызывают образование у лица комплекса произвола и иллюзий, который проявляется в насильственных действиях преступного характера. Условия – это факторы, необходимые для того, чтобы комплекс произвола и иллюзий проявился именно как насильственные действия преступного характера. По нашему мнению, детальное исследование и анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления, важно и в том аспекте, который может существенно улучшить функцию предупреждения преступлений органами внутренних дел.

Причины и условия насилия связаны с физическими, биологическими и социальными факторами. Физические факторы (например, температура воздуха) и биологические факторы (например, наследственная агрессивность, болезнь, алкоголизм) могут играть лишь роль условий преступности (в частности, и насильственной), а не причин. А роль причин могут играть только те социальные факторы, которые способны вызвать образование комплекса произвола и иллюзий у лица. Все остальные социальные факторы – это тоже условия насильственной преступности (например, недостатки в деятельности органов внутренних дел, бедность, или наоборот, роскошь, разнообразные конфликты между людьми и т. д.).

Выводы. Таким образом, при изучении криминологией факторов, обуславливающих преступность (в том числе и насильственную), предметом исследования должна быть реальность, которая окружает человека со всей его разносторонностью, а также его внутренний мир, поскольку любое явление с которым сталкивается человек, и любая его реакция на это явление, так или иначе связаны с возможностью его противозаконного, или же наоборот, законопослушного поведения. Естественно, чтобы не «утонуть» в этом океане взаимно обусловленных обстоятельств, необходимо уметь выделять самые типичные, статистически весомые факторы и устанавливать их иерархическую созависимость.

Список литературы

1. Гишинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: курс лекций / Я.И. Гишинский. – СПб. – М. – Харьков – Минск: Питер. – 2002. – 172 с.

2. Даньшин І.М. Кримінологія / І.М. Даньшин, В.В. Голіна, О.Г. Кальман, О.В. Лисодєд. – Харків : Право, 2003. – 352 с.
3. Золотухин С.Н. Уличная насильственная преступность: понятие, криминологическая характеристика и виктимологические аспекты предупреждения: учебное пособие / С.Н. Золотухин, К.В. Михайлов. – Челябинск: Челяб. юрид. ин-т МВД России, 2006. – 106 с.
4. Иншаков С.М. Криминология: учебник / С.М. Иншаков. – Москва : Юриспруденция, 2000. – 144 с.
5. Криминология. Перевод с английского / Под ред.: Шели Д.Ф. – 3-е международ. изд. – С.-Пб.: Питер, 2003. – 864 с.
6. Криминология / под ред. Н.В. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. – Москва : Бек, 1998. – 236 с.
7. Криминология : учебник для юридических вузов / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – Москва : Юристъ, 1995. – 511 с.
8. Криминология : учебник. Общая часть. – СПб.: Питер, 1992. – 131 с.
9. Мироненко С.Ю. Социально-правовая природа и понятие некорыстной насильственной преступности / С.Ю. Мироненко, Н.С. Мироненко // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – Донецк, 2021. – № 18. – С. 102-111.
10. Ницше Ф. Сочинения в 2-х т / Ф. Ницше. – Москва : Мысль, 1990. – Т. 1. – 556 с.
11. Объективная сторона преступления (факультативные признаки): учеб. пособ. / под ред. А.В. Наумова, С.П. Никулина. – Москва : Юрид. лит, 1995. – 165 с.
12. Петин И.А. Механизм преступного насилия / И.А. Петин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 349 с.
13. Старков О.В. Криминопенология : Учеб. пособие / О.В. Старков. – Москва : Экзамен, 2004. – 478 с.
14. Шнайдер Г.Й. Криминология. Перевод с немецкого / Под ред.: Иванов Л.О.; Пер.: Неподаев Ю.А. – Москва : Прогресс-Универс, 1994. – 502 с.
15. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Я. Сухарев. – Москва : Норма, 1984. – 294 с.

УДК 341.337.4

С.Ю. Мироненко, канд. юрид. наук, доцент, **Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)**
(e-mail: mironenko-2009@mail.ru)

СУБЪЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАПРЕЩЕННЫХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

В статье исследуется проблема субъекта применения запрещенных средств и методов ведения войны, которая не получила соответствующей теоретической разработки в юридической литературе. Акцентируется

внимание на том, что субъект применения запрещенных средств и методов ведения войны – общий: физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. За применение запрещенных средств и методов ведения войны в форме отдания приказа о совершении преступных действий ответственность должны нести только должностные лица, имеющие полномочия отдавать такие приказы.

***Ключевые слова:** запрещенные средства и методы ведения войны, общий субъект, специальный субъект.*

Mironenko, S.Yu.

THE SUBJECT OF THE USE OF PROHIBITED MEANS AND METHODS OF WARFARE

The article examines the problem of the subject of the use of prohibited means and methods of warfare, which has not received appropriate theoretical development in the legal literature. Attention is focused on the fact that the subject of the use of prohibited means and methods of warfare is common: a sane individual who has reached the age of 16. For the use of prohibited means and methods of warfare in the form of ordering the commission of criminal acts, only officials with the authority to issue such orders should be held responsible.

***Key words:** prohibited means and methods of warfare, general subject, special subject.*

Актуальность. Проблема субъекта применения запрещенных средств и методов ведения войны не получила, к сожалению, соответствующей теоретической разработки в юридической литературе, что является подтверждением актуальности этого исследования.

В ст. 356 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) не упоминается о субъекте, который может совершить это преступление. Вместе с тем, не указывая на субъект этого преступления, законодателем определены некоторые признаки (в первую очередь касающиеся характера объективной стороны этого преступления), свидетельствующие о том, что применение запрещенных средств и методов ведения войны могут быть совершены различными лицами, в том числе теми, которые имеют полномочия отдавать приказы.

Анализ научных исследований. Исследованием применения запрещенных средств и методов ведения войны занималось немало ученых-правоведов, как отечественных, так и зарубежных. Рассмотрением правовых вопросов, связанных с применением запрещенных средств и методов ведения войны, в той или иной степени в разное время занимались: Р.А. Адельханян, П.П. Андрушко, И.Н. Арцибасов, В.В. Голина, И.Н. Даньшин, В.П. Емельянов, В.Н. Кудрявцев, И.И. Карпец, Л.Н. Кривоченко, Н.Ф. Кузнецова, Д.Б. Левин, В.А. Ломако, Ф.Ф. Мартенс, Б.С. Никифоров, А.А. Пионтковский, А.А. Пинаев, Ю.А. Решетов, А.Н. Савенков, А.Н. Трайнин, Г.И. Тункин, И.Я. Фойницкий, В.В. Фуркал, А.И. Чучаев, В.М. Чхиквадзе, и другие.

Цель исследования. Основная цель исследования заключается в определении и анализе признаков субъекта применения запрещенных средств и методов ведения войны.

Изложение основного материала. В юридической литературе существует общепризнанное мнение о том, что субъект преступления является обязательным элементом состава преступления. В то же время отдельные авторы считают, что субъект преступления не относится к составу преступления в качестве его элемента. А.Н. Трайнин, отстаивая такой взгляд, отмечал, что вообще нельзя говорить об объекте, объективной стороне, субъективной стороне, субъекте преступления как элементах состава преступления; речь может идти лишь о признаках, характеризующих элементы состава преступления [16, С. 29]. Я.М. Брайнин считал, что эту позицию нельзя признать правильной, поскольку при таком подходе роль состава преступления как единственного основания уголовной ответственности сводится лишь к роли аналитического инструмента для разграничения отдельных преступлений. Важным является, наряду с основными признаками субъекта преступления, установление специальных признаков, например, служебный статус субъекта преступления [4, С. 108-109].

Понятие общего субъекта преступления законодателем определено в статьях 19-20 УК РФ. Согласно ст. 19 Уголовного кодекса «уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом». Эти три признака характеризуют и общий субъект применения запрещенных средств и методов ведения войны. Р.А. Адельханян считает, что общим субъектом военного преступления должен считаться любой человек независимо от каких-либо демографических, социальных, имущественных или иных характеристик, совершивший это преступление и подлежащий ответственности по международному уголовному праву [1, С. 207]. Следовательно, субъектом применения запрещенных средств и методов ведения войны может быть прежде всего только физическое лицо.

Обязательным признаком субъекта применения запрещенных средств и методов ведения является вменяемость лица. Вменяемым признается лицо, которое во время совершения преступления могло осознавать свои действия (бездействие) и руководить ими. Вменяемость является одним из общих признаков субъекта преступления и одновременно юридической предпосылкой вины и уголовной ответственности.

Возраст лица является следующим обязательным признаком рассматриваемого субъекта преступления. Итак, субъектом применения запрещенных средств и методов ведения войны является физическое вменяемое лицо, которому к моменту совершения преступления исполнилось 16 лет. В ст. 26 Римского статута указано, что Международный уголовный суд не обладает юрисдикцией в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста на момент совершения преступления. И.И. Карпец справедливо отмечает, что возраст уголовной ответственности должен быть «уточнен и повышен» в случаях, когда

человек имеет дело с новой техникой, с использованием других источников повышенной опасности [7, С. 177-178]. Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 22 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» призыву на военную службу подлежат граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет, состоящие на воинском учете или не состоящие, но обязанные состоять на воинском учете и не пребывающие в запасе. Поэтому, с учетом изложенного, необходимо в УК повысить возраст, с достижением которого лицо может нести уголовную ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, до 18 лет.

Наряду с понятием общего субъекта уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает понятие специального субъекта. Как отмечает Н.Г. Кадников, специальный субъект – это лицо, которое, кроме возрастных признаков и вменяемости, обладает особыми дополнительными (специфическими) признаками, отграничивающими возможность привлечения его к уголовной ответственности за совершение преступления. Составы преступлений, в которых предусмотрена ответственность таких лиц, называются составами со специальным субъектом [17, С. 182].

В.Я. Таций указывает, что «признаки специального субъекта в определенной степени являются ограничительными, потому что они определяют, что то или иное преступление может совершить не любое, а только то лицо, которое имеет такие признаки. Поэтому другие лица, не имеющие этих признаков, не могут нести ответственность по конкретному уголовному закону, в котором предусмотрен специальный субъект» [9, С. 152]. Так, отдание приказа о применении запрещенных средств и методов ведения войны, предусмотренных частями 1 и 2 ст. 356 УК РФ, могут быть совершены только должностным лицом, имеющим полномочия отдавать соответствующие приказы.

Принцип индивидуальной уголовной ответственности физических лиц отражен в уставах Нюрнбергского трибунала, Международного трибунала в отношении бывшей Югославии и Руанды и Римском статуте. В приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге было указано: «преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права» [14, С. 118]. Уставами Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов (статьи 6 и 5 соответственно) предусмотрено, что руководители, участвовавшие в разработке плана, который предусматривал совершение военных преступлений, преступлений против мира или преступлений против человечности, также несут ответственность. Нюрнбергский военный трибунал применил это положение к некоторым обвиняемым. В частности, к бывшему министру Германского Рейха Вильгельму Фрику. Во время войны в его юрисдикцию входили санатории, больницы и психиатрические лечебницы, в которых практиковалась «система предания легкой смерти». Ему было известно, что больные, душевнобольные, старики

систематично подвергались умерщвлению. Жалобы на эти убийства доходили до него, но он ничего не сделал, чтобы прекратить эти убийства [15, С. 580-581]. Токийский международный трибунал признал, что любой член правительства, чья компетенция распространяется на военнопленных, должен нести ответственность за преступления, совершенные против них, если он знал об этом и не предпринял никаких действий, чтобы остановить их. Даже если департамент, находившийся в его ведении, напрямую не связан с этими преступлениями, ответственность за них падает и на этого члена правительства, если он не подал в отставку и решил продолжить работу. Так, японский генерал Ямашита американским военным трибуналом 7 декабря 1945 года был приговорен к смертной казни за то, что в период оккупации Филиппин (октябрь 1944 – сентябрь 1945 годов) не принял необходимых мер по предупреждению случаев насилия, массового уничтожения гражданских лиц и казней без суда и следствия интернированных гражданских лиц и военнопленных [15, С. 318].

Право вооруженных конфликтов, как и другие нормы международного права, может связывать любого индивидуума. В «деле Круппа» американский военный трибунал в Нюрнберге заявил: «Законы и обычаи войны связывают частных лиц в не меньшей степени, чем официальных лиц из состава правительства и военный персонал» [6].

Существует мнение о том, что физическое лицо не может быть субъектом военного преступления. Эти взгляды основаны на отрицании международной правосубъектности физического лица. Так, Ю.М. Колосов считает, что «уголовная ответственность физических лиц за преступления международного характера является одним из проявлений политической ответственности государства, которое теряет юрисдикцию в отношении своих граждан» [8, С. 26]. С такой позицией нельзя согласиться, поскольку она может привести к возрождению «доктрины государственного акта», в соответствии с которой субъектом ответственности может выступать только субъект международного права, в первую очередь государство, а не физическое лицо.

В случае совершения военных преступлений иногда возникает вопрос об ответственности государства и конкретных лиц. Подтверждением этого является «дело Олендорфа», где американский военный трибунал в Нюрнберге выразился так: «нации могут действовать только через индивидуумов, и когда Германия подписала, ратифицировала и обнародовала Гаагские и Женевские конвенции, она связала каждого из своих подданных обязательством их соблюдать... Ответчики предстали перед судом не как представители побежденной нации, а как лица, обвиняемые в преступлениях» [6, С. 659-660]. Принимая во внимание определение субъекта преступления, юридические лица не могут быть признаны субъектами преступлений. В частности, при применении запрещенных средств и методов ведения войны не юридические учреждения (например, лагерь для военнопленных) должны нести уголовную ответственность, а виновные в этом физические лица.

Обстановка военных действий во время применения запрещенных средств и методов ведения войны, характеристика участников вооруженных конфликтов, а также специфика средств и орудий совершения преступления свидетельствуют о том, что анализируемый деликт может быть совершен в первую очередь лицами, имеющими определенные возможности для этого (например, выполнение определенных функциональных обязанностей в лагере для военнопленных или депортированных гражданских лиц, использование во время боевых действий определенных средств ведения войны и т.д.). Н.И. Панов в связи с этим подчеркивает, что для «наличия состава преступления со специальным субъектом, признаки которого характеризуют профессиональную деятельность лица или его служебное положение, необходимо установить, что преступление было совершено путем использования виновным именно этой деятельности, обусловленной трудовой функцией, или полномочий, вытекающих из служебного положения лица» [13, С. 127]. Следовательно, субъектом применения запрещенных средств и методов ведения войны может быть также должностное лицо при условии, что оно использовало для этого свои полномочия, определенные его служебным положением. Следует отметить, что среди ученых по этому поводу есть практически единодушная позиция относительно квалификации совершенного по правилам совокупности преступлений, поскольку в поведении лица существует идеальная совокупность преступлений по признаку субъекта. Кроме этого, использование служебного положения может образовывать совокупность преступлений только в случае, когда с учетом положений статей 285, 286 УК преступлением причинен существенный вред охраняемым законом правам и законным интересам граждан или организаций или охраняемым законом интересам общества и государства.

В диспозиции ч. 1 ст. 356 УК применение запрещенных средств и методов ведения войны в форме отдания соответствующего приказа подразумевается законодателем наряду с другими формами преступлений, то есть одновременно определены преступные действия должностного лица, а также его подчиненного. В теории уголовного права существует практически единственное мнение о том, что подчиненный, исполнивший преступный приказ начальника, является соучастником (исполнителем) преступного деяния. С учетом более высокой степени общественной опасности, по сравнению с простым составом этого преступления, считаем, что преступные деяния должностного лица при применении запрещенных средств и методов ведения войны требуют повышенной ответственности и должны быть определены как квалифицирующий признак этого преступления. В таком случае необходимо дополнить ст. 356 УК положением о совершении указанного преступления в форме отдания приказа. В.О. Миронова предлагает определить специальным субъектом рассматриваемого преступления только военного начальника или руководителя организованного движения сопротивления [12, С. 12, 15]. Мы не можем с этим согласиться, поскольку таким образом сужается круг лиц –

специальных субъектов, которые могут совершить преступление, предусмотренное ст. 356 УК.

В юридической литературе бытует мнение о необходимости введения в законодательство термина «специальной вменяемости (невменяемости)» за возможную ошибку, которая может быть допущена в случае несоответствия того или иного лица повышенным требованиям для принятия правильного решения в экстремальных ситуациях [5, С. 33-37]. Считаем, что следует согласиться с точкой зрения В.И. Борисова и С.В. Гизимчука, которые предложили эту проблему перенести в другую плоскость и рассматривать ее с точки зрения признака специального субъекта, в частности как наличие ответственности лица за соблюдение требований соответствующих норм и правил [3, С. 124-129]. Но следует учитывать то, что здесь отсутствует признак медицинского критерия. На наш взгляд, такие обстоятельства, как совершение лицом общественно опасного деяния в экстремальных условиях или в случае психических перегрузок, что привело к невозможности осознавать свои действия, могут свидетельствовать об отсутствии уголовно-правового деяния.

В юридической литературе дискутируется вопрос об ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны, как и другие международные преступления, юридических лиц. Как известно, институт уголовной ответственности юридических лиц был закреплен в Уставе Нюрнбергского военного трибунала, что стало основанием признать преступными ряд организаций – юридических лиц нацистской Германии (СС, СД и т.д.). В настоящее время институт уголовной ответственности юридических лиц закреплен в уголовных кодексах некоторых зарубежных стран. Как известно, вопрос уголовной ответственности юридических лиц поднимался при обсуждении проектов нового Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако эта идея не нашла поддержки и своего законодательного определения.

Исторический опыт свидетельствует, что с каждым новым вооруженным конфликтом растет число военных преступлений, которые носят государственно-организационный характер. Особенно это характерно для военных конфликтов с применением оружия массового поражения. Здесь принципиальным является то, что его разработка, производство и применение осуществляется непосредственно государственным аппаратом. С другой стороны, хотя оно и обладает исключительной силой поражения, которая равнозначна усилиям целых воинских соединений, применяющих обычные виды вооружения, принятие решений по применению оружия массового поражения сосредотачивается в руках ограниченного круга государственных и военных деятелей, которые и могут быть субъектами военного преступления. Эти деятели выступают как организаторы такого преступления. Например, в случае ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, признанного в 1963 году окружным судом Токио нарушением законов и обычаев войны (дело Симоды), его организаторами были Президент США и высшие американские военачальники [2, С. 196].

Опыт современных вооруженных конфликтов свидетельствует о том, что субъектами ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны могут выступать как соответствующие государства, международные организации, так и военные (военно-политические) союзы государств. В приговоре Нюрнбергского трибунала в ответ на попытку защиты главных военных преступников использовать доктрину государственного акта (которая исключает ответственность за международное преступление физических лиц) указано, что международное право возлагает обязанность на отдельных лиц так же, как и на государства.

В литературе нет единого подхода к тому, может ли государство выступать субъектом преступления. Одни авторы считают, что государство может выступать лишь субъектом ответственности (как и физические лица), а субъектом преступления может быть только физическое вменяемое лицо, достигшее определенного возраста к моменту совершения им общественно опасного деяния. Так, Д.Б. Левин, который является противником применения термина «уголовный» к ответственности государств, пишет: «ответственность государства – это коллективная ответственность политических организмов за противоправное поведение своих органов, должностных лиц и даже находящихся под их властью частных лиц. Она не может носить характера личной ответственности, имманентно присущего ответственности уголовной» [10, С. 61]. С точки зрения других авторов государство в случае международных преступлений становится субъектом не только ответственности за совершенные преступления, но и субъектом самих этих преступлений. Однако форма ответственности за это для государства несколько иная, чем для физических лиц.

На наш взгляд, более убедительным является признание субъектом применения запрещенных средств и методов ведения войны должностных лиц соответствующих организаций, в том числе признанных преступными. Государство должно быть только субъектом международно-правовой ответственности, что подтверждается соответствующими международно-правовыми нормами. Ответственность государства за применение запрещенных средств и методов ведения войны может быть как политической, так и материальной. Реализацией политической ответственности может быть ограничение суверенитета государства, временное введение контроля над всей или частью территории, а также над некоторыми отраслями деятельности, как правило, связанными с военной промышленностью. Что касается материальной ответственности, то, согласно ст. 3 IV Гагской конвенции 1907 г., сторона-нарушитель должна возместить нанесенный ущерб. Такую же позицию поддержала комиссия международного права ООН, приняв в 2000 году окончательное решение об отказе использования термина «преступление» в отношении деятельности государств. Вместо исключенной ст. XIX Проекта статей была включена новая глава – «Глава III. Серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права», где говорится о международной ответственности, которая вытекает из

международно-противоправного деяния, что является серьезным нарушением государством обязательств, принятых перед международным сообществом в целом, что имеет важное значение для защиты его основных интересов [11, С. 388].

Выводы. Таким образом, учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Субъект применения запрещенных средств и методов ведения войны может быть как общий, так и специальный. Общий субъект – физическое вменяемое лицо, которому к моменту совершения этого преступления исполнилось 16 лет. За применение запрещенных средств и методов ведения войны в форме отдания приказа о совершении преступных действий, предусмотренных диспозицией ст. 356 УК РФ, ответственность должны нести только должностные лица, имеющие полномочия отдавать такие приказы. В данном случае субъект указанного преступления – специальный, то есть имеет дополнительный признак: должностное лицо, которое имеет полномочия отдавать приказы на совершение деяний, указанных в диспозиции ст. 356 УК РФ.

Применение запрещенных средств и методов ведения войны со стороны должностных лиц требует повышенной ответственности и определения такого деяния как квалифицирующего признака этого преступления.

Считаем целесообразным внести изменения в с. 356 УК РФ, увеличив возраст лица, которое может быть субъектом применения запрещенных средств и методов ведения войны, до 18 лет.

Вопрос о возможности определения субъектами применения запрещенных средств и методов ведения войны, как и других преступлений, юридических лиц не нашел поддержки в законодательстве Российской Федерации. Предлагается признавать субъектами преступлений в определенных случаях соответствующих (виновных) должностных лиц (руководителей) этих юридических лиц.

Список литературы

1. Адельханян Р.А. Военные преступления как преступления против мира и безопасности человечества : Дис... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Ин-т государства и права РАН. – Москва, 2003. – 400 с.
2. Блищенко И.П. Прецеденты в международном праве / И.П. Блищенко. – Москва : Между-нар. отношения, 1977. – 224 с.
3. Борисов В.И. Уголовная ответственность за нарушение правил, норм и стандартов, обеспечивающих безопасность дорожного движения / В.И. Борисов, С.В. Гизимчук. – Харьков : Консум, 2001. – 160 с.
4. Брайнін Я.М. Основні питання загального вчення про склад злочину / Я.М. Брайнін. – Київ : Вид-во Київського держ. ун-ту, 1964. – 188 с.
5. Гринберг М.С. Место преступной небрежности в ряду возмущающих явлений (помех) / М.С. Гринберг // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью.

- Межвузовский тематический сборник. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1978, Вып. 2. – С. 31-39.
6. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета / Э. Давид. – Москва : МККК, 2011 – 1144 с.
 7. Карпец И.И. Современные проблемы уголовного права и криминология / И.И. Карпец. – Москва : Юрид. лит., 1976. – 224 с.
 8. Колосов Ю.М. Ответственность в международном праве / Ю.М. Колосов. – Москва : Юрид. лит., 1975. – 256 с.
 9. Кримінальне право України: Загальна частина: Підручник / За ред. проф. В.В. Сташиса, В.Я. Тація. – 3-е вид., перероб. і допов. – Київ : Юрінком Ін-тер, 2007. – 496 с.
 10. Левин Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве / Д.Б. Левин. – Москва : Междунар. отношения, 1966. – 152 с.
 11. Лукашук И.И. Право международной ответственности / И.И. Лукашук. – Москва : Волтерс Клувер, 2004. – 405 с.
 12. Миронова В.О. Кримінальна відповідальність за порушення законів та звичаїв війни: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Дніпропетровськ, 2008. – 20 с.
 13. Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность / Н.И. Панов. – Харьков : Вищ. шк., 1982. – 161 с.
 14. Савенков А.Н. Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции: специализированный учебный курс / А.Н. Савенков. – Москва : Проспект, 2022. – 208 с.
 15. Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира : монография / А.Н. Савенков. – Москва : Проспект, 2021. – 760 с.
 16. Трайнин А.Н. Вопросы системы общей и особенной частей социалистического уголовного права / А.Н. Трайнин // Советское государство и право. – 1950. – № 10. – С. 26-38.
 17. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И.М. Мацкевича, Н.Г. Кадникова. – Москва : Союз криминалистов и криминологов, Криминологическая библиотека, Российский криминологический взгляд, 2015. – 900 с.

УДК 343.13

Е.А. Панчук, юрисконсульт УГСВО МВД ДНР (г. Донецк)

(e-mail: panchuk_ekaterina@mail.ru)

СОЗДАНИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье раскрывается понятие прокурорского надзора Российской Федерации и становление органов прокуратуры Российской Федерации на территории Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: прокурорский надзор, законность, правовая системность, переходной период.

Panchuk, E.A.

CREATION OF PROSECUTION AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE TERRITORY OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

The article reveals the concept of prosecutorial supervision of the Russian Federation and the formation of the prosecutor's office of the Russian Federation on the territory of the Donetsk People's Republic.

Key words: prosecutor's supervision, legality, legal consistency, transitional period.

Весной 2014 года в результате политического кризиса в Украине была образована Донецкая Народная Республика (ДНР). Новое государственное образование, сразу взяло курс на сближение с Российской Федерацией (РФ). Развитие молодого государства сопровождается перестройкой государственной структуры правоохранительных органов, в том числе и прокуратуры. В ДНР работа прокуратуры была организована в первый же год провозглашения государства, а Закон «О прокуратуре» был принят Народным Советом Республики в августе 2018 года.

Правовая основа прокуратуры Республики была закреплена положениями Конституции ДНР, а специально-отраслевая – выражалась нормами уголовно-процессуального кодекса ДНР и многими межведомственными и ведомственными нормативно правовыми актами, которые определили важнейшую гарантию обеспечения законности – надзор прокуратуры. Прокуратуре была поставлена задача по осуществлению надзора за исполнением законов, но не подзаконных нормативных правовых актов. Становится очевидным, она является важной частью государственно-правового механизма обеспечения законности. Как в России, так и в ДНР, ей отводится очень важная роль – обеспечение единого понимания и применения законов на всей территории государства и всеми субъектами правоприменительной деятельности [9, с. 101-108].

Актуальность исследования. Главное, судьбоносное событие для ДНР произошло 3 октября 2022 года – Республика вошла в состав Российской Федерации. Построение правового государства невозможно себе представить без

деятельности прокуратуры, которая обеспечивает верховенство закона, защиту прав и свобод граждан. Без органа, осуществляющего надзор за исполнением законов, сложно сохранить и территориальную целостность.

Поэтому создание прокуратуры как отдельной ветви власти – явление уникальное. Именно прокуратура призвана уравнивать другие ветви власти. Следует отметить, что со времени своего основания прокурорская деятельность совершенствуется. Развитие ее идет в соответствии с повышением статуса прокуратуры в качестве централизованного органа федерального значения по обеспечению правозащитного контроля, с наделением прокуроров дополнительными полномочиями, необходимыми им для эффективного исполнения возложенных на них задач.

Анализ научных исследований. На этапе формирования органов прокуратуры России на территории Республики актуальны вопросы, связанные с целями, задачами и функциями прокуратуры. В сложных условиях становления реализация этих составляющих органами прокуратуры при осуществлении своей деятельности является важным предметом дискуссии и изучения учеными-правоведами. Теоретической базой исследования проблемы стали работы таких исследователей, как Э.А. Адильшаев, Ю.В. Деришева, М.В. Духовской, К.А. Какашиева, В.В. Копейчиков, Н.А. Нагоева, Н.А. Погорецкий, А.Я. Сухарев, А.А. Хайдаров, и других ученых.

Следует отметить, что большинство представителей современной правовой доктрины отмечают особый статус прокурора. Деятельность прокурора и понятие прокурорского надзора является неоднозначным в современной юридической литературе, каждый ученый трактует его со своей точки зрения с учетом той совокупности социально значимых признаков, при наличии которых прокурорский надзор можно отличать от других видов государственного надзора.

Целью статьи есть определение системности прокурорских функций и их обусловленность объективными потребностями государственного и общественного развития Донецкой Народной Республики.

Изложение основного материала. С 23 по 27 сентября 2022 года в ДНР и ЛНР, а также в Запорожской и Херсонской областях прошли референдумы по вопросу вхождения этих регионов в состав России. Результаты референдумов показали, что большая часть жителей этих территорий одобрила это решение. 30 сентября президент РФ Владимир Путин и главы новых регионов подписали договоры об их присоединении к России.

Государственной Думой Российской Федерации 3 октября 2022 был принят Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики». Этим законом был установлен срок и порядок интеграции ДНР, как нового субъекта Российской Федерации, в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы РФ. Следовательно, согласно закону, граница ДНР с

Днепропетровской и Запорожской областями на юго-западе и западе, а также с Харьковской областью Украины на северо-западе – является Государственной границей Российской Федерации (ч. 2 ст. 3 ФКЗ) [2].

Безусловно, интеграционный процесс ДНР в правовое поле России требует соблюдения определенных условий. Поэтому было принято решение, что законодательство ДНР в части, не противоречащей Конституции РФ, продолжает действовать на территории ДНР до окончания установленного переходного периода (т.е. до 1.01.2026) либо до его отмены. Определено, что на территории ДНР должно применяться законодательство Российской Федерации с особенностями, установленными для переходного периода (ст.4 ФКЗ) [2]. В конституционных законах отражено конкретное содержание всех норм принятия новых территорий, которые нужно уточнить в отраслевом законодательстве ДНР до 1 июня 2023 года, когда в республике будут созданы территориальные подразделения федеральных органов исполнительной власти.

Прокуратура должна занять свое место в системе органов государственной власти. 7 ноября 2022 Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов подписал приказы об образовании в системе прокуратуры России прокуратур Донецкой и Луганской Народных республик, Херсонской и Запорожской областей с целью организации надлежащего прокурорского надзора в образованных субъектах Российской Федерации. Приказ предусматривает формирование аппаратов прокуратур указанных регионов, а также подчиненных им прокуратур городов, районов и приравненных к ним иных территориальных и специализированных прокуратур. Реализацией мероприятий, связанных с образованием органов прокуратур в системе прокуратуры Российской Федерации, занялись специально образованные комиссии. Проведены организационные мероприятия по замещению вакантных должностей руководителей образованных прокуратур. Следовательно, за время переходного периода в Донецкой Народной Республике предусмотрено учредить органы прокуратуры и полностью обеспечить функционирование российской судебной системы.

Правовой статус прокуратуры Донецкой Народной Республики конструктивно установлен в статье 9 Федерального конституционного Закона «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» от 04.10.2022 г. № 5-ФК. В статье закона указывается, что в течение переходного периода Генеральная прокуратура Российской Федерации должна создать на территории Республики органы прокуратуры ДНР в статусе субъекта Российской Федерации. Устройство территориальных органов прокуратуры определяется законодательством Российской Федерации о прокуратуре. Законодательством Российской Федерации определены квалификационные и профессиональные требования к сотрудникам прокуратуры, осуществляющей свои полномочия на территории Донецкой Народной Республики. Определенные критерии должны соблюдаться и при

назначении прокурора Донецкой Народной Республики. Но до завершения процесса формирования органов прокуратуры соответствующие полномочия на территории Донецкой Народной Республики предписывается осуществлять органам прокуратуры ДНР, действовавшим на день принятия республики в Российскую Федерацию и образования в составе Российской Федерации нового субъекта. В случае отсутствия таких органов соответствующие полномочия на территории Донецкой Народной Республики осуществляют органы военной прокуратуры Российской Федерации [2].

В условиях военного конфликта прокуратуре на территории Донецкой Народной Республики определена довольно сложная роль баланса для уравнивания всех ветвей власти на новых территориях. Но следует отметить, что в условиях её интеграции в правовое поле России её развитие идет в соответствии с повышением статуса прокуратуры в качестве централизованного органа федерального значения по обеспечению правозащитного контроля. Прокурорам даны дополнительные полномочия, необходимые для эффективного исполнения возложенных на них задач. Поскольку прокуратура Российской Федерации является органом государственного надзора, то именно ей и поручено решать эту проблему на территории Донецкой Народной Республики.

Прокурорский надзор за исполнением законов в ДНР осуществляют государственные федеральные органы прокуратуры от имени РФ [6]. От прокурорских служащих требуется обеспечить всестороннее развитие законности на территории республики. На наш взгляд, для укрепления правопорядка, охраны прав и законных интересов граждан необходимо усилить борьбу с преступностью, что особенно становится актуальным в условиях военного конфликта. Совершенно очевидно, что, выполняя конституционно закрепленную функцию надзора за точным исполнением законов и своевременно принимая меры к устранению любых нарушений, именно прокуратура сможет организовать правовое обеспечение ДНР.

Согласно закону, прокуратура осуществляет деятельность надзора от имени Российской Федерации. Следовательно, осуществляющий проверку прокурор должен обеспечивать защиту интересов не отдельных органов в субъектах федерации, местном самоуправлении или в другой исполнительной, представительной или судебной власти, а интересы государства. Таким образом, деятельность прокурора, в данном случае, представлена от имени всех вышеуказанных отраслей и структур в совокупности, объединенных общей государственной системой [9]. Значимость прокурорского надзора в современных условиях, а особенно на новых территориях, определяет его содержание. В этом случае важную роль играет наличие самостоятельности надзорной деятельности. Эта особенность государственного надзора выделяет прокуратуру среди прочих типов деятельности других уполномоченных контролирующих органов. Деятельность прокуратуры направлена не только на проверку точности при соблюдении законов и Конституции России, но и

соответствии закону прочих нормативных правовых актов, а также принятии мер по устранению выявленных преступлений [4, С. 64]. Из этого следует – для выполнения поставленных задач правовой статус прокуратуры должен включать в себя максимальный объем полномочий в данном направлении.

Функциональное отношение прокуратура имеет и к предусмотренным Конституцией России ветвям власти. Не входя полностью ни в одну из них, прокурорский надзор уравнивает их и обеспечивает им оптимальное условие для функционирования. Это обстоятельство оправдывает необходимость уравнивания полномочий органов прокуратуры определенными ограничениями со стороны органов власти. Прокуратура и Федеральное собрание РФ представляют собой две самостоятельные системы сдержек и противовесов, которые не только сотрудничают друг с другом, но и владеют нужным комплектом средств, позволяющим сдерживать друг друга от произвола [4]. Следовательно, состояние прокуратуры, анализ ее сегодняшних отношений с органами законодательной ветви власти определяет необходимость прокурорской деятельности на территории Донецкой Народной Республики. Надзор за исполнением законов – главная функция прокуратуры. Эта деятельность определяет содержания взаимодействия прокуратуры с органами законодательной ветви власти, что обеспечивает устойчивость всей законодательной системы. Прокуратура призвана проверять выполнение законов на всей территории государства, а еще – соотношение законам правовых актов. Важнейшей сферой сотрудничества прокуратуры и законодательных органов власти является, конечно же, правотворчество, что особо актуально и для становления правовой системы Донецкой Народной Республики.

Законодательство Российской Федерации динамично развивается, и задача органов государственной власти республики и местного самоуправления – оперативно приводить в соответствие с ними свою правовую базу, своевременно реагировать на все изменения федеральных нормативных правовых актов. Эффективность такой работы во многом зависит от взаимодействия прокуратуры с органами государственной власти республики и местного самоуправления, которое призвано оказывать положительное влияние на выполнение общих задач в сфере нормотворчества. Таким образом, прокуратура уполномочена проводить правовую экспертизу проектов законов и других нормативных актов при законотворческой работе в Донецкой Народной Республике. Эта экспертиза является не только общепринятой формой участия прокуратуры в правотворческой деятельности, но и важнейшим инструментом осуществления надзора за издаваемыми нормативными правовыми актами в республике.

Рассмотрен вопрос взаимоотношений между прокуратурой и органами законодательной (представительной) власти РФ и местного самоуправления. Сделаны выводы:

1) прокуратура не относится к законодательной ветви власти, не является ее специальным контрольным органом или продолжением;

2) прокуратура не принимает законы, а лишь надзирает за их исполнением;

3) кадровые и контрольные полномочия Совета Федерации в отношении прокуратуры следует рассматривать как проявление системы сдержек и противовесов;

4) данная система предполагает наличие у органов власти полномочий, позволяющих поддерживать баланс властей в государстве, удерживать друг друга от произвола.

Для понимания особого статуса прокурора следует обратить внимание на форму взаимодействия прокуратуры и Федерального собрания, а также порядок назначения и освобождения от должности Генерального прокурора РФ. [3]. В соответствии со ст. 12 Федерального закона «О прокуратуре» генеральный прокурор назначается на должность и освобождается от должности Советом Федерации по представлению Президента РФ [9]. В то же время, говорить о зависимом положении прокуратуры нельзя. С одной стороны, прокуратура никак не принадлежит к законодательной ветви власти. А с другой стороны, законом ограничены возможности прокуратуры в осуществлении надзора за деятельностью Правительства Российской Федерации, согласно ст. 110 Конституции Российской Федерации [1]. По сути, все, что может сделать прокуратура, это ждать решения Президента. Таким образом, очевиден тот факт, что правительство уходит из-под влияния прокуратуры. Очевиден явный дисбаланс в сфере взаимного влияния прокуратуры и исполнительной власти, который, впрочем, уравновешивается сильной президентской властью над ними обеими.

Генеральный прокурор Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации обязан также принимать участие в заседаниях Верховного Суда Российской Федерации. Он вправе обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации по вопросу нарушения конституционных прав и свобод граждан законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле [10]. В данном случае определяющими критериями работы прокуратуры являются:

– осуществление полномочий в строгом соответствии с действующими законами;

– реализация полномочий независимо от органов государственной власти;

– гласность деятельности в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства об охране прав и свобод граждан, а также о государственной и иной специально охраняемой законом тайне;

– информирование государственных органов о состоянии законности.

Вызывает сомнение вопрос принадлежности прокуратуры к судебной власти. Прокуратура и суд, в качестве органов государственной власти, объединены в систему органов государства и связаны как общими целями и задачами, возникающими перед государством, так и конкретными целями и

задачами, связанными с их деятельностью в этой сфере. В ст. 35 Федерального Закона «О прокуратуре» указано, что прокурор участвует в рассмотрении дел судами согласно процессуальному законодательству Российской Федерации и другим федеральным законам. Более того, осуществляя функции уголовного преследования в суде, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя. В таком случае, он вправе обратиться в суд с заявлением или вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства. Следует обратить внимание на то, что уголовные дела передаются для рассмотрения в суды при условии, что предъявленное обвинение поддержано прокурором соответствующего территориального органа прокуратуры РФ (ч.16 ст.10 ФКЗ).

В условиях демократизации общества, осуществления судебного контроля законности и обоснованности процессуальных решений следователя, ограничивающих права человека, прокурорский надзор в этой сфере требует повышения эффективности и действенности. В связи с этим возникает вполне обоснованный научный и практический интерес к исследованию всего комплекса проблемы. Следует принять во внимание, что прокуратура является не только органом надзора, но и активным участником в уголовном судопроизводстве. Это еще одно из важных направлений прокурорской деятельности, которое необходимо в процессе интеграции Донецкой Народной Республики в правовое поле Российской Федерации [1]. До создания на территории Донецкой Народной Республики органов прокуратуры, имеющих статус прокуратуры субъекта РФ, уголовные дела в суд направлены быть не могут. Полагаю, что в этой части необходимо соответствующее разъяснение законодателя. Возможно, такие разъяснения будут содержаться в федеральном законе, который определит особенности применения уголовно-процессуального законодательства на территории ДНР в переходной период.

Вывод. Подводя итоги, можно сделать вывод, что вхождение ДНР в состав РФ открывает возможность восстановить кадровый потенциал прокуратуры Республики и принятия многолетнего опыта прокурорских служащих Российской Федерации. Таким образом, прокуратуру Донецкой Народной Республики ожидает полное реформирование. Так, до 2026 будут созданы органы прокуратуры ДНР, имеющие статус прокуратуры субъекта РФ, в которых прокуроры будут назначены в соответствии с законодательством РФ. До этого времени соответствующие полномочия осуществляются действующими органами прокуратуры ДНР (ст. 9 ФКЗ).

Таким образом, в период интеграции новых территорий в правовое поле Российской Федерации, становления их законодательства крайне значимым представляется проведение дальнейших исследований в сфере регламентации правового статуса прокурора в производстве по делам различных правонарушений. Главная же задача созданных органов прокуратур России в ДНР будет надзор за соблюдением уже российского законодательства. При

этом в Республике будет сохраняться переходный период до 1 января 2026 года. А по некоторым вопросам – и до 2028 года.

Известно, что сущность и назначение общего надзора прокуратуры составляет надзор за соблюдением законов в сфере государственного управления. Однако за исполнением законов в данной сфере в разных формах и в разном объеме присматривают и другие отраслевые органы. По нашему мнению, прокурорский надзор – это регламентированные правовыми нормами правоотношения, возникающие между органами прокуратуры и подконтрольными субъектами по поводу проверки точности и неукоснительности выполнения требований законов. В связи с этим встает вполне логичный вопрос о соотношении государственного контроля и прокурорского надзора. Научная и практическая необходимость изучения этого вопроса объясняется существенным изменением в последнее время круга органов, наделенных функциями государственного контроля, появлением новых контролирующих структур, участвующих в работе по обеспечению соблюдения законов. Следовательно, определение места государственных органов и органов прокуратуры по обеспечению законности в системе государственного аппарата Донецкой Народной Республики необходимо для установления взаимоотношений этих органов, исключения дублирования, обеспечения согласованности их действий при осуществлении контрольных и надзорных функций.

Полученные результаты рассмотренной в рамках статьи проблемы могут стать основой для проведения дальнейших исследований общих проблем, связанных с осуществлением прокурорского надзора в Донецкой Народной Республике. Практическое значение полученных результатов заключается в реальной возможности повышения уровня защиты прав и законных интересов граждан республики.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 12.12.1993 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ – (дата обращения 12.03.2023).
2. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428188/ – (дата обращения 12.03.2023).
3. О прокуратуре Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 17.01.1992 № 2202-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ от 17.01.1992 г., № 8, ст. 367.

4. Акимова Я.А. Место и роль органов прокуратуры в системе органов государственной власти / А.Я. Акимова // Молодой ученый. – 2021. – № 12. – С. 75-77.
5. Гапотченко Г.Н. Актуальные вопросы прокурорского надзора за законностью возбуждения уголовного дела по уголовно-процессуальному законодательству Донецкой Народной Республики / Г.Н. Гапотченко // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – 2020. – № 14. – С. 9-18.
6. Змиевская В.И. К вопросу о правовом статусе прокурора в делах об административных правонарушениях в законодательстве Донецкой Народной Республики и Российской Федерации / В.И. Змиевская // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2022. – Т. 4, № 14-1. – С. 159-164.
7. Иванюшко Д.В. Некоторые правовые аспекты взаимоотношений прокуратуры с органами законодательной власти в России // Вестник МИЭП. 2011. – № 3 (4). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-pravovye-aspekty-vzaimootnosheniy-prokuratury-s-organami-zakonodatelnoy-vlasti-v-rossii> – (дата обращения 12.03.2023).
8. Панчук Е.А. Становление прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия в России / Е.А. Панчук // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – вып. 12. – Донецк : ДЮА. – 143 с.
9. Похила Ю.Ю. Прокуратура в системе органов государственной власти Российской Федерации, ее дальнейшее развитие и конституционное закрепление / Ю.Ю. Похила // Крымские юридические чтения. Развитие конституционализма в России: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Симферополь, 10 июня 2020 г. – Симферополь, 2020. – С. 160-164.
10. Прокурорский надзор: учебник / под ред. проф. А.Ю. Винокуров (отв. ред.) и проф. В.П. Рябцев, О.С. Капинус, К.И. Амирбеков. – Москва : Юрайт, – 2020. – 511 с.

УДК 378.014:15

Д.А. Самофалов, аспирант, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: nastyusha.s.0505@mail.ru)

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, СУБЪЕКТЫ, И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В статье рассмотрены различные подходы к пониманию феномена «терроризм» и «террористическая деятельность»: нормативно-правовые и доктринальные, проанализирован генезис террористической деятельности как предпосылка формирования средств борьбы с ним, определены особенности терроризма в Российской Федерации, исследован зарубежный опыт борьбы с терроризмом и выделены направления совершенствования антитеррористической деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, антитеррористическая деятельность, антитеррористическая политика, политика, насилие.

Samofalov, D.A.

ANTI-TERRORIST ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL BASES, SUBJECTS, AND AREAS OF IMPROVEMENT

The article considers various approaches to understanding the phenomenon of «terrorism» and «terrorist activity»: regulatory and doctrinal, analyzes the genesis of terrorist activity as a prerequisite for the formation of means to combat it, identifies the features of terrorism in the Russian Federation, examines foreign experience in combating terrorism and highlights areas for improving anti-terrorist activities in the Russian Federation.

Key words: terrorism, terrorist activity, anti-terrorist activity, anti-terrorist policy, politics, violence.

В XXI веке такое явление как терроризм стало одним из самых негативных феноменов современного общества, наносящим ущерб всему человечеству. Терроризм угрожает безопасности государств и ведет к дестабилизации общественной жизни, приводит значимым потерям, разрушает духовные ценности, разжигает ненависть внутри мирового сообщества. Поэтому его выявление и искоренение – первоочередная задача любого государства. С 1990-х гг., проблема терроризма встала на первое место не только для Российской Федерации, но и для всего мира, приняв глобальный, общемировой характер.

Терроризм представляет собой известную человечеству с давних пор политику достижения своих целей, которая основана на крайней жестокости, насилии, устрашении. Данное явление и сегодня представляет собой реальную угрозу национальной безопасности страны. Экстремизм является политикой применения крайних мер, радикальных взглядов. Экстремисты считают себя превосходящими других по правам и развитию. Их деятельность порождает

ненависть и вражду к конкретно взятой социальной группе. Эти явления схожи. Террорист – это экстремист, перешедший от теоретического осмысления к практическому осуществлению своих замыслов, путем прямого действия, направленных на дестабилизацию существующей обстановки.

Существует множество определений понятия «терроризм», однако общепринятой, четкой и исчерпывающей дефиниции до сих пор не было разработано. Во многом из-за того, что терроризм представляет собой сложное, многомерное явление, посягающее на те или иные охраняемые законом сферы жизнедеятельности людей различными способами, что также затрудняет выработку его отличительных признаков. Помимо правовых, терроризм затрагивает целый ряд других проблем – психологических, исторических, технологических и т. д.

Устрашение с помощью террористических насильственных действий отличает террористические от иных насильственных преступлений. Поэтому в современной науке выработана концепция, что терроризм – это не только уголовно наказуемое деяние, предусмотренное ст. 205 УК РФ, но и целая группа террористических преступлений, где преступник ради достижения своих целей, принятия выгодного для него решения действует путем устрашения (захвата заложников, похищения людей, преступного воздействия на участников уголовного процесса и др.).

Несмотря на широкую распространённость феномена терроризма и его крайне деструктивный характер, Уголовный кодекс Российской Федерации не приводит трактовку данного понятия или понятия деятельности, приравненной к террористической, при этом содержит около 10 составов преступления, в который упоминается «террористическая деятельность», поэтому возникает коллизия – какое действие согласно уголовному кодексу можно считать терроризмом [18].

Рассматривая понятие «терроризм», в первую очередь стоит обратить внимание на определение из национального законодательства, а именно – Федеральный закон РФ № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» как на специальный отраслевой нормативно-правовой акт, который устанавливает основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, а также правовые и организационные основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом. Так, в ст. 3 данного Закона терроризм определен как идеология насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанных с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [12].

Продолжая исследования понятия «терроризм», следует заметить, что «Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019 - 2023 годы» упоминает терроризм наравне с экстремизмом.

Так, в целях повышения эффективности аналитической деятельности предусматривается изучение разного рода практики для целей сокращения сроков экспертных исследований потенциальных экстремистских материалов (п. 3.4 Плана) [10].

Понятие терроризма является объектом многочисленных научных исследований. К примеру, в монографии под редакцией В.С. Овчинского с соавторами терроризм толкуется как способ разрешения общественных, социальных противоречий в результате применения морально-психологического давления, угроз, устрашения, психологического и физического насилия [13].

В.С. Комиссаров определяет терроризм через «применение насилия отдельными лицами или группами людей для целей устрашения населения либо отдельных специальных субъектов, а также для создания в обществе социально-психологической атмосферы страха» [9].

Общим в этих научных взглядах видится такой содержательный момент как применение любого вида насилия для достижения конкретной цели, что и отражено в указанных выше определениях.

Истоки террористических организаций многие исследователи находят уже на самых ранних этапах человеческой истории. Можно встретить весьма категоричное утверждение, согласно которому «в различных своих разновидностях терроризм существует на протяжении всего развития человечества, со времени образования государства» [5].

Так, в частности, историк Иосиф Флавий писал о действиях членов иудейской секты сикариев («кинжалщиков» – от лат. *sica* – кинжал) против римского господства. В I веке нашей эры сикарии совершали нападения на представителей римской администрации и сотрудничавших с ними местных жителей. Также террористическими по форме являлись насильственные действия членов национально-освободительных движений XIX-XX вв., к примеру, участников движения за освобождение Италии от власти австрийской монархии и движения за освобождение Болгарии от власти Османской империи [7, С. 99].

При этом, в частности, Н.А. Чернядьева верно указывает на завышенность политико-правовой оценки подобных действий как террористических по причине того, что «все они были лишены стержневого признака терроризма – не были направлены на реализацию главной террористической цели: воздействие на политическую власть через создание обстановки страха в обществе. Социум был объективно не готов к восприятию террористического информационного посыла» [19, С. 32].

В нашей стране терроризм получил наибольшее распространение в XIX в., когда народническими движениями были совершены многочисленные террористические акты против царских чиновников. Кроме того, было предпринято несколько попыток покушения на жизнь императора Александра II, в результате одной из которых он погиб 1 марта 1881 г. Неонароднические движения были оформлены в 1902 г. в «Партию социалистов-революционеров»,

боевая организация которой проводила акции «революционного террора». При этом в ходе выборов 1907 г. в Государственную Думу партия эсеров получила около 40 мест, а на выборах во Всероссийское учредительное собрание в ноябре 1917 г. – большинство мест.

На современном этапе в Российской Федерации существует достаточно полный набор методов борьбы с терроризмом, при этом реализуемая сегодня политика противодействия терроризму включает в себя два взаимосвязанных направления деятельности государства и общества:

1) Контртеррористическое направление, в рамках которого, прежде всего, речь ведется об экономическом, политическом, социокультурном разрешении конфликта, который стал причиной выработки государством и обществом системы защиты от террора с особым акцентом на агентурное проникновение в террористические организации для последующего недопущения терактов;

2) Антитеррористическое направление, которое основано на формировании системы своевременного агентурно-оперативного выявления, обезвреживания и прекращения деятельности террористов. Центральное место в данном направлении отводится спецслужбам и правоохранительным органам, и институтам координации их деятельности в международном масштабе [14, С. 197].

Сегодня для террористической деятельности в России характерен ряд особенностей:

1. тщательная подготовка и высокий уровень секретности террористических организаций;

2. достаточно высокий уровень вооружения и техники террористов;

3. выбор высокоманевренных средств доставки к объекту теракта, защищённых от воздействия сил правопорядка, и оперативная передислокация из этой зоны;

4. гибкость и оригинальность тактики действий террористов на всём протяжении преступного деяния;

5. ведение наблюдения и контрнаблюдения;

6. присутствие в террористических группах и вооружённых формированиях ранее судимых лиц, пользующихся авторитетом в криминальной среде, и лиц, знакомых с приёмами и методами оперативно-розыскных мероприятий (бывшие сотрудники силовых структур) [15, 11].

Нормативно-правовой основой антитеррористической деятельности в Российской Федерации выступает широкий ряд нормативно-правовых актов, включающих Конституцию Российской Федерации, как фундаментальный нормативно-правовой акт, регламентирующий все сферы жизнедеятельности общества. Кроме того, основы современной общегосударственной системы противодействия терроризму заложены Федеральным законом от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ «О противодействии терроризму» и Указом Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. №116 «О мерах по противодействию терроризму».

Организационная основа противодействия терроризму представлена в настоящее время в виде двух взаимоувязанных вертикалей, осуществляющих управление антитеррористическими мероприятиями в РФ. Первую из них составляют структуры, координирующие работу органов исполнительной власти по профилактике терроризма, а также минимизации и ликвидации его проявлений: Национальный антитеррористический комитет (НАК), Антитеррористические комиссии на уровне субъектов РФ и муниципальных образований. Вторую вертикаль – структуры, осуществляющие управление мероприятиями по борьбе с терроризмом: Федеральный оперативный штаб, оперативные штабы в регионах и оперативные группы на муниципальном уровне.

Существенный вклад в рассматриваемый процесс вносила и продолжает вносить Прокуратура РФ, которая, наряду с другими правоохранительными органами государства, находится фактически на переднем крае борьбы с рассматриваемым явлением. Учитывая специфику своей деятельности, в целях создания эффективной системы прокурорского надзора в сфере соблюдения законодательства в области борьбы с терроризмом, Прокуратура РФ, в рамках принятой концепции, конкретизировала свою деятельность, определив ее основные цели, задачи и функции, путем подготовки соответствующих ведомственных приказов [16].

Следует отметить, что, учитывая эволюцию терроризма в мировом масштабе и, как следствие, в России, Прокуратура РФ старалась адекватно реагировать на его изменения, совершенствуя систему прокурорского надзора в сфере исполнения законодательства о противодействии терроризму. Соответствующие изменения были внесены в приказы в 2016 и в 2018 гг. [15].

Предпринятые меры положительно сказались на организации деятельности правоохранительных, а также других органов и структур государства в сфере противодействия терроризму, результатом которых стало недопущение совершения резонансных террористических актов. Например, как сообщил директор Федеральной службы безопасности, председатель Национального антитеррористического комитета А.В. Бортников, в России за последние десять лет предотвращено 200 терактов. При этом в 2020 г. удалось предотвратить 96 % преступлений подобного характера, тогда как в 2018 г. – 80 %, а в 2010 г. – всего 10 % [4].

Однако, анализ статистических данных в рассматриваемой области свидетельствует, что в полной мере ликвидировать такое явление как терроризм в нашей стране еще не удалось и периодически находятся желающие предпринять попытки, направленные на дестабилизацию обстановки в стране путем совершения террористических актов.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, количество преступлений террористического характера растет и остается на достаточно высоком уровне. Так, за период с 2010 г. по настоящее время их количество возросло. И если в 2010 г. было зарегистрировано 581 преступление рассматриваемой категории, то

в 2016 г. – 2227, а в 2020 г. уже 2342. Ежегодно растет и количество лиц, выявленных за совершение преступлений террористического характера. В период с 2015 г., ежегодно их количество превышало цифру в 500 человек. Так, например, в 2016 г. таких лиц было выявлено 609, в 2017 г. наибольшее количество – 873, а в 2020 г. – 786 [3].

Таким образом, сохраняется негативная динамика роста преступлений террористической направленности и лиц, их совершающих.

Несмотря на то, что в России сформулированы основные меры по борьбе с терроризмом, такие как: превентивные меры, направленные на предотвращение террористической деятельности, и определение условий, способствующих осуществлению и дальнейшему пресечению террористической деятельности, выявление общественных и религиозных групп, других организаций и отдельных лиц, занимающихся террористической деятельностью, с тем, чтобы они могли нести предусмотренную юридическую ответственность; совершенствование законодательства и практики в области противодействия террористической деятельности [1]. В данном контексте от научного сообщества требуется разработка теоретических основ принятия действенных мер по совершенствованию законодательства в сфере антитеррористической деятельности в России. Здесь полезным будет обратить внимание на зарубежный и международный опыт борьбы с терроризмом.

Анализ показал, что основой антитеррористической деятельности во многих государствах являются уголовно-правовые средства.

К примеру, в Китае, в котором нормотворческая деятельность основана на коммунистической идеологии, наблюдается характерное такому государственному строю отношение к преступлениям экстремистской направленности, которые включают пропаганду национальной дискриминации и публикацию в печатном издании антиэкстремистских материалов. Объектами данных преступлений являются общественная безопасность, конституционный строй и интересы личности, а также экономическая безопасность страны. К положительным сторонам уголовного законодательства Китая следует отнести рассмотрение экономической безопасности как возможного объекта экстремистских посягательств наряду с общественной безопасностью и конституционным строем, недостатком же – отсутствие национального и религиозного критериев [17, С. 96].

Рассматривая опыт стран Евросоюза, необходимо заметить, что к особенностям французского законодательства в части противодействия экстремизму следует отметить следующее: субъектами преступлений могут быть как физические, так и юридические лица; в качестве наказания за совершение преступлений экстремисткой направленности предусматриваются не только классические виды наказаний, но и штраф, временное лишение политических, гражданских и семейных прав; была предпринята попытка выработать дополнительные нормативные правовые акты, основанные на

религиозной мотивации по профилактике преступлений экстремисткой деятельности [20, С. 24].

В Великобритании экстремистские преступления подразделяются на две большие группы: Violent Extremism (насильственный экстремизм) и Domestic Extremism (внутренний экстремизм). Для противодействия внутреннему экстремизму в Великобритании создан специальный орган – «Национальный координационный полицейский орган по борьбе с внутренним экстремизмом» (NCDE), и он подразделяет пять категорий экстремистов: борцы за права животных; ультраправые; ультралевые; участники экологического движения; представители новых направлений внутреннего экстремизма [21].

В ФРГ создаются национальные аналитические структуры, такие как начавший работу 14 декабря 2004 г. Объединенный антитеррористический центр. Вместе с тем, национальные структуры стран Европейского Союза активно сотрудничают в рамках двусторонних или объединяющих большее количество стран проектов. Эти и многие другие меры по развитию антитеррористических ведомств в ЕС свидетельствуют о переходе политики европейской безопасности на новый, действительно общеевропейский путь развития.

Однако, несмотря на успехи, которые делало правительство Евросоюза в борьбе с терроризмом, оно упустило из виду ряд немаловажных факторов, которые способствовали распространению идеологии терроризма в странах союза. А именно – внутренняя политика стран не была направлена на профилактику терроризма в различных слоях общества. Во многих странах все также оставался высоким уровень безработицы, создавались районы гетто для лиц, мигрировавших в страны Европы в поисках лучшей жизни, которые всегда расценивались только как дешевая трудовая сила. На протяжении всей истории в районах гетто всегда оседала основная масса преступников, революционеров и сепаратистов и органы власти с правоохранителями всегда относились к жителям таких районов с пренебрежением. Политика стран не была направлена на улучшение жизни таких районов, из-за чего их жители всегда выражали свое недовольство правительством, используя крайние меры, такие как несанкционированные митинги или погромы в других частях города. Например, во Франции и в Англии самый высокий уровень преступности и наличия различных бандформирований, причем такая ситуация наблюдается далеко не первый год и никаких значительных улучшений не ожидается.

Российская Федерация твердо убеждена в том, что противодействовать глобальной террористической угрозе необходимо сообща, на основе подлинно коллективного подхода при центральной координирующей роли Организации Объединенных Наций и соблюдении норм международного права при отказе от двойных стандартов. Принципиально Россия исходит из того, что действительно эффективная стратегия, направленная на решительное и окончательное устранение угрозы, исходящей от крупных террористических группировок во главе с ИГИЛ, должна опираться на международную коалицию, которая будет

действовать на вполне легитимной основе, предусмотренной решениями ООН, и твердо приверженной международному праву. На наш взгляд, шаг в этом направлении может быть сделан за счет нынешних усилий по обеспечению надлежащей и эффективной координации действий государств, борющихся с ИГИЛ, в пределах их возможностей и с согласия государств, на территории которых ведется эта борьба [2].

В условиях сложившейся конъюнктуры, в рамках антитеррористической деятельности, в частности в вопросах совершенствования нормативно правовой базы, ее регламентирующей в Российской Федерации, хотелось бы предложить следующие меры.

Во-первых, укрепление сотрудничества и обмен опытом между компетентными органами и агентствами Совета безопасности государств-членов СНГ, в частности, в целях разработки новых методов и технологий борьбы с терроризмом. Параллельно в этом направлении развивать сотрудничество с другими странами [6, С. 283].

Во-вторых, активизация работы антитеррористических агентств СНГ, Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества.

В-третьих, укрепление сотрудничества в области международной информационной безопасности и развитие двусторонних и многосторонних сотрудничеств между государствами-членами СНГ в этой области.

В-четвертых, предлагается дополнить статью 8 Устава Организации Договора о коллективной безопасности следующим дополнением: для совместной борьбы с международным терроризмом государства-члены имеют право использовать вооруженные силы членов организации на договорной основе, когда вооруженные силы государств-членов организации действуют при необходимости совместно.

Кроме того, в условиях борьбы с терроризмом следует признать, что закон не всегда может оградить людей, общество и государство от актов терроризма. Поэтому упор в контртеррористической деятельности должен быть сделан на превентивные меры борьбы с терроризмом: проведение различных профилактических мероприятий, обмен информацией с другими государствами и т.д.

В заключение хотелось бы остановиться на возможных мерах превентивного характера. Так, для противодействия проявлениям терроризма на внутригосударственном уровне можно обозначить следующие меры:

1) осуществлять мониторинг применения нормативно-правовых актов в сфере борьбы с терроризмом;

2) осуществлять анализ зарубежной нормативной правовой базы, с последующим использованием положительного опыта;

3) совершенствовать имеющееся законодательство с учетом изменения видов и форм угроз национальной безопасности;

4) активно вовлекать общественность в работу по профилактике терроризма и его различных проявлений;

5) осуществлять работу по созданию в обществе атмосферы неприятия терроризма;

6) осуществлять межгосударственное сотрудничество по обмену имеющейся информацией о готовящихся террористических актах и деятельности террористических организаций, оказывать различную правовую помощь и др. [8, С. 62].

Список использованных источников

1. Бортников заявил о сохранении угрозы терактов в России. – URL: <https://tj.sputniknews.ru/russia/20191016/1030050232/russia-godpredotvratili-terakty.html> – (дата обращения: 11.03.2023).
2. Борьба с международным терроризмом и экстремизмом, другими новыми вызовами и угрозами. – URL: https://norway.mid.ru/en/fight_against_international_terrorism_and_extremism_others_new_challenges_and_threats/ – (дата обращения: 03.03.2023).
3. Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. – URL: http://crimestat.ru/offenses_chart – (дата обращения: 13.03.2023).
4. Глава ФСБ заявил о предотвращении 200 терактов в РФ за 10 лет. – URL: <https://iz.ru/1135074/-2021-03-10/glava-fsb-zaiavil-o-predotvrashchenii-200-teraktov-v-rf-za-10-let> – (дата обращения: 12.03.2023).
5. Горбунов Ю.С. Об определении понятий «террор» и «терроризм» / Ю.С. Горбунов // Журнал российского права. – 2010. – № 2. – С. 31-40.
6. Жуков А.З. Информационная безопасность как элемент национальной безопасности Российской Федерации / А.З. Жуков, Ч.Х. Ингушев, А.А. Битов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – Т. 17. – № 1. – С. 278-283.
7. Иосиф Флавий. Иудейская война / Й.Флавий. – Минск : Современ. литератор, 1999. – 703 с.
8. Каримов Р.Р. Противодействие терроризму как угрозе национальной безопасности государств / Р.Р. Каримов // Роль юридической общественности в решении проблем обеспечения национальной безопасности : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Сибай : Издательство ГУП РБ «СГТ», 2011. – С. 60-62.
9. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ / В.С. Комиссаров. – Москва, 1997. – 856 с.
10. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019-2023 годы. – URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html> – (дата обращения: 15.03.2023).

11. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) // Российская газета, 2009, 20 окт.
12. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 02.11.2013). – Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст.1146.
13. Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. - Моква, 1996. – 845 с.
14. Панасенко, В.Н. Оценка опыта противодействия экстремизму и терроризму в Китайской Народной Республике / В.Н. Панасенко // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 4 (56). – С. 191-197.
15. Приказ Генпрокуратуры России от 17 мая 2018 г. № 295 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму» // Законность. – 2018. – № 7. – С. 85-101.
16. Приказ Генпрокуратуры РФ от 22 октября 2009 г. № 339 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии терроризму» (утратил силу в связи с изданием Приказа Генпрокуратуры РФ от 17 мая 2018 г. № 295) // СПС «КонсультантПлюс».
17. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. и с предисл. проф. А.И. Коробеева, пер. с кит. проф. Хуан Даосю. СПб.: Юридический центр. – 2014. – 414 с.
18. Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022). – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> – 09.03.2022 – (дата обращения: 13.03.2023).
19. Чернядьева Н.А. Был ли терроризм в Древнем мире? К вопросу о предпосылках и факторах становления современного терроризма / Н.А. Чернядьева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 2. – С. 32-39.
20. Юдичева С.А. Зарубежный опыт правового регулирования борьбы с экстремизмом / С.А. Юдичева // Вестник МГОУ. – 2009. – № 2. – С. 209-214.
21. Terrorism Act 20th July 2000 (UK Public General). – URL: <http://www.opsi.gov.uk> – (дата обращения: 13.01.2022).

УДК 343.61

А.И. Тесля, соискатель, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: okorokova91@list.ru)

ОТЛИЧИЕ УБИЙСТВА ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ ОТ УБИЙСТВА БЕЗ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ И ПРИ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

В статье проведено отграничение убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, от убийства, совершенного в драке, двух и более лиц, при других отягчающих обстоятельствах и при их отсутствии. Рассмотрены подходы к пониманию убийства при превышении пределов необходимой обороны, выявлены проблемные аспекты теории и юридической практики о применении ч.1 ст.108 УК Российской Федерации, определены критерии правильной юридической оценки убийств, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны.

Ключевые слова: убийство, драка, необходимая оборона, превышение пределов, квалификация.

Teslia, A.I.

THE DIFFERENCE OF MURDER WHEN EXCEEDING THE LIMITS OF NECESSARY DEFENSE FROM MURDER WITHOUT AGGRESSIVE CIRCUMSTANCES AND WITH AGGRAVATING CIRCUMSTANCES

The article distinguishes between murder committed in excess of the limits of necessary defense and murder committed in a fight, two or more persons, under other aggravating circumstances and in their absence. Approaches to understanding murder in excess of the limits of necessary defense are considered, problematic aspects of the theory and legal practice on the application of Part 1 of Article 108 of the Criminal Code of the Russian Federation are revealed, criteria for the correct legal assessment of murders committed when the limits of necessary defense are exceeded.

Key words: murder, fight, necessary defense, exceeding of limits, qualification.

Актуальность темы исследования. В науке уголовного права, среди прочего, значительное внимание уделялось вопросам уголовной характеристики и квалификации убийства при превышения пределов необходимой обороны. Отдельные аспекты этих проблем обсуждались ведущими советскими, современными российскими учеными и практиками в научных комментариях к Уголовному кодексу, пособиях и монографиях по уголовному судопроизводству Российской Федерации. Эти работы содержат научное обоснование и практические полезные выводы, хотя есть ряд аспектов, которые остаются проблематичными. Несмотря на положительную роль этих исследований, некоторые вопросы по данной теме не анализировались. Отдельно высказанные мнения нуждаются в дальнейшем анализе. Это также включает в себя вопрос об отграничении убийства, когда оно совершается с превышением пределов необходимой обороны, от убийства без отягчающих обстоятельств и при отягчающих обстоятельствах.

Анализ научных исследований. Данной проблеме посвятили свои работы В.Г. Беляев, Н.М. Свидлов – «Вопросы квалификации убийств», Н.Г. Вольдимарова – «Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны», Э.В. Кабурнеев – «Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны», Т.В. Кондрашова – «Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности», И.В. Макеева – «Проблемы квалификации убийств и иных преступных деяний, совершенных при превышении пределов необходимой обороны», А.В. Неврев – «Проблемы реализации гражданами своего права на необходимую оборону», А.Н. Попов – «Возможна ли необходимая оборона в драке?», М.Д. Шаргородский – «Преступления против жизни и здоровья» и другие.

Цель настоящей статьи – выявление, научное исследование и анализ проблем, связанных с квалификацией убийств, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, их отличие от других видов убийств.

Изложение основного материала. Убийство при превышении пределов необходимой обороны является преступлением против жизни, потому что его объектом является жизнь нападавшего. «Преступлениями против жизни являются действия, которые непосредственно направлены на жизнь лица, основанием для уголовной ответственности за которые является лишение жизни или склонение к самоубийству другого лица» [2, С.10].

В ч. 1 ст. 105 УК Российской Федерации законодательно закреплено определение убийства как умышленного причинения смерти другому человеку. Помимо части первой статьи 105 УК РФ, являющейся общей нормой, законодателем определены четыре специальные нормы – убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ) и убийство при смягчающих обстоятельствах (ст. 106-108 УК РФ), всего пять специальных преступлений.

В случае конкуренции между общими и специальными нормами необходимо использовать общее правило квалификации преступления, которое не существует в законе, но выражено в уголовной теории и фундаментально реализуется в судебной практике. «Смысл его состоит в том, что при конкуренции общей и специальной нормы должна применяться специальная норма» [5, С. 251].

Состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 108 УК РФ, представляет собой совокупность признаков убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и признаков превышения пределов необходимой обороны (ч. 2 ст. 37 УК РФ), которые рассматриваются в общей части уголовного закона.

Сегодня в литературе общепризнанным является суждение, что человек, подвергшийся общественно опасному посягательству, имеет право активно защищаться от него [1, С. 92-94].

К сожалению, нередки случаи, когда правомерность активной обороны от нападения ставится под сомнение, если при посягательстве лицо имеет возможность бежать, обращаться за помощью в полицию, гражданам или

воспользоваться другими средствами защиты, не носящими характера активного сопротивления посягательству.

Квалификация убийства при превышении пределов необходимой обороны затруднительна по причине того, что в законе ясно не определены пределы необходимой обороны и признаки превышения последней.

Согласно части первой ст. 108 УК РФ, квалификация убийства, как совершенного с превышением пределов необходимой обороны, возможна исключительно тогда, когда убийство совершено в состоянии необходимой обороны, но преступник явно превысил ее пределы. Вина субъекта, совершившего убийство при превышении пределов необходимой обороны, заключается в том, что причинение нападавшему такого ущерба не было необходимым в конкретных условиях. Преступник в данном случае имел возможность защитить свои права (или иное лицо) без причинения смерти. Поскольку это сделано для защиты законных интересов потерпевшего от нападения, то убийство в состоянии необходимой обороны, выходящем за ее пределы, признается законом совершенным при смягчающих наказание обстоятельствах.

Следует сразу отметить, что, говоря об убийстве при превышении пределов необходимой обороны, речь вести можно только об умышленно совершенном деянии, так как превышение пределов необходимой обороны возможно только с умышленной формой вины.

Также важно отметить, что убийство, выходящее за требуемые границы обороны, возможно только при условии, что применяемое насилие не опасно для жизни.

Кроме того, убийство может быть совершено в результате конфликта, спровоцированного обидчиком с жертвой. В данном случае нет оснований квалифицировать действия виновного по ч. 1 ст. 108 УК РФ.

Случай о том, применяются ли требования необходимой обороны к фактам смерти в драке и ссоре, один из менее рассматриваемых в доктрине уголовного права.

Тем не менее, теоретическое исследование особенностей применения законодательства о необходимой обороне в драках и ссорах имеет практическое значение. От правильного решения данной проблемы зависит результативность борьбы с убийствами, которые произошли в драке и ссоре.

С целью удачного проведения данной борьбы чрезвычайно важно определить и наказать тех, кто совершил это преступное деяние в драке (борьбе) и защитить от уголовного преследования граждан, чьи действия формально похожи на участие в драке, однако на самом деле создают необходимую оборону и будут общественно полезными. Для верной юридической оценки деяний участников драки необходимо точно разграничивать причинение смерти в бою (ссоре), не связанное с прекращением общественно опасного посягательства, от превышения пределов необходимой обороны, совершенного лицом,

участвовавшим в драке, в связи с тем, что он защищался от нападения или пытался предотвратить или прекратить драку (конфликт).

Надобность такого разграничительного метода оценки деяний участников драки (конфликта) часто не учитывается органами следствия и судом.

Отдельные практики считают, что определение факта смерти в драке является более чем достаточным доказательством виновности человека в преступном деянии. Потому нередки случаи, когда в ходе следствия и судебного разбирательства дела не даются объяснения характеру участия в драке и мотивам вступления в нее, однако виновный ссылается на то, что он вмешался в драку, чтобы остановить ее, помочь другому человеку, на которого осуществлялось преступное нападение.

Можно встретить высказывание, что правила необходимой обороны вообще не распространяются на факты смерти во время драки (борьбы). В связи с этим сторонники такого мнения считают, что наличие факта лишения жизни другого человека в драке исключает возможность признания этого деяния необходимой обороной или превышением ее пределов, особенно если это лицо было инициатором ссоры или драки. Борьба (драка), по их мнению, предусматривает взаимный обмен ударами как средство разрешения конфликта, возникшего между ее участниками, а вступление в нее осуществляется по взаимному согласию.

Действия обороняющегося в «обоюдной» борьбе, приведшей к гибели нападавшего, считаются убийством, не связанным с защитой, а сообщения виновного о самообороне трактуются как признание вины в данном преступлении.

Более категоричен в этом вопросе А.Н. Попов, который указывает: «... необходимая оборона в борьбе невозможна без исключения из правила. Возможно только одно из двух состояний: либо драка, либо необходимая оборона, третье – нет» [7, С. 26].

При такой оценке действий участников драки у граждан может сложиться впечатление, что всякое участие в драке или аналогичном действии влечет за собой уголовную ответственность и ни в коем случае нельзя считать данные случаи необходимой обороной или превышением ее пределов.

Это может повлечь то, что люди, подвергшиеся преступному нападению, из-за боязни быть виновными в драке будут бояться дать отпор нападавшему. По тем же причинам очевидцы борьбы предпочтут не разнимать дерущихся и покинуть место столкновения. В результате подобного бездействия преступнику предоставляется возможность совершить преступление, и его не смогут остановить очевидцы.

Другие авторы считают, что, как правило, необходимая оборона в драке невозможна, но из этого правила есть исключения. К примеру, Т.В. Кондрашова говорит о возможности необходимой обороны в драке при условии усиления

позиции одной из сторон (применение оружия) или прекращения драки одними и продолжения нанесения ударов другими [4, С. 169-170].

Разделяем суждение авторов, утверждающих, что в процессе взаимной драки (потасовки) необходимая оборона возможна при определенных условиях: наличие оружия у стороны, численное преимущество, активная позиция в драке [6, С. 31].

В следственной и судебной практике имеют место факты, когда участием в драке признается причинение вреда при отражении преступного нападения лицом, которое действовало правомерно и никаких противозаконных деяний не совершало.

Причиной гибели в драке могут быть различные мотивы: месть, ревность, мотивы хулиганства и т.д. В зависимости от характера общественно опасного посягательства и указанных мотивов квалифицируются действия виновных лиц.

Не исключено следующее положение вещей: первый участник драки будет наказан за убийство из мести, второй – за хулиганство, третий – за преступление, выходящее за границы необходимой обороны и т.п., а некоторые люди, «участвующие» в потасовке, не признаются ее участниками и освобождаются от уголовной ответственности, так как в наличии признаки необходимой обороны.

Драка не должна толковаться как избиение или нанесение телесных повреждений двумя или более лицами друг другу. Это не драка, когда один человек (или одна группа лиц) совершает преступное нападение на другое лицо (или группу лиц), которые вынуждены защищаться от этого нападения и в рамках необходимой (законной) обороны причиняют смерть любому нападавшему.

Чтобы правильно оценить действия человека, законно защитившего себя от преступника, эти действия не следует называть участием в драке.

Изучение материалов следственной и судебно-медицинской практики показало, что смешение понятия драки с защитой может привести к неверной оценке действий лиц, причинивших смерть, для защиты себя от общественно опасного посягательства.

Некоторые прокурорско-следственные работники, не понимая разницы между участием в драке и защитой от нападения, или не желая утруждать себя решением вопроса о том, находился ли человек, причинивший смерть, в законном состоянии обороны, отмечают в процессуальных документах, что он участвовал во «взаимной драке» (а драка может быть односторонней?!). Смешиваются два различных определения: драка как обоюдное избиение и избиение как причинение побоев одного человека другому. В результате подсудимый необоснованно признается виновным в убийстве, не связанном с защитой, что подразумевает незаконное преследование лица, законно защитившего себя от побоев.

Также нельзя согласиться с утверждением, что убийство обычно квалифицируется без отягчающих обстоятельств, при условии, что оно есть

результатом взаимной драки. Квалификация преступления зависит не от того, совершил ли человек преступление, а от намерений исполнителя, характера мотивов, побудивших его к совершению преступления. Кроме того, нужно учитывать характеристики лица, причинившего ущерб, и пострадавшего. Лишь по всей совокупности конкретных обстоятельств, при которых лицо вступило в драку или совершило действия внешне аналогичные ей, можно отличить законные действия от преступных, убийство при превышении пределов необходимой обороны от других убийств [8, С. 671-675].

Возможно применение правил самообороны, когда два человека (или две группы лиц) нападают друг на друга и между ними происходит ссора, то есть с самого начала те, кто дерется как нападающие по отношению к противоположной стороне.

Тот факт, что данное лицо применило какое-либо оружие или иной предмет, не может свидетельствовать о противоправности действий какого-либо участника драки, так как необходимая оборона допускается и при применении оружия.

Кроме того, недопустимо признать корректным отказ в праве на защиту, необходимую пьяным лицам во время драки. Положение о том, что совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения не освобождает от уголовной ответственности, вовсе не означает неспособности пьяного человека подвергнуться общественно опасному посягательству и не обладать правом на активную защиту от него.

Пьяный вид не допускает совершения общественно опасных действий, но это вовсе не является препятствием для совершения общественно полезных действий.

Убийство, совершенное с превышением необходимых пределов обороны, также квалифицируется по ч. 1 ст. 108 УК РФ и в случаях, когда оно имеет отягчающие обстоятельства, предусмотренные частью второй статьи 105 УК РФ (соответственно убийство: двух и более лиц; женщины в состоянии беременности; малолетнего ребенка).

Однако некоторые ученые и практики считают, что убийство, выходящее за рамки необходимой обороны, совершенное при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ, должно квалифицироваться по ч. 2 ст. 105 УК РФ, а не по ч. 1 ст. 108 УК РФ.

Тевлин Р.И. придерживается позиции, что в правовой оценке убийства, совершенного одновременно с отягчающими и смягчающими обстоятельствами, предусмотренными соответствующими статьями Особенной части УК, необходимо квалифицировать преступления не по смягчающим, а по отягчающим обстоятельствам.

Согласиться на такое решение вопроса невозможно. Необходимость жесткой борьбы с убийством при отягчающих обстоятельствах не означает, что она должна включать убийства, предусмотренные ст. 106 - 108 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Расположение ст. 105 УК РФ прежде всего в части УК, предусматривающей ответственность за преступления против жизни человека, не означает, что законодатель придает решающее значение отягчающим обстоятельствам, указанным в пункте 2 настоящей статьи, по сравнению со смягчающими обстоятельствами, предусмотренными статьями 106 – 108 УК РФ.

Такое расположение статей объясняется тем, что убийство при отягчающих обстоятельствах является особо тяжким преступлением.

Отсутствие каких-либо оговорок в Законе об отягчающих обстоятельствах, перечисленных в ч. 2 ст. 105 УК РФ, не означает, что при наличии указанных обстоятельств убийство при превышении пределов необходимой обороны должно квалифицироваться как убийство при отягчающих обстоятельствах. В случае, если бы законодатель счел такую квалификацию правильной, он бы сделал соответствующую оговорку в статьях 106-108 УК РФ, отметив, что убийство, совершенное при смягчающих обстоятельствах в виде ответственности, предусмотренной статьями 106-108 УК РФ, будет только при отсутствии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Этот вывод подтверждается и правилами, установленными для случаев конкуренции общих и специальных правил. При конкуренции общих и специальных норм должна применяться специальная.

Если, с другой стороны, от общей нормы выделяются две отдельные специальные нормы, одна из которых учитывает смягчающие обстоятельства, а другая – отягчающие обстоятельства, то возникает конкуренция между двумя специальными нормами. В таких случаях применяется специальное правило, предусматривающее смягчение ответственности при наличии определенных законом обстоятельств. Например, вторая часть статьи 105 УК РФ и часть первая статьи 108 УК РФ являются специальными нормами к части первой статьи 105 УК РФ. Особое значение законодатель придал вопросу превышения пределов необходимой обороны, как обстоятельству, смягчающему наказание за убийство, при этом выделил соответствующие случаи убийства в особый состав, тем самым подчеркнув, что они не могут быть квалифицированы ни по общей норме (ч. 1 ст. 105 УК РФ), ни, тем более, по статье об убийстве при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Попадают практические случаи, когда имеют место ошибки следственных органов, которым не была дана должная правовая оценка (обстоятельство защиты лица от общественно опасного (как правило, уголовного посягательства), и они впоследствии не исправлялись судами, что приводило к неверной квалификации действий, которые осуществлялись в состоянии обороны.

Искусственное завышение квалификации деяния, особенно в случае необходимой обороны или превышения ее пределов, должно получить строгую отрицательную оценку, так как такие действия правоохранительных органов грубо нарушают законность при отправлении правосудия [3, с.80-83]. Когда

лицо, которое на законных основаниях действует в состоянии необходимой обороны, все-таки привлекается к уголовной ответственности, это по сути чрезвычайное происшествие [5, С. 5].

Выводы. Таким образом, в отличие от убийства, совершенного в состоянии необходимой обороны, являющегося обстоятельством, исключающим преступность и наказуемость деяния, те же действия, совершенные при превышении пределов необходимой обороны, являются преступлениями.

Если виновный провоцирует конфликт с потерпевшим и совершает на этой почве убийство последнего, то действия виновного не могут квалифицироваться по ст. 108 ч.1 УК РФ.

Возможна необходимая оборона при драке. Отличительным критерием убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, и убийства, совершенного в драке (потасовке), является целевая направленность действий человека.

Убийство при превышении пределов необходимой обороны квалифицируется по ст. 108 ч.1 УК РФ и в случаях, когда имеются отягчающие обстоятельства, предусмотренные ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Список литературы

1. Алексеева И.С. Особенности уголовно-правовой оценки убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны / И.С. Алексеева // Вестник Российского университета кооперации. – 2018. – № 2 (32). – С. 92-94.
2. Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву/ Н.И. Загородников. – Москва, Юридическая литература, 2010. – 278 с.
3. Джаббарова Э.Ф. Проблемные аспекты квалификации убийства при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ) / Э.Ф. Джаббарова // Молодой ученый. – 2022. – № 40 (435). – С. 80-83.
4. Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности / Т.В. Кондрашова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2000. – 348 с.
5. Неврев А.В. Проблемы реализации гражданами своего права на необходимую оборону/ А.В. Неврев // Адвокатская практика. – 2001. – № 1. – С. 4-5.
6. Орешкина Т.Ю. Спорные вопросы института необходимой обороны / Т.Ю. Орешкина // Уголовное право. – 1998. – № 3. – С. 29-33.
7. Попов А.Н. Возможна ли необходимая оборона в драке? / А.Н. Попов // Закон и право. – 2002. – № 5. – С. 25-26.
8. Тропин Д.Н. О некоторых вопросах применения необходимой обороны / Д.Н. Тропин // Молодой ученый. – 2016. - № 21. – С. 671-675.

УДК 338.2

В.С. Чангли, канд. эконом. наук, Донбасская национальная академия строительства и архитектуры (г. Макеевка)

(e-mail: v.s.changli@donnasa.ru)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ РИСКАМ

В статье проведен анализ современного состояния коррупционных рисков. Впервые обусловлен вопрос об устранении возможностей для совершения коррупционных деяний, как наиболее перспективной формы противодействия коррупции на основе анализа нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения, систематизирующие триединство: коррупция как социально-юридическое явление и криминологическая категория; факторы, продуцирующие ее криминальные формы проявления; меры их предупреждения, сделан вывод о создании условий, при которых совершение коррупционных деяний было бы невозможным, предусматривавшие прозрачность имущественного состояния лица, что проявляется в требовании к кандидату на должность государственного служащего задекларировать свое имущественное положение и доходы.

Ключевые слова: коррупция, форма, способ, противодействие, страна, порядок, правовое регулирование.

Changli, V.S.

USING FOREIGN EXPERIENCE TO COUNTER CORRUPTION RISKS

The article analyzes the current state of corruption risks. For the first time, the issue of eliminating opportunities for committing acts of corruption as the most promising form of countering corruption has been determined. based on the analysis of normative legal acts regulating public relations, systematizing the trinity: corruption as a socio-legal phenomenon and criminological category; factors producing its criminal forms of manifestation; measures to prevent them, it was concluded that the creation of conditions under which the commission of corrupt acts would be impossible, provided for transparency of the property status of a person, which is manifested in the requirement for a candidate for the position of a civil servant to declare his property status and income.

Key words: corruption, form, method, counteraction, country, order, legal regulation.

Коррупция в нашем обществе составляет одну из главных угроз его развития. На это опаснейшее явление неоднократно обращает огромное внимание руководство Российской Федерации. В то же время само это явление с одной стороны мало исследовано, а с другой хорошо замаскировано от глаз непросвещенного обывателя. Именно поэтому борьба с данным явлением пока крайне неэффективна.

Актуальность темы исследования. В массовом сознании формируется мнение, что коррупционные преступления не причиняют значительного ущерба

обществу, поэтому определенные слои населения выбирают не правовые, а коррупционные пути решения повседневных проблем. Честный чиновник часто не устраивает ни население в целом, ни предпринимателей как его активную часть. В последние годы проблема коррупции стала едва ли не самой насущной среди волнующих граждан и препятствующих экономическому прогрессу страны [1, С. 64].

Анализ научных исследований. Проблемам разработки мер по минимизации коррупционных рисков посвящены работы отечественных и зарубежных ученых. Так, Т.В. Мельничук в своей статье «Антикоррупционная политика: основные направления и новации» пишет, что важно выработать единые подходы к отнесению тех или иных преступлений к коррупционным, учитывая субъекты их совершения и на этом строить политику борьбы с коррупцией [2, С. 298-308].

Цель исследования заключается в обобщении существующего состояния научной разработки и законодательной регламентации правовых и организационных основ предупреждения коррупции и борьбы с ней в зарубежных странах, выявлении мер по минимизации коррупционных рисков.

Определенная цель научного исследования обусловила постановку и решение следующих задач: раскрыть понятие и сущность коррупции; исследовать феномен коррупции на современном этапе общественного развития; определить предпосылки коррупции в современном обществе; выявить формы и способы противодействия коррупции.

Изложение основного материала. Мировой опыт противодействия коррупции показывает, что эффективность любых антикоррупционных механизмов зависит, прежде всего, от системности, обоснованности и прозрачности базовых положений. Итак, коррупция, как системная проблема, требует системных подходов к противодействию, которые заключаются в согласованных действиях трех секторов общества: власти, бизнеса и гражданского общества.

Сегодня, учитывая приумноженный опыт, меры по активному противодействию коррупции чаще всего делят на две группы. К первой относят меры по усилению борьбы с коррупционными проявлениями, ко второй – создающие институциональные предпосылки, питающие коррупцию, то есть с признаками потенциальной коррупции, чиновникам, которые при определенных условиях могут превратиться в коррупционеров. Именно поэтому в европейской практике стратегия системного устранения причин коррупции ориентирована как на противодействие коррупционерам, так и на устранение причин и условий, питающих этот феномен.

Заслуживает поддержки подход, по которому новая модель уголовно-правового противодействия коррупции должна строиться по принципу «многосторонности», когда уголовно-правовые запреты будут реализовываться не только в отношении конкретных коррупционных деяний (основной рубеж), но и по поводу таких, которые еще не являются коррупционным деянием, но

формируют определенный коррупционный риск, наличие которых уже есть общественно опасным (предыдущий рубеж), а также относительно дальнейших объективных проявлений совершенных в прошлом актов коррупции, оставшихся латентными (завершающий рубеж).

Существует взгляд, согласно которому системообразующим антикоррупционным основанием политики в современных условиях должно стать активное и постоянное противодействие коррупции, основанное на трех главных стратегиях:

– стратегии-осознания, заключающейся в общем анализе ситуации и выработке антикоррупционной стратегии; антикоррупционному гражданскому образованию; построении антикоррупционных коалиций; свободном доступе к информации и независимых СМИ; разработке и внедрении антикоррупционных образовательно-просветительских программ и кампаний;

– стратегии-предупреждения, цель которой – формирование прозрачности органов власти; активное привлечение институтов гражданского общества к деятельности по предотвращению коррупции; уменьшение вмешательства государства в общественные отношения; принятие кодексов этики для чиновников, предпринимателей; снижение административных барьеров;

– стратегии-предотвращения, что предполагает формирование сильной и независимой судебной власти; неукоснительное исполнение закона; общественную экспертизу законодательства на предмет наличия коррупционной составляющей; доступность правовой помощи и защиты граждан.

Рассматривая коррупцию как системное многоаспектное социально-политическое явление, обращаем внимание на выработку такого же подхода и к разработке действенных антикоррупционных механизмов. Усиление только уголовной и административной ответственности за коррупционные действия не решает эту проблему. В основе антикоррупционных мер есть следующие принципы: признание общественной опасности коррупции; неотвратимость ответственности за совершенные коррупционные деяния; недопустимость слияния властей и бизнеса; недопустимость принятия нормативных актов, допускающих неоднозначное толкование; приоритет превентивных мер борьбе с коррупцией; устранение монополии при принятии решений.

Так, на основании вышеизложенного можно определить, что коррупция чрезвычайно приспособлена к особенностям той или иной сферы общественной жизни. Для этого меры противодействия, эффективные для противодействия коррупции в одной сфере, могут быть совсем неэффективными в другой.

Зато следует согласиться, что причинами неудачного противодействия коррупции является то, что на самом деле борьба с коррупцией проводится только (обычно) административными и уголовно-правовыми методами, то есть только с последствиями коррупции, хотя этот феномен является не так правовым, как социоэкономическим, политическим и культурным явлением. Это главная методологическая ошибка властей. Опыт стран, в которых уровень

коррупции минимален (Финляндия, Дания, Новая Зеландия), убеждает, что применение только репрессивных мер является малоэффективным, а иногда вообще приводит к противоположным результатам. Поэтому антикоррупционная деятельность в государстве должна осуществляться по двум основным направлениям [7, С. 29].

Первый – это собственно борьба с коррупцией как с конкретным уголовным или административным проявлением. Она заключается в выявлении, расследовании, прекращении и привлечении к ответственности виновных. Эту задачу по большей части решают правоохранительные органы и суды.

Второе направление – главное, это – комплекс, состоящий из экономических, политических, профилактических, культурных, воспитательных и организационных мероприятий, направленных на то, чтобы исключить социально-экономические и политические основы коррупции. Названную задачу решают все органы власти и управления, все структуры гражданского общества.

Далее ученый продолжает, что основной ошибкой антикоррупционной политики является возвращение иллюзии, будто эффективно противодействовать коррупции можно путем волонтаристского манипулирования антикоррупционными инструментами при полном игнорировании мер, направленных на развитие антикоррупционного потенциала человеческого фактора, в частности антикоррупционной (правовой и моральной) культуры граждан.

В современных условиях недостатки борьбы с коррупцией вызваны несколькими факторами:

- несогласованностью и несовершенством антикоррупционного законодательства;
- неэффективностью работы подразделений предотвращения коррупционных и преступных проявлений органов исполнительной власти;
- фактическим отсутствием взаимодействия правоохранительных органов и общественных организаций в сфере предотвращения и противодействия коррупции;
- отсутствием действенных профилактических и просветительских мероприятий среди населения по нетерпимости коррупции.

Эксперты ООН под термином «коррупция» предлагают понимать злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях.

В отличие от предыдущих определений, по нашему мнению, они более точно и конкретно выделяют самые распространенные разновидности коррупции, коррупционные правонарушения и должностные преступления, к которым отнесены:

- взяточничество, незаконное присвоение (кража, хищение) должностными лицами государственной собственности, присвоение товаров и услуг, предназначенных для общественного потребления;

- злоупотребление служебным положением для получения неоправданных личных выгод (льгот, преимуществ);
- конфликт интересов между гражданским долгом и личной выгодой, кумовство (предпочтение при приеме на работу членам семьи);
- влияние на общество при разработке законов и подзаконных актов с целью получения личной выгоды [2, С. 298].

Отсутствие коррупции в определенном социуме – это ориентир, определяющий направление антикоррупционных усилий и дающих возможность достигать промежуточных целей, это идеальный абсолют, к которому нужно стремиться, но невозможно достичь.

Конечно, для широких масс, целью противодействия коррупции в ДНР может быть провозглашено ее окончательное искоренение, но только для более легкого вовлечения в антикоррупционную активность как можно большего количества человек. Ведь другой подход к цели может уменьшить интерес потенциальных субъектов противодействия коррупции, не обеспечивая надлежащей мотивационной составляющей, необходимой при выполнении столь важной для существования и развития государства задачи. Однако в криминологическом аспекте цель процесса противодействия коррупции другая. Как уже было выяснено – это ее минимизация к общественному приемлемому уровню.

Такой подход характерен для стран, избравших вертикальную стратегию противодействия коррупции с быстрым достижением результата (сингапурская или азиатская) модель – Сингапур, Япония, Южная Корея, Китайская Народная Республика, последствиями которой является не полная ликвидация коррупции, а достижение определенного приемлемого для власти и общества уровня коррупции [3, С. 7-15].

Так, коррупция как социальное явление не может быть искоренена (ликвидирована) в каком-то отдельном государстве или на каком-либо конкретном этапе развития социально-политической системы. Следовательно, противодействие коррупции – процесс перманентный – сначала направлен на достижение указанной цели, а затем – на сдерживание роста уровня коррупции, недопущение его выхода за допустимые пределы. Кроме того, важно не заменять цель процессом, что нередко встречается в современной теории и практике.

Проведение анализа коррупции как системного явления необходимо начинать с выяснения ее факторов, которые выступают основой коррумпированных общественных отношений. Сами факторы (детерминанты) образуют целостную систему, которая предопределяет влияние на совершение противоправных деяний. Причем одни из них являются непосредственными причинами коррупционных деяний, вторые влияют опосредованно на их совершение, третьи создают благоприятные политические, экономические, психологические условия как для совершения конкретных коррупционных деяний, так и для существования коррупции как явления.

Таким образом, можно сказать, что указанные факторы способствуют появлению и развитию факторов, которые выступают детерминантами коррупционных деяний – они обуславливают возникновение непосредственных причин и условий коррупционных деяний. В криминологической науке факторы, функционирующие на общесоциальном уровне и создающие благоприятный для коррумпиования общественных отношений фон, определяют как социальные предпосылки коррупции.

Во избежание лишних дискуссий по поводу определения оптимальных количественно-качественных показателей измерения эффективности и сроков выполнения поставленной задачи, целесообразно цель и промежуточные сроки противодействия коррупции определять как необходимость поступательного улучшения показателей уровня коррупции на основе:

- 1) международных рейтингов авторитетных антикоррупционных организаций;
- 2) данных внутренних социологических опросов;
- 3) данных официальной (криминологической) статистики;
- 4) результатов научных криминологических исследований.

Это, возможно, не слишком быстрая, но простая для анализа эффективности работы стратегия, дающая возможность объективно оценивать деятельность государства и общества в области противодействия коррупции.

Поэтому для анализа вопроса системы противодействия коррупции в ДНР нужно еще раз концентрированно подытожить вышеизложенное: глобальная проблема – коррупция; общая цель – ее максимальная минимизация; эта цель достигается в процессе противодействия коррупции: в конкретных формах, определенных субъектами и методами. Сочетание этих субъектов в совместной деятельности, достижение указанной цели всем имеющимся набором способов и в разных формах, собственно, и создает целостную систему противодействия коррупции в ДНР [4, С. 53-62].

Стоит обратить внимание на то, что наибольших успехов в этой области достигают те страны, в которых совершаются взаимосвязанные институциональные, правовые, экономические, культурологические и политические меры, позволяющие контролировать и влиять на криминогенную ситуацию. Однако в странах переходного экономического типа с низким материальным уровнем жизни борьба с коррупцией предполагает выбор приоритетов. Это очень важные оговорки, которые должны исключать механическое копирование зарубежных доктрин и теорий. Совершенно понятно, что для отечественных реалий зарубежный опыт составляет лишь небольшую часть материала, необходимого при учете согласования национальной антикоррупционной стратегии, требующей уникального в своем роде и особенно творческого подхода.

Подобного мнения придерживаются и сотрудники органов правопорядка, большинство из которых (55 %) поддерживают идею сочетания двух подходов к формированию механизма противодействия коррупции: учет институциональных,

правовых, экономических, культурологических и других особенностей государства, а также заимствования механизмов, успешно апробированных другими странами.

Соответственно, Донецкой Народной Республике нужен такой же уникальный порядок правового регулирования противодействия коррупции, который выражается в особом сочетании таких юридических средств, как превентивные антикоррупционные механизмы, правила относительно устранения последствий коррупционных правонарушений, система оснований ответственности за коррупционные правонарушения и правонарушения, связанные с коррупцией, и степень строгости правовых последствий этих правонарушений, с целью эффективного противодействия коррупции.

Следовательно, только после доктринального, нормативного и общественного согласования объекта, цели и временных промежутков контроля за противодействием коррупции в ДНР можно переходить к следующим этапам процесса. Конечно, этот вывод не может трактоваться как указывающий на необходимость останова текущих осуществляемых мер в указанной сфере. Под последующими этапами процесса подразумевается только переход от формально-декларативного к качественному противодействию коррупции, а такая обязательно должен включать в себя:

а) в части предотвращения коррупции из-за устранения ее субъективных (внутренних) причин:

– формирование (побуждение к возникновению) политической воли в противодействие коррупции у двух определяющих субъектов: народа (общества) и руководства государства;

– повышение правовой культуры граждан, просвещения, образования и т.д. (фактически речь идет о параллельных процессах устранения субъективных причин коррупции в двух комплексных носителях власти: государства (через формирование политической воли) и общества (из-за повышения правовой (антикоррупционной) культуры));

б) в части предотвращения коррупции из-за устранения ее объективных (внешних) причин, обычно социально-экономического характера: бедности, безработицы, отсутствия организационно-материального обеспечения органов публичной власти и тому подобное;

в) устранение возможностей (условий) совершения коррупционных правонарушений, их предупреждение;

г) выявление совершенных коррупционных правонарушений, коррупционных сетей, организованных преступных схем и групп;

д) привлечение виновных в совершении коррупционных преступлений и других коррупционных действий в отношении уголовной, гражданской, дисциплинарной и административной ответственности.

Так, наиболее эффективно противодействие коррупции путем устранения основных условий, ее порождающих, в частности:

- низкий уровень жизни государственных служащих и лиц, уполномоченных на выполнение функций государства;
- высокие цены на товары и услуги;
- бездумная конфискационная налоговая политика государства, при котором производителю легче «купить» чиновника и скрыть его посредством прибыли, нежели платить налоги и т.д. [2, С. 298].

Поэтому, чем беднее страна, тем больше коррупционных факторов имеет место на ее территории. Низкие заработные платы, высокая стоимость жизни, непрозрачные правила ведения бизнеса и другие объективные причины чаще всего служат основаниями для самооправдания тех, кто подвергся давлению обстоятельств и стал участником коррупционного деяния.

Конечно, работник-взяточник с низкой зарплатой находит для себя массу оправданий и мотивов. Поэтому акцент только на разоблачении правонарушений в этом сегменте – малоперспективное с точки зрения предотвращения коррупции как перманентного явления, поскольку вакантное место разоблаченного займет, с высокой степенью вероятности, лицо с таким же подходом.

Отчего важно осознавать, что действенность, эффективная на западе, в богатых и развитых странах, криминологических подходов, приемов и средств в борьбе с коррупцией, будет значительно меньше в условиях ДНР, которая находится на пути построения демократического и правового государства.

В контексте устранения внешних причин коррупции называют следующие шаги:

- дерегуляция: введение мер внутренней экономической либерализации для обеспечения минимального вмешательства государства в бизнес и отмена стимулов к коррупции;
- изменение налоговой системы: уменьшение количества налогов, введение простых правил их расчета, необремененной формальностями процедуры уплаты и отчетности;
- преобразования в сфере защиты экономической конкуренции: кардинальное уменьшение вмешательства государства в хозяйственную деятельность игроков рынка и обеспечение эффективного контроля за антиконкурентным поведением крупных компаний [5, С. 172-173].

Выводы. Анализ показывает, что не только сформировалась и действует сама стратегия, но и образовалась соответствующая социальная защита. Она объединяет бизнесменов целями, стереотипами поведения, интересами и даже своеобразной этикой. Этот социальный факт превращает вопросы борьбы с коррупцией в реальную проблему защиты обществом своей безопасности. Проблема в том, что формальные институциональные изменения приводят к двум эффектам. Первый заключается в том, что старые неформальные нормы и практики агрессивно противятся внедрению новых формальных норм, искажают их в процессе выполнения и приспособливают к собственным потребностям. Во втором случае речь идет о том, что появляются новые неформальные нормы и практики, которые усиливают действие первого эффекта: сопротивление

внедряемым новым формальным нормам и институтам. Именно в «зазор» между новыми формальными нормами и старыми неформальными нормами и практиками внедряется коррупция как инструмент аналогичного сопротивления. Чем масштабнее институциональные изменения, тем больше пространство для роста новых форм коррупции.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Государство и право: учебное пособие / С.С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., – 1993. – 175 с.
2. Мельничук Т.В. Антикоррупционная политика: основные направления и новации / Т.В. Мельничук // Правовые инновации в сфере противодействия коррупции. – 2012. – № 10. – С. 298-308.
3. Балакай О.Б. Специфика финансовых правоотношений с участием социальных внебюджетных фондов государства / О.Б. Балакай // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – 2020. – № 12. – С. 7-15.
4. Педерсен И.А. Совершенствование нормативно-правовой базы государственного финансового контроля в Донецкой Народной Республике / И.А. Педерсен // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – 2019. – № 10. – С. 53-62.
5. Юрковский А.В. Правовые основы противодействия коррупции: учебное пособие / А.В. Юрковский. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2018. – 243 с.
6. Thirlway, H. The Sources of International Law. 2th ed. Oxford: Oxford University Press, XXII, – 2019. – 247 p.

УДК 343.01

И.А. Черникова, соискатель, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: shtyryok_@mail.ru)

ПОНЯТИЕ ОБОСНОВАННОГО РИСКА КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩЕГО ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

В статье анализируются различные подходы к пониманию категории «обоснованный риск» в уголовном праве. Предложено авторское понятие термина «обоснованный риск» как правомерное поставление объекта уголовно-правовой охраны в опасность причинения вреда или фактическое причинение ему вреда, совершенное для достижения значительной общественно полезной цели в обстановке, когда эта цель не могла быть достигнута без такого риска, а принимаемые субъектом меры давали основания рассчитывать на предотвращение вреда правоохраняемым интересам.

Ключевые слова: обоснованный риск, обстоятельства, исключают преступность деяния, риск в праве.

Chernikova, I.A.

THE CONCEPT OF A JUSTIFIED RISK AS A CIRCUMSTANCE EXCLUDING CRIMINALITY

The article analyzes various approaches to understanding the category of "reasonable risk" in criminal law. The author's concept of the term "reasonable risk" is proposed as the lawful putting of an object of criminal law protection in danger of harm or actual harm to it committed to achieve a significant socially useful goal in an environment where this goal could not be achieved without such risk, and the measures taken by the subject gave grounds to count on the prevention of harm to law-enforcement interests.

Key words: *justified risk, circumstances excluding the criminality of the act, risk in law.*

Актуальность темы исследования. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], как и уголовных кодексах иных государств романо-германской правовой семьи, предусмотрено такое обстоятельство, исключающее преступность деяния, как обоснованный риск. Включение этого обстоятельства в уголовное законодательство обусловлено тем, что в современный период интенсивного развития науки и техники гораздо чаще, чем раньше, у многих лиц возникает необходимость пойти на определенный риск причинения вреда для достижения общественно-полезной цели.

Вместе с тем в науке уголовного права до настоящего момента отсутствует единое мнение относительно детерминации данного обстоятельства, в связи с чем изучение сложившихся в отечественной науке взглядов на указанный вопрос является актуальным.

Анализ научных исследований. Проблематика обоснованного риска не является новой для науки уголовного права. Так, следует выделить работы различных периодов: В.А. Абчука, А.А. Арямова, В.В. Бабурина, Ю.В. Баулина, В.А. Блинникова, Д.В. Веденина, В.Я. Григенча, М.С. Гринберга, И.Х. Дворецкого, А.Ю. Девятко, С.С. Захаровой и ряда других советских и российских ученых.

Целью настоящего исследования является изучение сформировавшихся в юридической литературе взглядов на определение риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Изложение основного материала. В юридической литературе нет однозначного уголовно-правового определения риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния. А поскольку деяние, связанное с риском, включено УК РФ в число обстоятельств, исключающих преступность деяния, наиболее целесообразным представляется начинать его анализ с краткой характеристики этих обстоятельств. Прежде всего, это объясняется тем, что юридическая природа указанных обстоятельств едина: они имеют кроме общих юридических черт, характеризующих их социальное содержание и юридическую форму, также структурные элементы (субъективные и объективные признаки). Именно это, а также общность функционального назначения обстоятельств,

исключающих преступность деяния и их целостность, позволяют совмещать их в единую систему.

В науке уголовного права при характеристике отдельных видов обстоятельств, исключающих преступность деяния, некоторые авторы указывают на то, что они характеризуют обстановку, при которой данное деяние происходит. Но, как верно отметил А.Б. Сахаров, такая характеристика не затрагивает главного общего свойства рассматриваемых обстоятельств, а именно: исключать преступность деяния [6, С. 122]. Считаем верным взгляд на обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния как на определенный акт человеческого поведения (поведенческий акт). Поэтому, прежде всего, необходимо выяснить, что такое «поведение», «поведенческий акт», что позволит в дальнейшем сформулировать понятие «обоснованного риска».

Наиболее широко «поведение» определяется как человеческая активность, связанная с влиянием на внешнюю среду. «Каждое действие и деятельность человека в целом – это, прежде всего влияние, изменение действительности» – писал С.Л. Рубинштейн. Социальная психология связывает понятие «поведение» не с природными (физическими), а с социальными объектами и условиями жизни. «Поведение есть превращение внутреннего состояния человека в действия по отношению к социально значимым объектам. Оно представляет собой наблюдаемую снаружи систему действий (поступков) людей, в которой реализуются внутренние побуждения человека» [8, С. 537].

Данное понимание поведения охватывает не всякую человеческую активность, а лишь ограниченную двумя критериями: во-первых, ее социальной значимостью и, во-вторых, ее выражением снаружи, в форме конкретных физических действий. При этом юриспруденция имеет дело лишь с социально важными актами поведения. Поведение выражается в практических (физических) действиях людей.

Что касается понятия «поведение», используемого в юриспруденции, то речь всегда идет о сознательной человеческой деятельности. При этом известно, что нельзя отнести к сознательному поведению действия невменяемых. Правом не регулируются также поступки детей и подростков, не достигших определенного возраста. Следовательно, поведение в его уголовно-правовом значении составляют лишь такие поступки вменяемого человека, достигшего определенного возраста, которым предшествует сознательный волевой выбор, включающий понимание социального значения поступка и предсказание его результатов.

Итак, под поведением понимается: а) сознательное поведение человека, осознающего свои поступки и способного управлять ими; б) поведение внешнее, то есть выраженное внешне и потому оказывающее то или иное влияние на окружающие физические и социальные события, процессы и явления.

Правомерное поведение представляет собой использование субъективного права и исполнения юридического долга, а также соблюдения

правовых запретов. Каждое правовое обязательство, разрешение или запрет содержит указание на определенное поведение, а в некоторых случаях – варианты поведения. Поэтому, чтобы поведение было правомерным, оно должно воспроизводить в реальной жизни то, что предложено нормой права. О правомерности или противоправности поведения лица можно судить, сравнивая его с моделью, закрепленной в соответствующей норме права. Если элементы поведения личности по своим признакам соответствуют элементам модели поведения, содержащейся в норме права, то правомерность данного поведения не вызывает сомнений.

Под правомерным поведением, таким образом, понимается общественно полезное поведение лица (действие или бездействие), соответствующее предписаниям юридических норм и охраняемое государством.

Каждое обстоятельство, исключающее преступность деяния, в том числе и деяние, связанное с риском, являясь правомерным поступком, непременно имеет признаки правомерного поведения. При этом следует иметь в виду, что рассматриваемое правомерное поведение имеет место в определенной сфере, а именно в сфере уголовного права, поскольку риск всегда связан с созданием опасности причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны, а иногда и с фактическим причинением такого ущерба. Следует согласиться с Ю.В. Баулиным, выделяющим следующие признаки обстоятельства, исключающего преступность деяния:

1) такое обстоятельство представляет собой единство сознательного и волевого поступка человека, подпадающего под внешние признаки преступлений, совершаемое при наличии определенных оснований;

2) по своему социальному содержанию такой поступок является общественно полезным или социально приемлемым (допустимым);

3) он может быть предусмотрен нормами и предписаниями разных отраслей законодательства;

4) наконец, такой поступок исключает общественную опасность и противоправность деяния, и тем самым уголовную ответственность за причиненный вред.

В итоге, автор формулирует понятие обстоятельства, исключающего общественную опасность и противоправность деяния, как предусмотренный разными отраслями законодательства и внешне сходный с преступлениями общественно полезный (социально приемлемый) и правомерный поступок, совершённый при наличии определенных оснований, исключающий общественную опасность и противоправность деяния, а тем самым и уголовную ответственность лица за причиненный вред [3, С. 41].

Необходимо отметить, что деяние, связанное с риском, обладая теми родовыми признаками, которые присущи всем обстоятельствам, исключающим преступность, имеет характерные видовые особенности, благодаря которым и представляет собой самостоятельную разновидность правомерного поведения субъекта как обстоятельство, исключающее преступность деяния.

Однако перед выделением видовых признаков обоснованного риска необходимо определиться с терминологическим обозначением рассматриваемого обстоятельства, исключающего преступность деяния. В уголовно-правовой литературе это обстоятельство еще называют «обоснованный», «правомерный» или «обоснованный риск». Однако, считаем, что наиболее удачным для обозначения рассматриваемого обстоятельства, исключающего преступность деяния, термин «обоснованный риск» как это предусмотрено в действующем законодательстве. Так, сам законодатель в ст. 41 УК РФ говорит об обоснованности рискованного деяния. Так, в ч. 1 указанной статьи речь идет о том, что «не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели», в ч. 2 «риск признается обоснованным, если.....» и, наконец, в соответствии с ч. 3 ст. 41 УК РФ «риск не признается обоснованным, если...».

Рискованное деяние должно быть оправданным, потому что для его совершения обязательно необходимы определенные основания, которые только и способны оправдать (обосновать) правомерность поставления в опасность, причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны или даже причинения ему вреда, каким является либо наличие опасности, требующий ее устранения или необходимость достижения значительной общественно полезной цели.

Для того, чтобы определить видовые признаки обоснованного риска, необходимо рассмотреть те подходы, которые имели место в уголовно-правовой литературе при определении понятия «обоснованный риск».

Лексически слово «риск» означает «возможную опасность, неудачу; действие на удачу в надежде на счастливый результат». Словарь В. Даля определяет «рисковать» как «пускаться на удачу, на неверное дело, решиться идти на верное, делать что-то без верного расчета, поддаваться случайности, действовать упорно, надеясь на удачу, ставить на кон» [10].

В науке есть попытки дать определение «риск», имеющее общее значение для всех областей знаний. Так, одни ученые характеризуют риск как «единство обстоятельств и индивидуально-групповых преимуществ, критериев оценки ситуации, на основании которых принимается оперативное решение». Другие авторы под риском понимают «не ущерб, причиняющий реализацией решения, а возможность отклонения от цели, ради достижения которой принималось решение».

А.П. Альгин понимает риск как «деятельность, связанную с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой есть возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели». Кроме того, он выделяет основные элементы, взаимосвязь которых и составляет сущность риска: 1) возможность отклонения от предполагаемой цели, ради которой осуществлялась выбранная альтернатива; 2) вероятность достижения желаемого результата; 3) отсутствие уверенности в достижении поставленных

целей; 4) возможность наступления неблагоприятных последствий (материальный или физический ущерб, заболевания, смерть и т.д.) при совершении тех или иных действий в условиях неопределенности для субъекта, идущего на риск; 5) материальные, экологические, идеологические, морально-идеологические и другие потери, связанные с совершением избранной в условиях неопределенности альтернативы; 6) ожидание опасности, неудачи в результате выбора альтернативы и ее реализации [2, С. 19].

В юридической литературе понятие «риск» понимается по-разному. Проблема рискованного поведения – это сложное многоаспектное явление и юридическая литература неоднозначно трактует его черты и свойства, что и обуславливает возможность существования множественности определений, объясняющих понятие «риск». Так, многие ученые отождествляют риск с опасностью.

К примеру, А.А. Собчак считает, что риск в гражданском праве всегда означает опасность возникновения неблагоприятных последствий (имущественного или личного характера), относительно которых неизвестно, наступят они или нет [9]. Аналогичной точки зрения придерживается и В. Рассудовский [7]. В приведенных определениях выделяется, в частности, такая черта риска как вероятность, мера предполагаемой неудачи, опасность по отношению к конкретному виду деятельности.

В уголовно-правовой литературе неоднократно ставился вопрос о включении в уголовное законодательство норм о риске как обстоятельствах, исключающих общественную опасность и противоправность деяния. При этом каждый автор по-своему называл риск – производственным, допустимым, нормальным, хозяйственным, правомерным, профессиональным, допустимым научным и т.д.

Многие учёные связывали его с производственной деятельностью. Так, М.С. Гринберг характеризует обоснованный производственный риск как «правомерное создание опасности с целью достижения общественно-полезного результата, который не может быть получен обычными нерискованными средствами». По мнению А.И. Санталова, «под производственным риском понимается стремление достичь общественно полезной цели или предотвратить вредный результат производственной деятельности путем поставления в опасность охраняемых законом интересов» [4].

Однако А.В. Наумов говорит о риске, не увязывая его с осуществлением профессиональной деятельности. «Под риском, – считает А.В. Наумов – понимается допустимость наступления общественно опасных последствий в результате деятельности, направленной на получение социально необходимого результата, при условии использования средств, предупреждающих эти последствия» [5]. Э.Ф. Побегайло отмечает, что «обоснованный риск заключается в правомерном создании возможной опасности правоохраняемым интересам с целью достижения общественно полезного результата, который не мог быть получен обычными, нерискованными средствами» [11].

Таким образом, из приведенных определений обоснованного риска можно выделить следующие признаки:

- 1) риск – это определенное поведение субъекта, правомерное создание опасности причинения вреда правоохраняемым интересам;
- 2) субъект должен использовать средства, предупреждающие наступление общественно-опасных последствий;
- 3) поведение субъекта формально подпадает под признаки преступления;
- 4) оно преследует общественно полезную цель (достижение общественно полезного результата);
- 5) указанный результат не может быть достигнут обычными нерискованными средствами.

Каждый из приведенных признаков имеет право на существование. Вместе с тем их вычленение и характеристика должны быть подчинены определенному правилу.

Считаем, что для определения видовых признаков понятия «обоснованный риск» необходимо воспользоваться одним из методов формальной логики – определение понятия через род и видовое отличие. Таким образом, каждому признаку общего понятия обстоятельства, исключающего преступность деяния, приводимого нами ранее, можно сопоставить видовые отличия обоснованного риска как одного из указанных обстоятельств.

Для последовательного определения каждого из видовых признаков рассматриваемого обстоятельства необходимо обозначить «программу», согласно которой будет идти анализ понятия «обоснованный риск». Эта программа должна учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, обоснованный риск является определенной разновидностью поведения человека. Во-вторых, это поведение находится в сфере уголовного права, поскольку оно связано с возможностью причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны. В-третьих, рискованное поведение должно быть оправдано определенными основаниями. В-четвертых, правомерность обоснованного риска основывается на положениях ст. 41 УК РФ. В-пятых, обоснованный риск характеризуется определенным социальным содержанием, поскольку указанное поведение относится к числу социально-правовых явлений. И, наконец, в-шестых, обоснованный риск как разновидность обстоятельств, исключающих преступность деяния, исключает его общественную опасность и противоправность.

В таком порядке и будут рассмотрены видовые признаки обоснованного риска как обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Исходя из того, что вид обязательно должен иметь признаки рода, анализ видовых признаков обоснованного риска следует проводить по следующим родовым признакам общего понятия обстоятельства, исключающего преступность деяния:

- а) обоснованный риск представляет собой поступок. Рискованное деяние может выражаться как в активном (действии), так и в пассивном (бездействии)

поведении. Такое деяние может причинить вред правоохраняемым интересам, который может быть двух видов: 1) поставление объекта уголовно-правовой охраны в опасность причинения вреда или 2) фактическое причинение ему вреда. Исходя из природы обоснованного риска, можно утверждать, что в ситуации риска всегда происходит введение в опасность объекта уголовно-правовой охраны. В то же время фактическое причинение вреда правоохраняемым интересам наступает не всегда и является факультативным следствием обоснованного риска. Например, проведение врачом хирургической операции с применением новой, неотработанной методики, еще не вошедшей в практику, но в то же время наиболее эффективной на момент проведения операции, несомненно ставит под угрозу здоровье, а иногда и жизнь человека, но в то же время наступление ухудшения состояния пациента не обязательно – оно может иметь место, а может и отсутствовать при удачном проведении операции;

б) внешнее сходство с преступлениями. Особо необходимо отметить тот факт, что практически ни одно из приведенных выше определений обоснованного риска не содержит указания на такой важный признак рассматриваемого обстоятельства, как внешнее сходство фактических объективных признаков совершенного правомерного поступка и определенного преступления. Ведь только тогда, когда совершенный поступок напоминает с внешней стороны то или иное преступление, возникает проблема обстоятельств, исключающих преступность деяния. К числу объективных признаков таких действий относят признаки субъекта, объекта и объективной стороны поступка, то есть те элементы поведения, которые являются общими как для преступления, так и для правомерного поступка.

При обстоятельствах, исключающих преступность деяния, имеет место полное соответствие возрасту и вменяемости субъекта рассмотренных поступков и соответствующих им преступлений. Если же тот или иной поступок предполагает специального субъекта, то речь о совпадении признаков этого поступка с признаками соответствующего преступления может идти только тогда, когда (кроме возраста и вменяемости) совпадают и признаки специальных субъектов. В противном случае может иметь место либо другое обстоятельство, исключающее преступность деяния, либо преступное посягательство, либо поведение, не имеющее правового значения. Так, субъектом выполнения медицинского риска может быть только лицо определенной профессии или специальности (например, врач-хирург), которое в условиях риска совершает определенные действия, связанные с причинением вреда (например, выполнение при определенных условиях хирургической операции).

Вторым элементом, по которому сравнивается совпадение признаков рассматриваемых обстоятельств с признаками преступления, является объект уголовно-правовой охраны, под которым, как известно, понимается система наиболее важных общественных отношений, поставленных законодателем под охрану уголовного закона от преступных посягательств. Если же вред

причиняется отношениям, не охраняемым уголовным законом, то сама постановка вопроса об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, беспредметна.

Третий элемент, признаки которого общие как для обстоятельств, исключающих преступность деяния, так и для соответствующих преступлений – это их объективная сторона. Известно, что любой поступок (преступный или правомерный) характеризуется объективными признаками (действие или бездействие, последствия, причинная связь), однако в зависимости от обстановки, условий места и времени совершения тех или иных действий приобретает характер общественно опасных или общественно полезных. Внешнее сходство рассматриваемых поступков по объективным признакам определяется особенностями законодательной конструкции соответствующего состава преступления.

В исследовании обстоятельств, исключающих преступность деяния, Ю.В. Баулин предложил вертикальную структуру обстоятельств, исключающих преступность деяния, выражающуюся в виде трех групп правомерных поступков, а именно поступков, которые внешне подпадают под признаки: 1) нескольких разнородных преступлений; 2) нескольких однородных преступных посягательств; 3) одного какого-либо преступления.

Обоснованный риск может проявить себя в нескольких разнородных сферах общественных отношений, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств, например, он может выражаться в причинении вреда жизни, здоровью человека, его имуществу или угрозе причинения такого ущерба. Исходя из приведенной вертикальной структуры можно утверждать, что обоснованный риск, наряду с необходимой обороной, крайней необходимостью и другими правомерными поступками способен подпадать под признаки нескольких разнородных преступлений, предусмотренных разными разделами Особенной части УК, построенной по родовому объекту.

Считаем невозможным дать исчерпывающий список преступлений, под признаки которых может подпадать рискованное деяние. Этот вывод можно сделать исходя из всего спектра общественных отношений, которым может быть нанесен или наносится ущерб при совершении рискованного деяния – это жизнь и здоровье человека, отношения в сфере нормального и безопасного функционирования всех видов транспорта, общественная безопасность и правопорядок, отношения в сфере собственности, государственная безопасность и т.д.

Таким образом, создание опасности причинения вреда или фактическое причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны вследствие обоснованного риска свидетельствует о его сходстве с внешними признаками деяния, предусмотренного уголовным законом, и заключается в полном совпадении признаков их субъектов и объектов, а также в полном или частичном совпадении элементов объективной стороны разных преступлений;

в) совершение рискованного деяния при наличии определенных оснований. Каждое из обстоятельств, исключающих преступность деяния, в том числе и рассматриваемое, можно рассматривать в единстве и взаимосвязи двух элементов, а именно из поступка личности и основания для такого поступка. Очевидно, что совершение рискованного деяния предполагает, что сначала должно проявиться снаружи основание для такого деяния, а затем уже сам поступок.

Так, при оправданном риске цель поступка не может быть достигнута деянием, не связанным с риском, а принимаемые рискующим субъектом меры дают основания рассчитывать на предотвращение причинения вреда правоохраняемым интересам;

г) общественная полезность (социальная приемлемость) деяния. Говоря о данном признаке, следует отметить, что вопрос об общественной полезности или социальной приемлемости обстоятельств, исключающих преступность деяния, возникает из-за того, что не всегда указанные обстоятельства общественно полезны, например, при крайней необходимости, но в то же время они всегда есть социально приемлемыми.

Анализируя обоснованный риск, следует отметить, что обязательность наличия у рискующего лица значительной общественно полезной цели, как одного из оснований обоснованного риска, свидетельствует о том, что рассматриваемое обстоятельство, исключающее преступность деяния, может быть как общественно полезным, так и социально приемлемым.

Объясняется это утверждение тем, что ситуация риска характеризуется возможностью нежелательной случайности, большей или меньшей вероятностью наступления вреда, и при риске всегда остается опасность наступления общественно опасных последствий. В то же время вред осознается рискующим лицом лишь как вероятный, но не желаемый, и он принимает возможные в конкретной ситуации меры безопасности по его предотвращению. К примеру, совершение многих медицинских экспериментов связано с риском причинения вреда здоровью, а иногда и жизни пациента. И хотя поставленная цель достигается не всегда, что в конкретной обстановке говорит об отсутствии общественно полезного результата, но в то же время не свидетельствует о социальной неприемлемости действия (бездействия) рискующего лица, потому что определяющим в этой обстановке будет ее стремление к достижению поставленного значительного общественно полезной цели;

д) предусмотренность обстоятельств, исключающих преступность деяния действующим законодательством. Проблема обоснованного риска активно рассматривалась теоретиками уголовного права с 50-х годов прошлого столетия, и только с принятием УК РФ обоснованный риск впервые получил закрепление в качестве одного из обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Выводы. Рассмотрение видовых признаков обоснованного риска в рамках родового понятия обстоятельства, исключающего преступность деяния,

позволяет в итоге определить обоснованный риск как предусмотренное УК РФ правомерное поставление объекта уголовно-правовой охраны в опасность, причинения вреда или фактическое причинение ему вреда, совершенное для достижения значительной общественно полезной цели в обстановке, когда эта цель не могла быть достигнута без такого риска, а принимаемые субъектом меры давали основания рассчитывать на предотвращение вреда правоохраняемым интересам.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни / А.П. Альгин. – Москва : Мысль, 1989. – 187 с.
3. Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния / Ю.В. Баулин. – Харьков : Основа, 1991. – 359 с.
4. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1 / Отв. ред. : Беляев Н.А., Шаргородский М.Д. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 648 с.
5. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть : Курс лекций / А.В. Наумов. – Москва, 1996. – 560 с.
6. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Г.З. Анашкин, С.В.Бородин, И.М.Гальперин, Н.И.Загородников, и др.; Отв. ред. : С.Г. Келина, В.Н. Кудрявцев – Москва : Наука, 1987. – 276 с.
7. Рассудовский В. Вопрос об имущественном риске в гражданском праве / В. Рассудовский // Советская юстиция. – 1963. – №18. – С. 11-13.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – Москва : Учпедгиз, 1946. – 703 с.
9. Собчак А.А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности / А.А. Собчак // Правоведение. – 1968. – №1. – С. 49-57.
10. Толковый словарь живого великорусского языка : избр. ст. / В.И. Даль ; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. – Москва : Олма-Пресс : Крас. пролетарий, 2004. – 700 с.
11. Уголовное право России. Учебник для вузов. В 2-х томах. – Т.1 Общая часть. / Отв. редакторы А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. – Москва : НОРМА-ИНФРА. – М.,1998. – 305 с.

УДК 336.225.68

А.А. Штокалова, преподаватель, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)

(e-mail: alex_shoker@mail.ru)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ УКЛОНЕНИЮ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются основные подходы к определению понятия преступления в сфере налогообложения, охарактеризованы виды налоговых преступлений и способы уклонения от уплаты налогов, фиксированных на законодательном уровне.

Ключевые слова: *налоги и сборы, сфера налогообложения, способы уклонения от уплаты налогов, субъект преступления, наказуемость преступления.*

Shtokalova, A.A.

COUNTERING TAX EVASION AS ONE OF THE MAIN DIRECTIONS OF STATE POLICY

The article discusses the main approaches to the definition of crimes in the field of taxation, describes the types of tax crimes and methods of tax evasion fixed at the legislative level.

Key words: *taxes and fees, the scope of taxation, methods of tax evasion, the subject of the crime, the punishability of the crime.*

Изложение основного материала. Проблема наполнения государственного бюджета и управления его дефицитом актуальна для большинства экономик мира. Соккрытие доходов и финансовые махинации субъектов налоговых правоотношений влекут за собой значительные негативные последствия. Уклонение от уплаты налогов является одной из главных причин бюджетных потерь и поэтому требует постоянного контроля со стороны государства. Кроме того, учитывая эволюцию налоговых систем, методы уклонения от уплаты налогов также постоянно меняются и тем самым приносят все новые угрозы для финансовой безопасности государства.

Во все времена проблема уклонения от уплаты налогов была и остается чрезвычайно актуальной, поскольку налоги являются крупнейшим источником формирования государственных финансовых ресурсов, без которого государство не может стабильно и совершенно выполнять свои функции. Одним из основных факторов, которые негативно влияют на наполнение бюджета, на протяжении многих лет остается «теневая» экономика, значительную часть которой занимает незаконная минимизация объекта налогообложения. В современных условиях ведения национального хозяйства, под давлением длительного кризиса, военного конфликта и других негативных факторов, уклонение от уплаты налогов является одной из самых острых проблем и требует немедленного решения. На сегодняшний день эта проблема способствует не только противоправному обогащению, но и сопровождается соответствующей реакцией

общества на неэффективную и обременительную налоговую систему. В свою очередь, распространение незаконных схем «отмывания денег» не позволяют налоговым органам должным образом осуществлять контроль за уплатой налогов и сборов.

Как замечают ученые, «значительная тенезация экономического оборота, недостаточность государственных усилий по его преодолению приводят к искажению принципов гражданского общества, формируют негативный международный имидж государства, сдерживают поступления в страну иностранных инвестиций, а также не способствуют налаживанию торгово-экономических отношений предприятий с зарубежными партнерами, что мешает сотрудничеству государств на международной арене» [9].

Значительную часть теневой экономики составляет уклонение от уплаты налогов, что является одной из самых острых проблем, немедленно требующих решения. Уменьшить масштабы этого явления можно путем формирования такой налоговой системы, которая располагала бы плательщиков налогов не избегать своих налоговых обязательств. Определяющим фактором здесь должно стать внедрение налоговой реформы, направленной на равномерное снижение налоговой нагрузки, упрощение системы налогообложения, усиление действенности налогового регулирования, а также на повышение эффективности администрирования налогов. Уклонение от уплаты налогов в настоящее время является не только одним из основных каналов незаконного обогащения, но и определенным ответом общества на обременительную и неэффективную налоговую систему. В свою очередь, высокий уровень тенезации экономики, постоянное увеличение количества зарегистрированных предприятий, их реорганизация не позволяют налоговым органам надлежащим образом осуществлять действенный контроль за исчислением и уплатой налогов.

Уклонение от уплаты налогов – это противоправные действия по уменьшению налоговых обязательств, последствиями которых, в случае их обнаружения, может быть ответственность за нарушение налогового законодательства.

Согласно Налоговому Кодексу Российской Федерации, налоговыми правонарушениями являются противоправные деяния (действие или бездействие) налогоплательщиков, налоговых агентов, и / или их должностных лиц, а также должностных лиц контролирующих органов, которые привели к неисполнению или ненадлежащему исполнению требований, установленных законодательством, контроль за соблюдением которого возложен на контролирующие органы [1].

Налоговое правонарушение характеризуют следующие признаки:

- общественная опасность и вредность деяния;
- противоправность действий (бездействия);
- виновное поведение лица, как результат свободного волеизъявления;
- юридическая ответственность.

Важным средством повышения эффективности контроля за нарушениями налогового законодательства, совершенствования процесса налогового аудита должен стать мониторинг способов противодействия уклонению от налогообложения. С целью установления партнерских отношений между фискальными органами и налогоплательщиками, основанных на принципах добропорядочности, беспристрастности и прозрачности, необходимо провести кардинальные изменения в системе администрирования налогов. При этом должна произойти смена приоритета фискальной функции путем осуществления постоянного мониторинга клиента. Важную роль в этом контексте играет мониторинг налоговых рисков, который позволяет постоянно наблюдать за деятельностью клиента и проводить анализ на основании максимально полной информации, которую можно получить без дополнительного вмешательства в деятельность предприятия. На современном этапе фискальным органам необходимо достичь определенной степени предупреждения фактов неплатежеспособности и уклонения от уплаты налогов субъектами предпринимательской деятельности, а также обеспечить добровольную уплату ими налоговых обязательств.

Налоговые риски представляют собой один из инструментов для осуществления этих задач. Автоматизация процесса мониторинга налоговых рисков позволит минимизировать влияние субъективного фактора на выбор предприятий для налогового аудита, позволит при этом осуществлять контроль за возможными нарушениями клиентами налогового и валютного законодательства без вмешательства в их предпринимательскую деятельность [3].

Наряду с этим, чтобы уменьшить масштабы уклонения от налогов и избегания от их уплаты, необходимо обеспечить ориентированность налогового законодательства на потребности налогоплательщиков, обеспечить его прозрачность и предотвращение налоговой дискриминации, повысить вероятность выявления фактов уклонения путем анализа деятельности посредников, чьи операции сегодня снижают во много раз предельные издержки уклонения для налогоплательщиков.

Еще одним из факторов, способствующих минимизации этой проблемы, является воспитание у плательщиков патриотических чувств, которые напрямую связаны с уплатой налогов.

Весомыми факторами, влияющими на решение предприятия по уклонению от уплаты налогов, является уровень налоговой нагрузки, ответственность за нарушение налогового законодательства, вероятность обнаружения факта уклонения от уплаты налогов и налоговой культуры налогоплательщиков. Однако необходимо отметить, что усиление меры наказания за уклонение от уплаты налогов не всегда является эффективной мерой [7]. В некоторых случаях может возникнуть ситуация, когда задолженность субъектов хозяйствования по налогам и сборам растет такими темпами, что полностью ее оплатить невозможно. Тогда возникает полный отказ

предприятий от уплаты налоговых платежей. Важным направлением противодействия уклонению от уплаты налогов является установление оптимального уровня налоговой нагрузки. Оптимальный уровень налогообложения достигается только в случае сбалансирования интересов плательщиков налогов и государства. В такой ситуации объемы налоговых потерь будут минимальными. С целью максимального обеспечения населения общественными благами акцентируется внимание на фискальной функции налогов, что, соответственно, обуславливает высокий уровень налоговой нагрузки.

Следует отметить, что на сегодняшний день существует определенное количество недостатков налоговой системы. Существует совокупность факторов, способствующих тенезации экономики, что усугубляется нестабильностью и пробелами в налоговом законодательстве.

Налоговая система обременена расходами на учет, их контроль и администрирование, которые зачастую превышают поступления от их уплаты. Такое количество платежей и количество времени, используемых на их оформление очень тормозят развитие предпринимательской деятельности и сдерживают конкуренцию на рынке товаров и услуг, приводят к нарушениям со стороны налогоплательщиков, дают возможность уклонению от уплаты налогов.

Как уже было отмечено, нормативно-правовая база по регулированию налоговых отношений очень сложная и нестабильная. Это приводит к усложнению процедур баланса прав и ответственности между налогоплательщиками и налоговыми органами, а отсутствие баланса, в свою очередь, приводит к незащищенности налоговых правоотношений, и, как следствие, к уклонению от уплаты налогов. Таким образом, возникает необходимость приведения налоговой системы в соответствие с требованиями общества, учитывая возникновение ряда противоречий между налогоплательщиками и государством в вопросах взимания налогов.

Указанная проблематика тесно связана с тем, что Донецкая Народная Республика не так давно вступила в состав Российской Федерации, поэтому до сих пор продолжается формирование законодательной базы, в том числе и в налоговой сфере. До настоящего времени в ДНР действовало множество нормативно-правовых актов, законов и подзаконных актов, которые лишь усложняли налоговый механизм, не выполняя при этом своего главного предназначения – регулирования налоговых отношений.

Одним из основных факторов, которые негативно сказываются на результативности налогового администрирования, а соответственно и на наполнении бюджета, в течение длительного периода остается теневая экономика. Теневая экономика негативно влияет на все его сферы – экономическую, политическую, социальную, правовую, международную. Её развитие представляет собой реальную угрозу демократизации общественных отношений и национальной безопасности, а также ведет к моральной деградации общества, общей правовой незащищенности.

В макроэкономическом масштабе налоговая нагрузка отражает эффективность налоговой политики, то есть количественно измеряет совокупное влияние налоговых платежей на источники их уплаты. В международной практике этот показатель определяется как отношение фактических налоговых поступлений в сводный бюджет государства к объему валового внутреннего продукта.

Еще одним направлением противодействия налоговым потерям является формирование предпосылок для легализации теневых структур. Он заключается в создании благоприятных организационно-экономических условий для возвращения теневых капиталов в официальный сектор экономики. Исторически в разных странах осуществлялись два основных подхода к решению проблемы возвращения и легального капитала в реальный сектор экономики:

1) введение жестких мер и норм валютного, налогового, уголовного законодательства;

2) налоговая «амнистия» [5].

Важным направлением противодействия налоговым правонарушениям и, соответственно, налоговым потерям является создание новых и совершенствование уже существующих методик и форм проведения, и организации налогового контроля, обуславливающих переход плательщиков налогов в нелегальный сектор экономики. Однако, усиление давления на субъектов хозяйствования путем введения жестких норм в налоговое и уголовное законодательство само по себе не может способствовать возвращению теневого капитала в легальный сектор экономики. Такие меры носят превентивный характер и пресекают дальнейший отток капитала в теневой сектор экономики.

Стоит заметить, что применение только жестких мер для противодействия уклонению от налогообложения будет недостаточно эффективным. Поэтому повышение уровня налоговой дисциплины и грамотности налогоплательщиков налогов является одним из приоритетных направлений в сфере противодействия уклонению от уплаты налогов. Крайне важным является повышение уровня налоговой культуры и знаний налогоплательщиками своих прав и обязанностей, осознание ими необходимости уплаты налогов и сборов. Так, Таранов И.Н. отмечает, что налоговая культура в государстве зависит от:

– экономического развития государства и соотношения устоявшихся правовых, социальных, моральных и психологических норм-регуляторов общественных отношений;

– юридически-правовых и практических компонентов формирования общественного сознания граждан [8].

Такие условия способствуют осознанию субъектами хозяйствования необходимости уплаты налоговых платежей. Прозрачность информации о направлениях использования бюджетных средств и высокий уровень предоставления общественных благ населению может стимулировать

повышение добровольности уплаты налогов и сборов. К тому же, деятельность государственных органов должна быть направлена на формирование таких условий, которые будут поощрять налогоплательщиков самостоятельно и в полном объеме платить причитающиеся платежи в бюджет.

Соблюдение налогового законодательства является необходимым условием финансового развития любого государства. Своевременная и полная уплата обязательных платежей имеет большое значение для развития любого государства, ведь это способствует как укреплению финансового состояния страны, так и улучшению социальной защищенности ее граждан.

В современных условиях развития нашего государства основной задачей действующего законодательства является защита законных интересов страны, предпринимателей и потребителей. Становление рыночных отношений часто связано с увеличением ряда преступлений и появлением новых правонарушений в сфере экономики.

Ученые отмечают, что способы уклонения от уплаты налогов достаточно разнообразны, а налоговые правонарушения, как правило, носят интеллектуальный характер. Современные налоговые правонарушения имеют такие черты:

- они осуществляются в большинстве случаев в процессе профессиональной хозяйственной деятельности с использованием компьютерных технологий и электронных средств связи;

- маскируются различными приемами и средствами сокрытия нарушений под видом «неудачной» предпринимательской деятельности;

- осуществляются лицами, имеющими высшее образование, хорошо подготовленными в экономическом и организационном аспектах, на первый взгляд являющимися законопослушными гражданами, которые, при этом, к ответственности ранее не привлекались;

- наносят значительный экономический ущерб интересам государства, большинства юридических и физических лиц [6].

За нарушение налогового законодательства, контроль соблюдения которого возложен на органы доходов и сборов, применяются следующие виды юридической ответственности – финансовая, административная и уголовная.

До вступления в состав Российской Федерации в Донецкой Народной Республике согласно Постановлению Совета Министров Донецкой Народной Республики №2–22 от 27.02.2015 года «О временном порядке применения на территории Донецкой Народной Республики» действовал Кодекс Украины «Об административных правонарушениях» (КУоАП). На территории ДНР действовал Кодекс Украины об административных правонарушениях в редакции 2013 года. Административную ответственность за нарушение налогового законодательства Донецкой Народной Республики регулируют КРФоАП, другие законодательные акты, которые предусматривают административную ответственность в финансовой сфере.

Административная ответственность является средством административного воздействия на нарушителей налогового законодательства с применением административно-правовых норм. Основанием для наступления административной ответственности за нарушение налогового законодательства является наличие состава административного правонарушения – виновных или неосторожных действий или бездействий, посягающих на охраняемые законом общественные отношения, за которые законодательством предусмотрена административная ответственность.

Особенностями административных взысканий являются:

- применяются к физическим лицам и должностным лицам, виновным в налоговых правонарушениях;
- административные санкции не влекут за собой судимости;
- применяются в отношении наименее значительных налоговых правонарушений (проступков), которые по своему характеру соответствуют с законом не влекут уголовной ответственности;
- отсутствие тяжелых правовых последствий [4].

Основанием административной ответственности за нарушение налогового законодательства налогоплательщиком является его противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие или бездействие, посягающее на охраняемый законом порядок в области финансов и предпринимательской деятельности. Составы этих правонарушений и размер штрафа определен главой 15 КРФоАП [2].

Сегодня, при взаимодействии фискальных органов с налогоплательщиками, процедуры выполнения обязанностей рассматриваются как сервис, требующий комфортности и удобства. Это необходимо для налаживания системы фискального партнерства между фискальными органами и налогоплательщиками. Налогоплательщики будут добросовестно выполнять свои обязанности в случае, если негативные последствия уклонения от уплаты налогов значительно превысят выгоду, полученную в результате уклонения. Поэтому санкции за нарушение налогового законодательства должны быть экономически обоснованными и побуждать субъектов хозяйствования к добросовестному выполнению обязанностей по уплате налогового обязательства.

Список использованных источников

1. О налоговой системе [Текст электронный]: закон Донецкой Народной Республики [принят Постановлением Народного Совета от 25.04.2023 г.]. – URL: <https://dnrsovetsu/zakon-o-nalogovoj-sisteme-donetskoj-narodnoj-respubliki/> – (дата обращения: 20.05.2023).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Текст электронный]: Принят Государственной Думой от 20 декабря 2001 года. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ – (дата обращения: 22.05.2023).

3. Адамов Н. Тенденции совершенствования налогового администрирования и зарубежный опыт / Н. Адамов, А. Смирнова // Финансовая газета. – 2015. – № 23. – С. 32-35.
4. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. – 2–е изд., испр. и доп. – Москва : Норма, 2016. – 382 с.
5. Козырева С.Н. Уклонение от уплаты налогов / С.Н. Козырева // Торговля: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2016. – С.15-21.
6. Попонова Н.А. Об особенностях выявления налоговых правонарушений с использованием фиктивных сделок и операций / Н.А. Попонова // Роль бухгалтерского учета, контроля и аудита в обеспечении экономической безопасности России: Сб. научных трудов. Вып. 7. – Москва : Научный консультант, 2018. – С.118–125.
7. Сулейманова Н.Х. Причины и способы уклонения от уплаты налогов / Н.Х. Сулейманова // Молодой ученый. – 2017. – № 1. – С. 266-268.
8. Таранов И.Н. Фискальный потенциал и эффективность взимания налогов: монография / И.Н. Таранов. – Тернополь : ТАНГ, 2014. – 300 с.
9. Хомутенко В.П. Налогообложение субъектов хозяйствования: учеб. пособие / В.П. Хомутенко, И.С. Луценко, А.В. Хомутенко; под общ. ред. В.П. Хомутенко. – Одесса : «ВМВ», 2017. – 418 с.